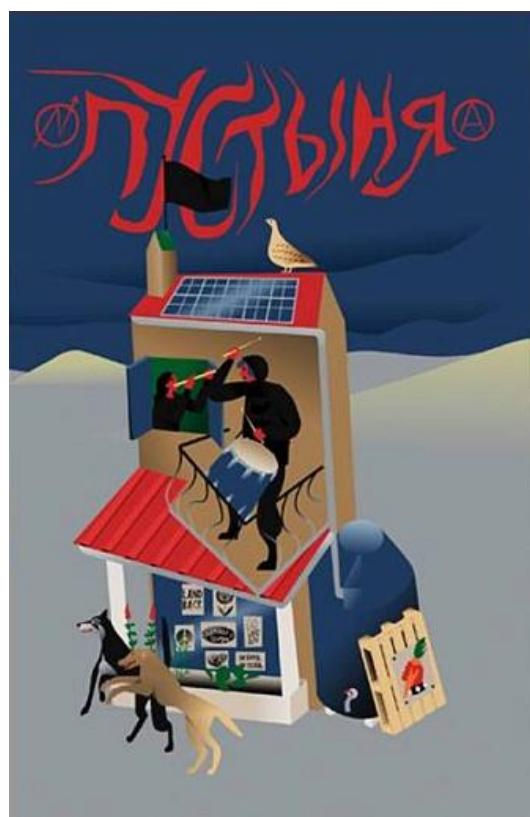

Пустыня

Аноним

2011

Оглавление

Предисловие	5
Авторское примечание	7
Вперёд!	9
1. (Глобального) будущего нет	11
Религиозные мифы: прогресс, глобальный капитализм, глобальная революция, глобальный коллапс	11
Я люблю нас! Мы столь много можем сделать, но всё-таки мы не всесильны	13
От антиглобализации к изменениям климата	14
2. Всё намного запущеннее, чем мы думали	18
Наблюдаемое изменение климата происходит быстрее, чем ожидалось . . .	18
Призрачные гектары кормят чрезмерный рост населения	22
Изменение климата дарует возможности и чинит препятствия	25
3. Бури в пустыне	27
Военные смотрят в будущее	27
Реальные боевые действия и несостоявшиеся государства	28
Миротворцы на кладбище живых	31
От (продовольственных) бунтов к восстанию	32
4. Африканские пути к анархии	34
Анархические элементы в повседневной (крестьянской) жизни	34
Народы без правительства	36
Совместности возрождаются на фоне спада мировой торговли	37
Переиграть государство	39
5. Цивилизация отступает, дикость остаётся	41
Империи распространяют пустыни, в которых они не смогут выжить	41
Свобода кочевников и крах сельского хозяйства	42
Рябок и креозотовый куст	44
6. Возвращение Terror-nullius	46
Цивилизация расширяется по мере оттаивания тундр	46
Экоцид и геноцид на «пустых» землях	48
Свобода и рабство на новых рубежах	50

7. Конвергенция и новое городское большинство	53
Продолжительность жизни и ожидания от «современной жизни»	53
Расходящиеся миры	55
Выживание в трущобах	56
Старые боги и новые небеса	58
Бродячие растения в городских экосистемах	61
8. Сохранение природы в условиях перемен	63
Апокалипсисы сейчас	63
«Сохранение природы — вот наше правительство!»	65
Контроль повреждений	67
Преимущество: нас мало, а проблем очень много	68
Преимущество: Цивилизации присущ, как геноцид, так и экоцид . . .	69
Преимущество: Бюджеты на охрану природы в большинстве стран	
мира ничтожно малы	69
Преимущество: Многие люди — расисты	70
Преимущество: Негосударственные силы также вызывают разрушение	
окружающей среды	70
Преимущество: Глобализация распространяется	71
Преимущество: Отдельные области могут оказаться неспособными	
сохранить биоразнообразие	71
Преимущество: Ситуация тяжёлая	71
За природой последнее слово	72
9. Анархисты за стенами	73
Социальная война в умеренном климате	73
Государства надзора и культуры безопасности	76
Больше сопротивляйтесь, меньше подчиняйтесь	80
Любовь, здоровье и восстание	84
10. Пустыня	86
И если мы звери — то не выочных звери	86

«Пустыня» кажется мне игривым творческим упражнением с целью вовлечения других в игру. Отвергая всё глобальное, она утверждает, что вопрос «Как мне прожить свою жизнь?» может быть более стоящим, чем «Как мне спасти мир?». Она просит нас отказаться от нашего стремления к будущему, которое мы не в состоянии создать или в которое у нас нет причин верить, и вместо этого использовать эту энергию для изучения самих себя, нашего окружения и, при желании, других. Самое интересное, что «Пустыня» призывает нас переосмыслить наше понимание анархистских сообществ. Возможно, эти сложные сети взаимодействий лучше всего смогут адаптироваться ко всему, что принесёт нам будущее. В них мы сохраняем способность расширять трещины в бетоне, которые позволят более широко проявлять нашу дикость. Всё это возможно только в той мере, в какой мы открыты друг другу, разным обстоятельствам и новым способам отношения к собственным желаниям.

feral sean. Unimaginable Weirdness: Comments on Some Comments on Desert

Когда «Пустыня» указывает на настоящие и грядущие анархию и хаос, она признаёт странность будущего (по крайней мере, для наших унаследованных моделей мышления и политических карт); и, наоборот, когда «В пыли этой планеты» [книга Юджина Такера] признаёт странность и немыслимость мира, она указывает на текущий и грядущий биологический, геологический и климатологический хаос. Их следует читать вместе [...] Хотя «Пустыня» и исходит из познаваемости мира — главным образом, как объекта науки, — она всё же обладает редким достоинством, подчёркивающим его растущую непознаваемость в качестве объекта наших политических проектов, предсказаний и планов. «В пыли этой планеты» позволяет нам направить эту мысль дальше в чрезвычайно тревожном направлении, раскрывая дикую природу, более дикую, чем та, на которую ссылаются критики капитализма и цивилизаций: немыслимую Планету, стоящую по ту сторону пригодной для жизни Земли.

Alejandro de Acosta. Green Nihilism or Cosmic Pessimism (2013)

Активное разочарование освобождает. Оно не должно приводить к бездействию, наоборот, оно способно воодушевить нас на повседневную борьбу; без каких-либо отчаянных надежд на «мировую революцию», заставляющую лишь ждать, пока мир вокруг рухнет. Стоит признать антиутопию будущего и настоящего, пытаться смотреть ей в лицо и развивать собственные образы жизни, не впадая при этом в утопизм. «Цель» — не ожидание лучшего завтра, а борьба здесь и сейчас за создание чего-то, ради чего всё ещё стоит жить: ради нас, наших близких, нашего животного и растительного мира, нашей Земли. Когда речь больше не идёт об ожиданиях и надеждах, мы становимся открыты ко всему.

Elany & Samuel B. Survival in the Endtimes. A Wildpunk «Manifesto» (2021)

Предисловие

О глобальном экологическом кризисе активно говорят уже больше полувека. Но, несмотря на усилия многих активистов, движений, организаций и даже государственных деятелей, принятых мер всё ещё недостаточно и вряд ли будет достаточно в будущем из-за всё возрастающей сложности системы «общество-природа», пронизанной властными отношениями. Сложность же предполагает высокую степень неопределенности будущего. Отсюда и возникают трудности в прогнозировании. Тем не менее настоящее предоставляет нам некоторую информацию о намечающихся тенденциях в разных сферах жизни, и мы способны хотя бы нащупать их оформляющуюся логику.

«Пустыня» вряд ли претендует на точность представленных вариантов будущего. Да, в ней описываются некоторые модели развития событий, но анонимный автор или авторка¹ обращается к ним, исходя из понимания высокой степени неоднородности будущего. Рассматриваемые модели во многом сами передают эту неоднородность, они подтасывают более, привычное и удобное представление о том, что мир развивается понятным образом, что в нём существуют определённые противоборствующие силы, разыгрывающие сценарий борьбы в установленных системой власти рамках. Но иллюзия единого будущего строится на иллюзии единого настоящего: вопреки претензиям цивилизации² на тотальный контроль, надзор не повсеместен

---

¹ Пол автора/авторки неизвестен из-за его/её анонимности, поэтому по отношению к нему/ней в тексте используются два рода для сохранения гендерной нейтральности — прим. ред.

² Понятие «цивилизация» достаточно многозначно. Тем не менее стоит попытаться дать собственное объяснение этого термина (или хотя бы его соотношение с другими терминами во избежание путаницы), которое, по моему мнению, может быть схоже с его трактовкой в общей пост- и антицивилизационной анархистской мысли.

Несмотря на то, что анархист Д. Дженсен настаивает на неотъемлемой связи роста городов и развития цивилизации (в конце концов этимология самого слова намекает на неё: от лат. *civilis* — гражданский, государственный), вряд ли можно согласиться с тем, что город всегда означает наличие цивилизации. Например, Дж. Скотт в «Против зерна» упоминает о существовании городов охотников-собирателей в Месопотамии (Скотт Дж. Против Зерна; глубинная история древнейших государств / пер. с англ. И. Троцук — Дело, 2021, с. 28-29). Небольшие города могут существовать и без цивилизации, в то время как цивилизация всегда предполагает наличие городов. Кроме того, цивилизация всегда подразумевает систему властей, но это не значит, что устойчивых иерархий нет в нецивилизованных обществах. Она есть; и множество антропологических данных тому подтверждение (См., например, Артемова О. Колеса Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем) — Смысл, 2009, с. 345-347). Понятие « власть » шире понятия «цивилизация», т.к. последнее — одно (хотя и превалирующее сегодня) из проявлений первой. Тем не менее всем цивилизациям присуща социальная стратификация, усиливающееся разделение труда, централизованный бюрократический аппарат, армия, жречество/духовенство, концентрация населения в искусственной среде вроде городов и всей той местности, которая обеспечивает их существование, что, в свою очередь, всегда предполагает одомашнивание окружающей среды, а значит и человека.

Более того, цивилизация создаёт идеологию, согласно которой лучшая свободная жизнь возможна только внутри её системы, в то время как без неё человек обречён на жалкое выживание в дикой природе, непрерывный монотонный труд и отсутствие разнообразия и развития. Чтобы убедить человека в том, что достойной альтернативы цивилизации не существует, необходимо сделать так, чтобы её идеология была невидимой, а все её основы — нейтральными. Человек может быть критичным к отдельным проявлениям системы власти внутри цивилизации, но к самой цивилизации он будет относиться как к чему-то, что само собой разумеется.

сейчас и вряд ли будет повсеместен в будущем. И, наоборот, не стоит ждать всемирной революции, коллапса цивилизации, всеобщей стачки и т. д. Глобальность альтерглобалистского движения иллюзорна не меньше всеобщего контроля цивилизации. Стремление к всемирному распространению тех или иных освободительных идей оказывается следствием влияния логики цивилизации, её проекцией на общее желание освобождения. Как пишет автор «Пустыни», «мы не „семя будущего общества в оболочке старого“³, а один из многих элементов, из которых формируется будущее». Либертарии влияют на положение дел, но не являются доминирующей силой и вряд ли когда-либо ею станут, по крайней мере под ярлыком «анархизма».

Но баланс сил непостоянен: густозаселённые мегаполисы в будущем могут стать пустынями, и наоборот. Учитывая то, что пагубных последствий⁴ изменения климата вряд ли можно избежать (по крайней мере на этом настаивает «Пустыня»), обществам, жаждущим освобождения, стоит подготовиться к вероятной реконфигурации власти и, возможно, даже извлечь из этого процесса какую-то выгоду. Цивилизация вряд ли исчезнет за один день (и вряд ли исчезнет в ближайший век). В случае угрозы нынешним её центрам она охотно переместится в более комфортные условия для своего дальнейшего успешного функционирования. А комфортные условия могут появиться там, где их сейчас нет даже в зачатке, опять же вследствие изменения климата.

Но за что бороться и что делать, если «гармоничное сообщество свободных личностей» не становится ближе, а цивилизация не намерена отступать даже под угрозой исчезновения многих из её центров? В «Пустыне» нередко встречаются фразы наподобие «мир не будет спасён», и это отнюдь не подкрепляет надежду на развитие «мира, в котором поместится множество миров»⁵.

Однако не стоит отчаиваться. Да, «Пустыня» пессимистична⁶, но этот пессимизм, во—первых, обнажает проблемы современных либертарных и экологических теорий/практик, во—вторых, позволяет иначе представить будущие условия, что откроет новые возможности и поможет сосредоточиться на тех проблемах, которые стоит решать в первую очередь. Пессимизм «Пустыни» во многом экзистенциален, он не пытается вогнать читателя в апатию, наоборот, призывает к обновлению, причём как на идеином, так и на практическом уровнях. Он, можно сказать, бодрит и отрезвляет, избавляя от распространённых иллюзий и ложных надежд. «Пустыня» атакует идеологии (включая анархизм), некоторые стратегии и попытки саморепрезентации, но не само стремление многих народов и низовых сообществ к освобождению. Как говорил Д. Гребер: «иногда самый глупый поступок из всех возможных — это поднять красное или чёрное знамя и выпустить дерзкий манифест»⁷. Это вовсе не

---

³ Имеется в виду лозунг вобблис — Индустриальных Рабочих Мира (англ.: IWW, Industrial Workers of the World).

⁴ Опять же для большинства современных земных видов, включая человека. Не исключено, что появятся новые виды, более успешные в приспособлении к новым условиям, далёким от человеческих представлений о «дикой природе».

⁵ Один из главных сапатистских лозунгов, который нередко используется и нами в Компосте.

⁶ Недаром она входит в блок текстов под ярлыком «анархо-нигилизма».

⁷ Грэбер Д. *Фрагменты анархистской антропологии* — Радикальная теория и практика, 2014, с.55.

значит, что нужно совсем отказаться от символов, тут речь идёт о чувстве уместности, приоритетах и взвешивании рисков.

И, конечно, не стоит забывать, что анархия далеко не всегда процветает под чёрными флагами. Скорее она имеет распределённый распылённый характер, с большей или меньшей концентрацией в действиях/образах жизней/культурах тех или иных людей/сообществ/народов. Многие народы, почти ничего (или ничего) не знающие об «анархизме», воплощают в реальность многие из его принципов, и «Пустыня» лишний раз об этом напоминает. Но наличие отдельных проявлений анархизма в культурах тех или иных народов ещё не предполагает отсутствие в них властных аспектов. Более того, стоит избегать внешне привлекательной идеи о том, что незападные народы в целом более анархичны по своей сущности. Да, во многих незападных культурах присутствуют черты, которые можно идентифицировать в качестве «анархических» или «околоанархических» (и их действительно может быть намного больше, чем среди западных народов), но не стоит закрывать глаза и на их специфические иерархии. В целом, конечно, западному анархизму до сих пор не хватает внимания к незападным и в особенности к нецивилизованным⁸ народам, но и некритичное очарование ими приведёт лишь к появлению очередных иллюзорных надежд.

«Пустыня» пропитана настоящей анархистской логикой: в ней отсутствует претензия на абсолютную истину, она не пытается переубедить читателя, только если предостеречь и предложить некоторые другие интерпретации происходящего. Она не содержит универсальных решений для каждого и каждой, хотя сомнения относительно эффективности некоторых существующих либертарных представлений о мире, а также стратегий и тактик в ней имеются, и неспроста. И, что также важно для анархистского текста, это обращение к далеко не анархистским источникам и, конечно, отсутствие идеологической зашоренности.

«Пустыня» существует между отчаянием и очарованием: важно оставаться на плаву в настоящем, нередко занимаясь значимыми, но не «эффектными» делами, стараться «играть в долгую», пересобирая собственную повседневность. Невозможность единого свободного будущего ещё не означает невозможность собственного свободного будущего, наоборот, отсутствие единого образа позволяет сохранять идейную и практическую гибкость в условиях высокой неопределённости.

Шиш

Авторское примечание

«Пустыня» написана любящ(ей) природу анархист(кой), и в ней я в первую очередь обращал(ась) к единомышленникам и единомышленницам. По этой причине здесь не всегда разъясняются разделяемые мной идеи, хотя многие из них являются общепринятыми в анархистских и радикально-экологических кругах. Надеюсь, что мне удалось написать достаточно доступно, и «Пустыню» будет интересно читать

---

⁸ Имеются в виду те, что избежали поглощения цивилизацией. Соответственно, термин имеет достаточно положительное значение.

даже тем, кто далёк от либертарной среды. И хотя лучшее введение в экологию и анархию — это время, проведённое в неодомашненных экосистемах и анархистских сообществах, для кого-то — как и для меня — следующие книги могут также оказаться полезными:

- Marshall P. *Demanding the Impossible: A History of Anarchism* — London: HarperCollins, 2008
- Perlman F. *Against His-story, Against Leviathan* — Detroit: Black & Red, 1983
- Manes C. *Green Rage: Radical Environmentalism and the Unmaking of Civilization* — Boston: Little, Brown and Company, 1990
- Ponting C. *A Green History of the World* — London: Penguin Books, 1991.

Вперёд!

Нечто неотступно преследует многих активисток, анархистов, защитников окружающей среды¹, многих моих друзей и подруг. Оно преследует и меня. По большей части наши сообщества говорят нам, что это нечто не существует, что мы не можем его увидеть или услышать. Наши лучшие пожелания миру скрывают его от нас. Но для многих, несмотря на все их усилия продолжать заниматься привычным активизмом, создавать движения, жить в соответствии со своей этикой, быть её воплощением, призрак обретает очертания. Его тусклый образ становится всё более отчёtlивым, всё более неотвратимым — и вот он уже смотрит прямо в глаза. Его взгляд подобен взору чудовищ из сказок прошлого — встретив его, люди цепенеют. Не могут пошевелиться. Они теряют надежду, разочаровываются и становятся бездеятельными. Это недомогание, замирание не только снижает «рабочую нагрузку»² активистов, но и влияет, по моим наблюдениям, на все стороны жизни многих моих друзей и подруг.

Призрак, который многие стараются не замечать, — это осознание, что мир не будет «спасён». Всемирная анархистская революция не произойдёт. Глобальное изменение климата уже не остановить. Мы не увидим повсеместного конца цивилизации/капитализма/патриархата/власти. Этого не произойдёт в ближайшее время. Это вряд ли вообще когда-либо произойдёт. Мир не будет «спасён». Ни активизмом, ни массовыми движениями, ни благотворительными организациями, ни восставшим мировым пролетариатом. Мир не будет «спасён». Это осознание ранит людей. Они не хотят, чтобы это было правдой! Но это, вероятнее всего, так.

Эти осознания, этот отказ от иллюзий не должны становиться причиной бессилия. Однако если человек исходит из позиции «всё или ничего» — это проблема. Многие мои друзья «выбыли» из «движения», другие остались, но впали в отчаяние, став циничными, что свидетельствует об осознании бесперспективности борьбы. Некоторые бродят где-то неподалёку, критикуют всё и вся, почти не живут и не борются.

«Дело не в отчаянии — с отчаянием я справлюсь. Надежда — вот с чем я справиться не могу.»³

Надежда на эту окончательную счастливую развязку вредна: она лишь готовит к боли, неизбежно приходящей вместе с разочарованием. Потому что на самом-то

¹ В перечислениях подобного типа периодически будут встречаться чередования рода для достижения гендерной нейтральности — прим.ред.

² Рабочая нагрузка — термин из области управления производством, означает примерно следующее: совокупность поддающихся учёту воздействий, которые влияют в рабочей системе на человека — прим. ред.

³ Нет, не Деррик Дженсен, а Джон Клиз! — «Пунктик». К/ф. Реж. Кристофер Морахан. 1986.

деле кто из нас сейчас по-настоящему верит? Сколько людей выгорело от многочисленных попыток увязать религиозную веру в позитивное преобразование мира с окружающей нас реальностью? И всё же разочарование — в глобальной революции или в нашей способности остановить изменение климата — не должно менять нашу анархистскую натуру или нашу *по-анархистски прочувствованную* любовь к природе. У свободы и дикости по-прежнему остаётся много возможностей.

Каковы же эти возможности и как мы можем их реализовать? Что значит быть анархистом, защитницей природы, если цель — не всемирная революция и всеобщая социальная/экологическая устойчивость? Какие цели, какие планы, какие жизни, какие приключения возможны, когда иллюзии отброшены и мы идём в мир, не сломленные разочарованием, а освобождённые?

1. (Глобального) будущего нет

Религиозные мифы: прогресс, глобальный капитализм, глобальная революция, глобальный коллапс

Идея прогресса заняла центральное место в современной западной парадигме. Господствует представление, что весь мир движется вперёд к лучшему будущему. Идея неизбежности или возможности глобального либертарного будущего берёт своё начало в этом убеждении.

Во многих отношениях анархизм был и остаётся либертарной крайностью европейского Просвещения (против бога и государства). В некоторых странах, например, в Испании начала XX века, он и был Просвещением — его воинствующий научный антиклерикализм был столь же привлекателен, как и его антикапитализм. Однако от исторического мусора так просто не отмахнёшься, и зачастую «прогрессивные» революционные движения по сути, форме и цели были продолжением религии. Например, вера в достижение всеобщего мира и красоты через апокалиптические бури крови и огня (революция/второе пришествие/крах цивилизации) указывает на то, что анархизм, как просвещенная идеология, был сильно отягощен своим евро-христианским происхождением. Джон Грей имел в виду марксизм, когда говорил, что он является «...радикальной версией просвещенной веры в прогресс — мутации христианских надежд... [Подобно] иудаизму и христианству, он рассматривает историю как моральную драму, последним актом которой является спасение»¹. Однако и некоторые из анархистской среды повелись на подобную чушь, несмотря на то, что среди анархистов и анархисток такого рода вера не столь распространена.

В наши дни сам прогресс всё чаще ставится под сомнение как анархистами, так и всем обществом. На сегодняшний день я ещё не встретил(а) никого, кто бы верил в неизбежность² глобального анархистского будущего. Однако идея глобального движения, противостоящего глобальному настоящему и создающему глобальное будущее, имеет много сторонников и сторонниц. Некоторые из них даже являются либертариами, которые надеются на возможность глобальной анархистской революции.

---

¹ Gray J. *Al Queda and What It Means to Be Modern* — London: The New Press, 2003, p.7.

² Хотя я лично не знаю никого, кто верит в это сегодня, анархизм как телос [телос — конечная цель чего-либо, взято из философии Аристотеля — прим. ред.] человеческой истории всё ещё присутствует в нашей пропаганде. Даже в 2006 году в самой, я бы сказал(а), доступной и, безусловно, самой наглядной вводной книге по анархии утверждается, «что человеческая история, несмотря на все препятствия со стороны власти, всегда была направлена в сторону свободы: дальнейший прогресс неизбежен... Общество естественным образом развивается ради обеспечения благополучной жизни для всех: результаты коллективного производства будут использоваться совместно. Это и есть анархизм». Так Клиффорд Харпер с одобрением отзыается о «*Scientific basis for Anarchism*» Петра Кропоткина, в книге Harper C.

Иллюзорный триумф капитализма после падения Берлинской стены привёл к провозглашению — скорее утопическому³, чем реальному — Нового мирового порядка, глобальной капиталистической системы. Многие отреагировали на идею такой глобализации призывом к глобализации снизу. Публичное появление сапатистов и распространение интернета, случившиеся почти одновременно, укрепили эту позицию. Последующие международные дни действий, часто совпадающие с саммитами, стали очагами якобы глобального антикапиталистического «движения движений». Оживление на улицах затмило его призрачность. Ведь глобального движения против капитализма не было ни тогда⁴, ни когда-либо ещё⁵, так же как и сам капитализм никогда не был по-настоящему глобальным. Есть много, очень много мест, где капиталистические отношения не являются доминирующими, и ещё больше мест, где антикапиталистических (не говоря уже об анархистских) движений просто не существует.

Посреди праздничной ирреальности этого периода «глобального сопротивления» некоторых заносило слишком сильно: «Мы не заинтересованы в реформировании Всемирного банка или МВФ, мы желаем их упразднения в рамках международной анархистской революции»⁶. Причина написания подобных заявлений понятна, когда они высказаны в пьянящем возбуждении после победы над полицией, но всё-таки они встречаются гораздо чаще. Само описание одной анархистской федерации гласит: «Поскольку капиталистическая система правит всем миром, её уничтожение должно быть полным и всемирным»⁷.

Anarchy: A Graphic Guide — London: Camden Press, 1987, p. 59.

³ Идея о тысячелетнем царстве, скрытая в «конце истории», влияет как на правителей, так и на управляемых.

⁴ Хотя «глобальный» день действий 18 июня 1999 г., возможно, положивший начало этому периоду, был назван лондонским отделением Reclaim the Streets «Карнавалом против капитала» [Carnival against Capital — прим, ред.], существует мало свидетельств того, что большинство участников в других местах (особенно за пределами Запада) считало себя антикапиталистами — как тогда, так и в последующий период. Peoples Global Action — основная сеть, которая связывала анархистов/активистские группы на Западе с организациями в странах Глобального Юга — никогда не была такой уж глобальной, и её масштабы часто преувеличивались.

⁵ Поскольку отсутствие какого-либо глобального движения против капитализма столь очевидно, тем, кто хочет верить в него, приходится прибегать к впечатляющим умственным усилиям. Если взять за скобки показанность авторитарных левых, основная техника в наших кругах заключается в том, чтобы вспомнить все разрозненные случаи противостояния, а также отдельные моменты личного и коллективного сопротивления (считывающиеся частью классовой борьбы) и затем соединить их вместе, назвав их «коммунизм», «движение движений», «множество» [термин М.Хардта и А. Негри, подробнее см. сноску 35 — прим. ред.]. По сути, это пример магического мышления: если классифицировать и определять рассеянное и невидимое, оно становится реальным. Затем вешь можно наделить атрибутами и спроектировать на неё желания — неудивительно, что зачастую именно такие желания воображающий хотел бы видеть в движении, продвигающем его/её взгляды на политику. То, что общая борьба может осуществляться людьми с принципиально разными убеждениями, желаниями и потребностями, не имеет значения, поскольку важна воображаемая конструкция, а не её реальное содержание.

⁶ Flood A. *S26 in Ireland and the Origins of the Anti-capitalist movement* — Workers Solidarity Movement (Ireland), 13th September, 2000.

⁷ *UK Anarchist Federation. Resistance* — May 2009, p.4. Эти цитаты являются лишь примером — вы сами можете найти много похожих. Если вы связаны с этими организациями/движениями — не воспринимайте мои слова в качестве подколки. Многие из вас, кого я знаю, делают замечательные вещи и являются прекрасными людьми: вместе с вами мы и веселились, и боролись.

Иллюзия единого Мирового капиталистического настоящего отражается в иллюзии единого мирового анархистского будущего.

Я люблю нас! Мы столь много можем сделать, но всё-таки мы не всесильны

Анархисток и анархистов становится всё больше. Группы и контркультуры появляются в странах, где ранее анархистов, участвующих в общественных движениях, было мало или же вообще не было⁸. Однако честная оценка наших сил и перспектив, а также сообществ и классов, частью которых мы являемся, могла бы ясно показать, что мы не выращиваем «новое общество в оболочке старого»⁹, которое освободит мир в критический момент. В цифровом пространстве глобальной (активистской) деревни бывает сложно сохранять чувство реальности, не пренебрегать её сложностью и разнообразием¹⁰. Хочет избавить мир от капиталистических общественных отношений или, ещё больше, от цивилизации — это одно. Быть способными сделать это — совсем другое. Мы не везде — нас очень мало.

Акции, кружки, социальные центры, городские партизанские ячейки, редакционные группы журналов, защитницы природы, жилищные кооперативы, студенты, приюты, поджигательницы, родители, сквоты, учёные, крестьяне, забастовщицы, учителя, земельные коммуны, музыканты, члены племён, уличные банды, влюблённые повстанцы и многое, многое другое. Мы, анархисты и анархистки, можем быть чудесными. У нас может быть много красоты, самоуправляющей силы и возможностей. Однако мы не способны переделать весь мир: нас недостаточно, и, никогда не будет достаточно.

Некоторые утверждают, что глобальная либертарная революция может быть успешной без участия или значительной помощи со стороны открытых анархистов, поэтому «наши» нынешние численность и ресурсы нужно признать недействительными. Хотя очевидно, что в обществах, основанных на классовой войне, социальные кризисы и бунты происходят регулярно, уповать на «революционный импульс пролетариата» — это всё равно что постоянно повторять фразу «всё будет хорошо»¹¹.

---

⁸ Я использую фразу «анархисты, участвующие в общественных движениях» для обозначения тех из нас, кто называет себя анархистами и анархистками и чувствует некоторую связь с анархистскими традициями западного происхождения. Многие общности и личности жили и живут по-анархистски, не имея никакой связи с нашими относительно современными общественными движениями. Я пишу о таких анархистках и анархистах в Главе 4 «Африканские пути к анархии».

⁹ Заявления, в которых говорится о строительстве или выращивании нового общества в оболочке старого, относительно часто встречаются в либертарной литературе. Хотя сама концепция возникла раньше, считается, что такая формулировка впервые встречается в преамбуле конституции Индустриальных рабочих мира столетней давности: «Создавая промышленную организацию, мы формируем структуру нового общества в оболочке старого».

¹⁰ Конечно, Интернет соединяет весь мир, но большинство из нас в итоге в основном слышат людей, похожих на себя: «Мы оказываемся в этих фильтрующих пузырях... где мы видим людей, которых мы уже знаем, и людей, которые похожи на тех, кого мы уже знаем. И мы, как правило, не видим более широкой картины». Zuckerman E. Listening to Global Voices.

¹¹ От английской поговорки «It'll be alright on the night», означающей надежду на успех, несмотря

К сожалению, в истории мало свидетельств в пользу того, что рабочий класс — не говоря уже о всех остальных — по своей природе предрасположен к либертарной или экологической революции. Тысячи лет авторитарной социализации способствуют благосклонности к грубой силе...¹²

Ни мы, ни кто-либо другой не сможет создать либертарное и экологическое глобальное общество будущего путём расширения общественных движений. Более того, нет никаких оснований думать, что в отсутствие такого расширения глобальная социальная трансформация, соответствующая нашим желаниям, когда-либо произойдёт. Как анархистки и анархисты, мы не являемся семенем будущего общества в оболочке старого. Мы лишь один из многих элементов, из которых формируется будущее. Это нормально. Когда речь идет о таких масштабах и сложностях, нераболепное смиление ценно. Ценно даже для любителей повстанческого анархизма.

Отказаться от надежды на мировую анархистскую революцию — не значит смириться с тем, что анархия останется вечным протестом. Сивид хорошо проясняет этот тезис:

Революция — это не про «везде или нигде». Любой биорегион может быть освобождён через последовательность событий и стратегий, основанных на уникальных для него условиях, в основном по мере того, как цивилизация в этом регионе ослабевает по собственной воле или благодаря усилиям его жителей»... Цивилизация не преуспела везде и сразу, поэтому её гибель может происходить в разной степени в разных местах в разное время.¹³

Даже если кажется, что территория полностью находится под контролем властей, всегда остаются места, куда можно уйти, где можно жить, любить и сопротивляться. И мы можем расширять эти пространства. Глобальная ситуация может казаться нам неподвластной, локальная — наоборот. Наш анархизм и не бессилен, и не всемогущ.

От антиглобализации к изменениям климата

Когда в начале века подъём антиглобализма утратил свою силу¹⁴, для многих из нас прекратили существовать глобальное мышление и религиозный оптимизм.

на множество проблем на заключительном этапе подготовки чего-либо/к чему-либо — прим. ред.

¹² *Down with Empire, Up with Spring!* — Te Whanganui a Tara/Wellington: Rebel Press, 2006, p. 74.

¹³ *Seaweed. Land and Liberty: Toward an organically self-organized subsistence movement* — Occupied Isles of British Columbia: Self Published, 2002.

¹⁴ Мы начали терпеть поражение на улицах от полиции, скучать от рутины, разбавляться левыми, запугиваться длительными тюремными сроками, омрачаться исламистскими мятежами и западными захватническими войнами, слабеть от погружения в антивоенное движение, а затем — от его провала. Некоторые ключевые битвы были в какой-то степени выиграны (технологию GM Terminator заморозили, а переговоры по ВТО провалились), другие, сражения вышли за рамки общепринятого. Многие их участники и участницы мигрировали на более выгодные (или эффективные) участки рассредоточения. Другие же сконсолидировались на местах и/или отказались от иллюзий относительно массовости и зрелищности. Нельзя недооценивать и многочисленные «неполитические» проблемы повседневной жизни — дети, смена поколений, депрессия, смерть и работа.

Однако в последние несколько лет снова появилась попытка воскресить «глобальное движение» — на этот раз вокруг проблемы изменения климата.

Мобилизация на Копенгагенской конференции ООН по изменению климата многими была названа новым Сиэтлом¹⁵, а некоторые группы и вовсе заявили, что они «создают глобальное движение для решения климатического кризиса»¹⁶. «Гринпис», например, утверждает:

Изменение климата — это глобальное общественное «зло». Для решения необходимы всемирные коллективные действия... У нас нет другой альтернативы, кроме как создать глобальное низовое движение, выдвинуть политиков и заставить корпорации и банки сменить направление¹⁷.

Я полагаю, что вы понимаете наивную нереалистичность таких лоббистских объединений, но стоит обратить внимание на тех, кто находится в менее институционализированной части движения по борьбе с изменением климата.

Существует три основных подхода, и иногда люди кочуют от одного к другому. Во-первых, есть те, кто придерживается тех же убеждений, что и «Гринпис»: речь идёт о «прямом действии» как стратегии повышения осведомлённости/лоббирования. Во-вторых, есть те, кто использует дискурс вокруг изменения климата для мобилизации в местных кампаниях, которые пусть и не могут повлиять на изменение климата, но, по крайней мере, имеют практические и порой достижимые цели, например, остановка разрушения экосистемы/ухудшения благосостояния¹⁸ сообщества или просто повышение уровня самообеспечения¹⁹. В-третьих, есть ностальгирующие антикапиталисты, которые представляют себе «климатическую справедливость» как метаморфозу воображаемого «движения за альтерглобализацию»²⁰ (обратите внимание, что оно всё больше перестаёт быть антиглобалистским). Анонимный автор хорошо описал эту тенденцию:

[Когда активисты и активистки] пытаются убедить нас, что это «последний шанс спасти Землю»... на самом деле они пытаются создать социальные движения... В последние несколько лет в радикальных и кругах наметилась растущая и тревожная тенденция, основанная на идее, что слепой позитив может привести к интересным и неожиданным успехам. Книги Майкла Хардта и Тони Негри дали некоторые теоретические основания

¹⁵ Помимо того, что это безнадёжно американоцентрично [преимущественно имеются в виду США — прим. ред.], это, несомненно, ещё один пример фундаментально магического мышления. Интересно, уравнение «Копенгаген = Сиэтл» было бы также популярно, если бы 15-я конференция ООН о биоразнообразии, пришлась на шестую, а не десятилетнюю годовщину Сиэтла.

¹⁶ В день 10.10.10, организованный 350.org, было проведено 1600+ мероприятий в 135 странах мира, в основном ритуальные акции по посадке деревьев/замене лампочек.

¹⁷ Sauven J. Global collective action is the key to solving climate change. // *Guardian* — 2010, p. 33. Джон Совен — исполнительный директор Greenpeace UK.

¹⁸ См. ныне выселенный (к сожалению) лагерь солидарности в Мейнсхилле или успешную кампанию против расширения аэропорта Хитроу, связанную с Climate Camp.

¹⁹ Некоторые группы, связанные с Transition Towns, являются наиболее очевидным примером, по крайней мере, на Британских островах.

²⁰ См. Muller T. *How Do You Institutionalise a Swarm?*

для этого, и эта идея была подхвачена теми, кто хочет сплачивать массы под знаменем прекариата, — объединять мигрантов и мигранток в союзы и предпринимать активные действия на встречах глав государств. Для многих выходцев из левой среды это стало желанной вестью надежды: ведь в то время их идеологии, казалось, утратили свою актуальность как никогда.

...Казалось бы достаточно сведущие в капитализме теоретики пишут, что глобальный базовый доход или свобода передвижения для всех — это достижимая цель. Они могут и сами в это не верить, но якобы хотят вдохновить других на подобную веру, утверждая, что «ситуации избытка»²¹, порождаемые такими утопическими мечтами, приведут к возникновению мощных движений за перемены. Ввиду чрезмерной оторванности от нашей повседневности изменение климата — подходящий испытательный полигон для политики сфабрикованных надежд. Есть всё же основания жить в реальном мире, пока новые политики — уже фасилитаторы, а не диктаторы — наблюдают за ростом своих движений²².

За пределами конференц-центров новые звёзды всё больше и больше напоминают тех, кто находится внутри них. И внутри, и снаружи звучит идея о том, что глобальное будущее можно завоевать, если только мы организуемся. Но сегодняшнее положение экосистем и пустые желудки людей никакого глобального единого будущего не предвещают²³, и ни одно воображаемое сообщество, будь то государство или «множество»²⁴ (или и то, и другое, как в Кочабамбе²⁵), не сможет остановить изменение климата.

Учитывая нашу очевидную неспособность переделать весь мир так, как нам хотелось бы, некоторые заменяют миф о «глобальной революции» верой в неизбежный «глобальный коллапс» (в наши дни это обычно некая смесь изменения климата и пика добычи нефти). Как мы увидим позже (как в следующих главах, так и в пост-

---

²¹ У М. Хардта и А. Негри «избыток» выражается в бесконечности креативного потенциала нового субъекта труда — множества (подробнее о термине «множество» см. сноска 35) — прим.пер.

²² *You are Now Fucked* — Natterjack Press. Название отсылает к листовке Climate Camp, на обложке которой красовалась надпись «You are Not Fucked».

²³ Если, конечно, изменение климата не достигнет уровня Конца Времён, как у Марка Линаса в его описании вымирания конца пермского периода. Это вполне возможно... Lynas M. *Six Degrees: Our Future on a Hotter Planet* — London: HarperCollins, 2007, p. 243.

²⁴ Множество — термин, введённый теоретиками автономистского марксизма. В «Империи» и др. своих работах А. Негри и М. Хардт заменяют «пролетариат» на «множество», которое объявляют «классовым понятием» и которое, по их замыслу, «даёт понятию пролетариата максимально полное определение, поскольку включает в него всех, кто трудится и занят в производстве под властью капитала». Цитируется по: Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. — М.: Культурная революция, 2006, с. 137-138 — прим. пер.

²⁵ Всемирная народная конференция 2010 года по изменению климата и правам Матери-Земли была созвана и проведена правительством Боливии в г. Кочабамба. Хорошую анархистскую критику см.: Sokolov D. *Cochabamba: Beyond the Complex — Anarchist Pride // Shift Magazine* No, 9 — 2010. Гораздо более профессиональный — хотя и несколько сомнительный — подход к конференции можно найти в: *Building Bridges Collective. Space for Movement? Reflections from Bolivia on climate justice, social movements and the state* — Bristol: Self-published, 2010.

дующие годы), глобальное нагревание²⁶ бросит серьёзный вызов цивилизации в одних областях и, вероятно, уничтожит её в других. Однако в некоторых регионах оно скорее всего наоборот создаст условия для распространения цивилизации и укрепления её позиций. Часть земель может остаться (относительно) умеренной в климатическом и социальном плане. Суровые испытания и поражения поджидают и цивилизацию, и анархию с анархистами и анархистками. Возможности для свободы и дикости будут то появляться, то исчезать. Неоднородность настоящего будет только усугубляться. Глобального будущего не существует!

---

²⁶ Называя увеличение температуры планеты глобальным нагреванием, автор/авторка подчёркивает антропогенную сущность процесса — прим. пер.

2. Всё намного запущеннее, чем мы думали

Наблюдаемое изменение климата происходит быстрее, чем ожидалось

Одна из сквозных тем экологического движения: апокалипсис неизбежен, но вечно откладывается. Каждому поколению кажется, что у него остался последний шанс спасти планету. Биолог Барри Коммонер ещё в 1970 году сказал: «Сейчас ещё действует льготный период, у нас есть время (возможно, одно поколение), в течение которого мы можем спасти окружающую среду от бесповоротных последствий того насилия, которое мы уже совершили над ней»¹. Подобные заявления можно услышать и сегодня, но период отсрочки, вероятно, закончился. Ещё в 1990 году редакция журнала *The Ecologist* изложила общую оценку состояния Земли в книге *5000 Days to Save the Planet* [«5000 дней, чтобы спасти планету»]:

Сегодня нам говорят, что наша планета находится в критическом состоянии, что мы её разрушаем и загрязняем, двигаясь к глобальной катастрофе... Возможно, у нас есть всего пятнадцать лет, а может быть, и пять тысяч дней, чтобы спасти планету. Одна из основных проблем, вытекающих из теории Геи, заключается в том, что мы вынуждаем природные процессы выходить за пределы их возможности поддерживать атмосферу, пригодную для высших форм жизни. После определённого момента — система может перейти в совершенно новое состояние, которое будет крайне неблагоприятным для жизни, какой мы её знаем... Переход в новое состояние может произойти с чрезвычайной скоростью².

К 2005 году обратный отсчёт, указанный в заголовке, достиг нуля. Тогда основоположник теории Геи Джеймс Лавлок написал книгу *The Revenge of Gaia* [«Месть Геи»], в которой утверждал, что, по его мнению, живая Земля, вероятнее всего, уже безвозвратно, переходит в разогретое состояние. Лавлок пришёл к такому выводу в первую очередь из-за того, что по результатам научных наблюдений изменения климата превзошли все прогнозы. В своём обращении к Королевскому обществу он заявил:

Положительная обратная связь нагрева от таяния плавучих арктических и антарктических льдов сама по себе вызывает ускорение системного

¹ Цитируется по Manes C. *Green Rage: Radical Environmentalism and the Unmaking of Civilisation* — Boston: Little Brown and Company, 1990, p. 25.

² Goldsmith E et al. *5000 Days to Save the Planet* — London: Hamlyn, 1990.

нагрева, общее влияние которого уже сейчас или совсем скоро будет больше, чем от всех CO₂ загрязнений, которые мы вырабатывали до сих пор. Это говорит о том, что реализация положений Киотского протокола³ или удовлетворение ещё больших требований маловероятны... мы должны понять, что система Земли сейчас находится в положительной обратной связи и неумолимо движется к состоянию стабильной жары климатов прошлого⁴.

Публичные выступления Лавлока в защиту ядерной энергетики⁵, неприятие ветряных электростанций как панацеи и его недвусмысленные заявления о том, что масштабное изменение климата теперь, вероятно, неизбежно, сделали его непопулярным среди многих «зелёных». Он определённо действует вопреки «официальной линии». Поэтому довольно неудобно, что у него такая хорошая экологическая и научная родословная. Будучи человеком энциклопедических знаний в свои девяносто лет, он работает во многих областях. В частности, он изобрёл детектор электронного захвата, что сделало возможным открытие феномена озоновой дыры и написание Рейчел Карсон книги *Silent Spring* [«Безмолвная весна»]⁶.

Его первоначально еретическая гипотеза Геи о саморегулирующейся живой Земле теперь широко признана под названием Earth System Science. Он долгое время выступал за расширение диких земель и с симпатией относился к экозащитным акциям. Будучи заядлым походником, он даже провёл личную кампанию за право на свободу передвижения ещё в 1930-х годах! Недоброжелатели часто восхищаются его новаторской деятельностью, но говорят (в несколько эйджистской манере), что сейчас он немного не в своём уме. Однако важно то, что Лавлок сделал профессиональную карьеру, не будучи обязанным ничьей идеологии или зарплате. Поэтому он способен сказать то, о чём многие в научных и природоохранных учреждениях думают, но боятся заявить публично. Лавлок считает, что целый ряд факторов привёл к тому, что масштабы человеческого воздействия на Землю существенно недооцениваются.

К этим факторам относятся:

- Скорость и сложность изменений, за которыми не поспевают графики исследований и публикаций.
- Неспособность увидеть и понять живую землю как динамическую саморегулирующуюся систему.

---

³ Киотский протокол — международное соглашение, заключённое с целью сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу Земли для противодействия глобальному нагреванию. Протокол был принят в японском городе Киото 11 декабря 1997 года и вступил в силу 16 февраля 2005 года — прим. ред.

⁴ Lovelock J. Climate Change on the Living Earth. Lecture at The Royal Society — 2007.

⁵ Его проядерная позиция практична, если вы, как и он, сторонник цивилизации. Он не говорит, что ядерная энергия — это решение проблемы глобального нагревания, которое, по его мнению, сейчас неизбежно. Он считает, что ядерное деление и, в конечном итоге, ядерный синтез — единственные технологии, способные «поддерживать свет» по мере отступления цивилизации. Как человек, который хочет, чтобы свет погас, я вижу логику его аргументов, но, желая обратного, не должен/не должна соглашаться с его позицией или отвергать из-за неё его более широкие аргументы.

⁶ Возможно, именно эта книга положила начало экологическому движению, а не движению по сохранению природы [«environmental» и «conservation» соответственно — прим. пер.].

- Отсутствие комплексного мышления вследствие обособленности областей науки.
- Правительственное давление на написание МГЭИК⁷ обобщающих докладов⁸.
- Возможное значительное маскирование нынешнего нагрева планетарным затемнением⁹.

В рамках данного текста не представляется возможным дать комплексное обобщение размышлений Лавлока, не говоря уже о более широкой области науки о глобальном нагревании. Отчасти природа проблемы заключается в том, что к тому времени, когда вы будете читать этот текст, наука значительно продвинется вперёд. Если вам интересно, посмотрите источники, на которые я ссылаюсь, и изучите подробности самостоятельно. Однако, несмотря на то, что некоторые детали могут изменяться, по большей части научные данные неумолимо указывают на вероятное стремительное движение к значительно более горячей Земле. Последние наблюдения показывают, что мы на этом пути дальше, чем казалось. Дальше на десятилетия. В сочетании с инерцией относительно сокращения выбросов углекислого газа, вероятность «остановить» масштабное изменение климата остаётся весьма незначительной.

В то время как неправительственные организации всё ещё болтают о противодействии нагреванию на 2 градуса, всё больше климатологов говорят о нагревании на 4 градуса к концу века или даже к 2060 году¹⁰. Это далеко не второстепенная проблема. В докладе МГЭИК за 2007 год спрогнозировано повышение температуры от 2

⁷ Межправительственная группа экспертов по изменению климата, МГЭИК (от англ. Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC) — организация, созданная для оценки риска изменения климата, вызванного, антропогенными факторами — прим. ред.

⁸ Здесь речь идёт не столько о самой науке, сколько о её представлении в кратких обзорах для политиков, редактирование которых в определённой степени подвергаются правительству давлению. Другие специалисты в этой области также призывают к большей независимости от правительства: IPCC: *cherish it, tweak it or scrap it?* // *Nature* — 2010.

⁹ Промышленное загрязнение привело к увеличению аэрозольных частиц в атмосфере, которые, как считается, отражают солнечный свет обратно в космос и порождают облака. Если бы можно было каким-то образом отключить глобальную промышленность завтра, этот эффект затемнения исчез бы, и температура поверхности могла бы значительно повыситься, почти мгновенно. Это может запустить механизмы обратной связи, что приведёт к значительному увеличению выброса парниковых газов не управляемыми человеком системами. По этой причине Лавлок считает, что мы живём в «климате дурака» — прокляты, если сделаем, и прокляты, если не сделаем. Здесь я обрисовал очень простую (и поэтому несовершенную) картину очень сложного процесса. Для лучшего изложения теории см. Andreae M. et al. *Strong present-day aerosol cooling implies a hot future* // *Nature* — 2005. Для более доступного (хотя и упрощённого и частично устаревшего) представления о глобальном затемнении смотрите документальный фильм BBC «Глобальное затемнение» 2005 года. Маскирующий эффект сейчас широко признан, но его масштабы до сих пор неизвестны. Например, в исследовании, проведённом в 2008 году Met Office Hadley Centre, модели показали либо умеренное, либо сильное увеличение нагрева после внезапного удаления дымки. В любом случае, «весма вероятно, что современное аэрозольное охлаждение подавляет большую часть текущего парникового потепления». — Stott P. et al. *Observed climate change constrains the likelihood of extreme future global warming* // *Tellus B*, 60 — 2008, pp. 76-81. Среди сторонников целенаправленной геоинженерии идея усиления глобального затемнения путём сброса сульфатов в стратосферу, похоже, находит поддержку, вот счастье-то... Стоит подчеркнуть, что к тому времени, когда вы будете это читать, большая часть научных данных уже будет обновлена.

¹⁰ Материалы сентябрьской конференции 2009 года «4 Degrees and Beyond: Implications of a global

до 6,4°C в этом столетии: Боб Уотсон, бывший председатель МГЭИК, предупредил, что «мир должен работать над стратегиями смягчения последствий и адаптации „к потеплению на 4°C“»¹¹. Положение достаточно плачевное, но Лавлок идёт дальше и обращает внимание на ряд механизмов обратной связи, которые, по его мнению, уже ведут нас к еще более горячему состоянию. Наиболее известным фактором является таяние морского льда, упомянутое выше. На что может быть похоже это новое горячее состояние?

Вот некоторые основные его проявления:

- Жаркие пустыни распространяются на большую часть глобального юга, а также в южной и частично в центральной Европе.
- Холодные пустыни преимущественно на глобальном севере отступают, оставляя¹² новые пограничные земли в Сибири, Скандинавии, Канаде, Гренландии, Аляске и даже в некоторой степени в Антарктике.
- Массовые попытки миграции из засушливых зон в ещё пригодные для жизни районы.
- Массовое вымирание людей в сочетании с ускоряющимся вымиранием других видов.

Лавлок говорит об этом довольно прямолинейно:

Люди находятся в довольно сложном положении, и я не думаю, что они достаточно умны, чтобы справиться с тем, что их ждёт. Я думаю, что они выживут как вид, но вымирание в этом столетии будет огромным. К концу века их останется, вероятно, миллиард или меньше¹³.

Конечно, я не могу утверждать, что это истинная картина изменения климата в настоящем и будущем. Истинная сложность системы Земли (и человеческой социальной динамики), вероятно, находится за пределами нашего понимания (уж точно за пределами моего): не следует путать модели с реальностью. Моя информированность и догадки (а это всё, что есть у человека в сомнительном деле описания будущего) ведут меня к заключению, что обрисованная картина скорее всего является достаточно точным приближением. Вы можете так не думать, но я прошу вас услышать меня, поскольку это предположение, достойное рассмотрения. Оно основано как на анархистской критике капитализма, так и на изучении климатологии. Глядя вокруг, я наблюдаю замечательный ясный день, и листья на деревьях почти светятся, но в обществе, в котором я живу, практически ничто не может убедить меня

---

change of 4 plus degrees for people, ecosystems and the earth-system», совместно спонсируемой Оксфордским университетом, Центром исследований изменения климата имени Тиндалла и Центром Хэдли Метеорологического управления.

¹¹ Watson B. How to Survive the Coming Century // *New Scientist* – 2009.

¹² Растения и животные более теплых зон получают возможность жить да территориях, раньше занимаемых холодной пустыней – прим. пер.

¹³ Цитируется по: Watson B. How to Survive the Coming Century // *New Scientist* – 2009.

в том, что проблема такого масштаба и сложности, как изменение климата, будет решена. Учитывая это, мне кажется, что главный вопрос заключается не столько в том, достигнем ли мы мира, в некоторой степени напоминающего вышеописанный, сколько в том, когда.

Лавлок всерьёз предполагает, что такой мир (а точнее, такие миры) возникнет к концу этого столетия, а наметившиеся тенденции начнут становиться очевидными к середине века. Это может занять и больше времени, но в любом случае будет полезно принять во внимание такие сдвиги при размышлении о том, чего мы хотим достичь в своих жизнях.

Здесь стоит уточнить, что мы не говорим о миллениаристском апокалипсисе¹⁴, хотя многие ужасные (или, наоборот, захватывающие) события могут подтолкнуть некоторых на мысль о том, что грядёт, именно он. Скорее, речь идёт о масштабных ускоряющихся изменениях. Джеймс Хансен из НАСА комментирует:

Если мы хотим сохранить планету, подобную той, на которой развивалась цивилизация и к которой приспособилась жизнь, свидетельства палеолита и текущие изменения климата говорят о том, что уровень CO₂ необходимо снизить с нынешних 385 миллионных долей до, как минимум, 350¹⁵.

Скорее всего этого не произойдёт. Экологическая ниша, в которой развивалась цивилизация (существующая на базе сельского хозяйства городская культура с классовым разделением), исчезает. Вместе с ней, вероятно, исчезнут и многие жители цивилизации. А ведь их численность очень высока.

Призрачные гектары кормят чрезмерный рост населения

Неотъемлемой частью роста промышленного капитализма стало значительное увеличение численности населения. Сейчас нас насчитывается около 7 миллиардов¹⁶ по сравнению с 600 миллионами в начале XVIII века. Этот скачок произошёл за 13 поколений¹⁷, и во многом он не был случайным. Сильвия Федеричи чётко сформулировала, что ключевой основой раннего капитализма было лишение женщин возможности контролировать собственную fertильность: «...утробы стали общественной территорией, контролируемой мужчинами и государством, а деторождение

¹⁴ Миллениаризм — теория в рамках христианской эсхатологии о втором пришествии Христа, с которым «всё тленное будет сожжено, и Земля очистится огнём», и последующим тысячелетием царстве изобилия, завершающей эпохи человеческой истории (в тексте «миллениаризм» часто используется для обозначения всех больших теорий/идеологий, предполагающих важное глобальное событие, которое изменит общий ход истории. Это может быть и глобальная стачка, и пролетарская революция, и второе пришествие Христа, и коллапс цивилизации) — прим. пер. и ред.

¹⁵ Цитируется Биллом Маккибеном в McKibben B. Civilizations Last Chance // *Los Angeles Times* — 2008.

¹⁶ В 2024 году население Земли составляет уже восемь миллиардов — прим. ред.

¹⁷ В отличие от этого, доисторическая планетарная популяция собирателей-охотников, по оценкам, оставалась менее 10 миллионов на протяжении почти всех 60 000 поколений *homo sapiens*. Marten G. *Human Ecology* — London: Earthscan Publications, 2001, pp. 26-38.

было прямо поставлено на службу накоплению капитала». Хотя именно капитализм сначала обеспечил, а затем сделал возможной эту самую свежую массовую экспансию — он исполнял и продолжает исполнять старый гимн цивилизации¹⁸. На этот раз, правда, механически усиленный.

К моменту моего появления на свет в середине 1970-х население Земли составляло четыре миллиарда человек. Когда меня настигнет смерть (надеюсь, не раньше 2050 года), по оценкам ООН, население Земли превысит 9 миллиардов¹⁹, Правда эта оценка предполагает, что всё будет происходить «в привычном режиме». Произойдёт это или нет, будет зависеть от трёх взаимозависимых факторов: контроля за рождаемостью, борьбы со смертностью и обеспечения продовольствием.

Во всём мире, несмотря на указы религиозных лидеров вроде Папы Римского, многие всё чаще используют средства контроля за рождаемостью для ограничения размера семьи. Продолжающаяся борьба за власть, позволяющая нам делать это, является ключевой битвой, вокруг которой организовались многие анархисты и анархистки среди прочих²⁰. Однако распространение контроля за рождаемостью — и борьба за освобождение женщин²¹ в целом — не остановит вероятное удвоение человеческого населения Земли в течение моей жизни. Поскольку уменьшение размера семьи уже стало глобальной нормой в большинстве стран мира, ключевым фактором сейчас является способность промышленной медицины и гигиенических мер осуществлять контроль над смертностью. В соответствии с прогнозами развития событий, человеческая популяция будет продолжать расти по крайней мере до 2050 года, при условии, что живущие сегодня люди будут иметь ожидаемую продолжительность жизни и заводить ожидаемое количество детей.

Однако нам не нужно ждать этого момента, чтобы превысить человеческую вместимость планеты (максимальную постоянно поддерживаемую нагрузку на неё), поскольку, вероятно, это уже произошло. Индустриальная цивилизация сумела улучшить обеспечение продовольствием, колонизируя всё больше диких земель для сельского хозяйства и развивая агротехнологии и транспорт под маркой «зелёной рево-

---

¹⁸ «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и покоряйте её, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяkim живым существом, движущимся по земле» — Библия короля Якова, Бытие 1:28.

¹⁹ World Population Prospects: The 2008 Revision, Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата Организации Объединённых Наций.

²⁰ Работа анархистов, анархисток и феминисток «нового социального движения», начиная с 60-х годов, относительно хорошо известна, но участие анархисток в борьбе за контроль рождаемости уходит корнями в далёкое прошлое. Эмма Гольдман — медсестра и акушерка, помимо всего прочего — была одной из самых известных защитниц этой борьбы, и для многих безымянных участников и участниц движения это было важной частью их ежедневной организационной работы. Контроль рождаемости — в той же мере часть вопроса освобождения женщин, как и классовой борьбы в целом. Эмма Гольдман провозгласила: «Многодетные семьи — камень на шее рабочих!» Следующая цитата относится к французским анархисткам и анархистам начала XX века, но может быть применима ко многим в других странах: «....„неомальтизианство“ (планирование семьи), образование и антимилитаризм были значимыми и необходимыми сферами деятельности анархистов, работающих на всеобщую социальную революцию». — Berry D. *A History of the French Anarchist Movement: 1917-1945* — Oakland: AK Press, 2009, p.26.

²¹ См. Bradford G. Woman's Freedom // *How Deep is Deep Ecology?* — Detroit Fifth Estate, 1989.

люции», полагающейся на ископаемое топливо²². По сути, промышленное сельское хозяйство рассчитывает на сбор урожая с призрачных площадей²³ (окаменевшей миллионы лет назад фотосинтезной продукции экосистем) для производства продовольствия в нынешнем объёме. Это может быть лишь времененным явлением, поскольку, если только человек не верит в миф о роге изобилия, т. е. безграничности ресурсов, однажды охота за ископаемым топливом закончится. Никто толком не знает, когда это произойдёт, хотя многие утверждают, что мы уже прошли т. н. «пик нефти». Некоторые могут возразить, что водородные топливные элементы, солнечная энергия, генная инженерия, нанотехнологии и «зелёная слизь»²⁴ каким-то образом предотвратят демографический крах. Эти апостолы прогресса всё больше и больше напоминают карго-культы в своей вере в то, что технология, созданная либо рынком (если это капитализм), либо государственным планированием (если это социализм), обеспечит всё необходимое. В том маловероятном случае, если они окажутся правы, и обеспечение продовольствием не будет отставать от роста населения, усиленно управляемый характер распределения благ всё ещё гарантирует, что бесплатный доступ к ресурсам (как для людей, так и для других животных) будет становиться всё более скучным.

Итак, стремительно растущее человеческое население нуждается в ископаемом топливе, чтобы оставаться в живых. Большинство из нас потребляет нефть, а болезни в значительной степени контролируются с помощью технологий, зависящих от высоких энергозатрат. Вот ещё одна причина, по которой я сомневаюсь в способности активистов или, если на то пошло, государства убедить общество в необходимости декарбонизации. «Декарбонизация» — красивый термин, но если человечество перестанет импортировать энергию из прошлого, это приведёт к сокращению времени жизни миллионов, если не миллиардов людей.

При значительно более жаркой погоде на планете может произойти масштабное вымирание человечества, даже если не принимать во внимание идеи, связанные с пиком нефти. По мере того, как большая часть планеты будет становиться всё более жаркой и бедной, фермеры не смогут позволить себе импорт нефтехимической продукции, необходимой для продолжения производства, даже если ископаемое топливо не закончится. Кроме того, хотя промышленное сельское хозяйство временно увеличило продуктивность земли, в ходе этого процесса многие «эффективные» земли перестали быть таковыми, и без применения удобрений теперь не смогут производить органическим путём столько же продовольствия, как раньше. Даже южане, которым «повезло» иметь доступ к ископаемому топливу, увидят, что волшебные снадобья теряют свою силу, когда почва высыхает, покрывается спёкшейся коркой и выдувается. При недостатке питания и лекарств болезни уничтожат большую часть голодающих.

---

²² Достойное введение в вопросы, связанные с «зелёной революцией», см. в книге Ванданы Шивы *Monocultures of the Mind: Perspectives on Biodiversity and Biotechnology* — London: Zed Books, 1998.

²³ Catton W. R. Jr. *Overshoot: The Ecological Basis of Revolutionary Change* — Illinois: University of Illinois Press, 1982, p. 38.

²⁴ Имеется в виду надежда на изобретение новых организмов/материалов с помощью нанобиологии. Подробнее о «зелёной слизи» и рисках, связанных с ней, см.: *Green Goo: The New Nano-Threat* — прим. ред.

Было бы неплохо представить, что те страны, которые всё ещё могут производить значительное количество продовольствия (отчасти благодаря улучшению условий выращивания — подробнее об этом позже), будут дарить его, но всё-таки не стоит на такое уповать. Миллиард человек на Земле уже голодает²⁵. Вместо впечатляющей массовой гибели целых сообществ это приводит в основном к увеличению детской смертности и сокращению общей продолжительности жизни. Тем не менее капитализм с самого начала имел определённую «форму» (спросите, например, у ирландцев), заставляя миллионы людей голодать наиболее эффективно. Майк Дэвис в книге *Late Victorian Holocausts* [«Поздневикторианские холоксты»] напоминает нам о часто забываемом примере 30-60 миллионов людей в конце XIX века, которые умерли от голода «не вне „модерной мировой системы“, а собственно в процессе насильственного включения в её экономические и политические структуры»²⁶. Подобные голодные смерти происходили на протяжении всего последующего столетия, многие из них были организованы государственными социалистами, этими внимательными учениками Британской империи.

Было бы безнадежно утопично полагать, что голод можно искоренить. Сегодня большинство людей умирают от голода, в то время как другие остаются сыты. Голод — это язык классовой войны. Власть имеет много уровней, и голод в будущем, как и сейчас, скорее всего, будет отражаться в гендерном насилии среди беднейших слоёв населения²⁷.

Я оставлю другим возможность спорить об относительном вкладе численности населения или моделей промышленного потребления (как будто и то, и другое сегодня не связано неразрывно) в глобальное нагревание. Сегодня глобальный (и локальный) рост населения является препятствием для любой значительной «декарбонизации». Завтра нынешняя неспособность капитализма преодолеть свою зависимость от ископаемого топлива, скорее всего, приведёт к массовому демографическому краху.

Изменение климата дарует возможности и чинит препятствия

Глобальное нагревание, рост населения, пик добычи нефти и другие экологические ограничения скорее всего не приведут к апокалипсису, который положит конец повсеместному господству капитала и государства. Глобальный коллапс, вероятно, не ближе, чем глобальная революция. Но это также означает, что и тотальный глобализированный капитализм, охватывающий все взаимоотношения, становится всё менее вероятным. Западный проект культурной экспансии сталкивается со свои-

²⁵ BBC. World Hunger Hits One Billion — 200.

²⁶ Davis M. Late. *Victorian Holocausts: El Nino Famines and the Making of the Third World* — London: Verso, 2001, p. 9.

²⁷ «Вот эта девочка, например, находится в центре кормления в Эфиопии. Весь центр был заполнен такими же девочками, как она. Примечательно то, что её братья в той же семье были в полном порядке. В Индии в первый год жизни, от нуля до года, мальчики и девочки выживают практически одинаково, потому что они зависят от груди, а грудь не проявляет предпочтения к сыну. От года до пяти лет девочки умирают на 50 процентов чаще, чем мальчики, во всей Индии». — WuDunn S. *Our century's greatest injustice* — 2010.

ми пределами. Либертарные движения (часть этого проекта, которую капитализм несёт на фалдах своего мундира) также сталкиваются с реальными пределами роста анархизма. Однако так же, как исключается возможность создания единого мира анархизма, так ветвятся возможности многих новых/старых миров, некоторые из которых — анархии. Благодаря конфликту некоторые из этих возможностей откроются, другие же, наоборот, исчезнут.

Сама природа государств заключается в контроле над населением, но среди этих миллиардов многие не согласятся послушно голодать. Вчера поздневикторианский холокост вызвал миллениаристские восстания среди тех, кто был смыт паводковыми водами «мировой системы». Завтра, когда прилив спадёт, а избыток населения останется на песке (пустыни), нас, похоже, ждёт ещё один, если не более жестокий, век войн и восстаний.

3. Бури в пустыне

Военные смотрят в будущее

В то время как политики государств и общественных движений повторяют банальности, улыбаются своим избирателям и противостоят друг другу, некоторые реалисты смотрят на будущее с изменённым климатом не столько как на то, чего можно избежать, сколько как на то, что нужно будет контролировать. В докладе *National Security and the Threat of Climate Change* [«Национальная безопасность и угроза изменения климата»] ведущие специалисты и представители вооружённых сил США исследовали широкий спектр сценариев. Их первый вывод заключался в том, что «прогнозируемое изменение климата представляет серьёзную угрозу национальной безопасности Америки». Каким образом?

В уже ослабленных государствах экстремальные погодные явления, засуха, наводнения, повышение уровня моря, отступление ледников и стремительное распространение опасных для жизни заболеваний сами по себе будут иметь вероятные последствия: рост миграции, дальнейшее ослабление и крах государств, расширение неподконтрольных территорий, обострение глубинных проблем (которыми постараются воспользоваться террористы), рост внутренних конфликтов. В развитых странах эти условия угрожают подорвать экономику и создать новые проблемы безопасности, такие как усиление распространения инфекционных заболеваний и рост иммиграции¹.

Помимо того, что изменение климата рассматривается как «новый неблагоприятный стресс-фактор», который приведёт к появлению новых угроз в целом, специалисты также считают, что оно усугубляет существующие конкретные угрозы:

Изменение климата усиливает угрозу нестабильности в наиболее уязвимых регионах мира. Правительства многих стран Азии, Африки и Ближнего Востока уже сейчас испытывают трудности с обеспечением базовых потребностей: продовольствия; воды, жилья и стабильности. Прогнозируемое изменение климата обострит проблемы в этих регионах и усугубит проблемы эффективного управления. В отличие от большинства обычных угроз безопасности, которые связаны с одним субъектом, действующим определённым образом в разные моменты времени, изменение климата способно привести к возникновению множества хронических проблем-

---

¹ CNA Corporation. *National Security and the Threat of Climate Change* – Alexandria: CNA Corporation, 2007, вывод 1.

ных очагов, проявляющихся в разных странах в одно и то же время. Экономические и экологические условия будут ухудшаться по мере сокращения производства продовольствия, роста заболеваний, крайнего дефицита чистой воды и миграции населения в поисках ресурсов. Ослабленные и несостоятельные правительства, у которых и без того мало шансов на выживание, обеспечат условия возникновения внутренних конфликтов, экстремизма и движения в сторону усиления авторитаризма и радикальных идеологий...

Поскольку изменение климата также способно вызвать стихийные бедствия и гуманитарные катастрофы в масштабах, намного превосходящих те, что мы наблюдаем сегодня, его последствия, вероятно, будут способствовать такой политической нестабильности, что социальные требования выйдут за рамки возможностей правительства².

О подобных кошмарах и фантазиях говорят военные эксперты и в других странах³. Следует помнить, что армии готовятся к тому, что *может* произойти, а не к тому, что *обязательно* произойдёт. Считать, что мир становится всё более опасным, выгодно, если ваша работа заключается в обеспечении принудительного порядка.

Тем не менее к их прогнозам стоит отнестись серьёзно, и не в последнюю очередь потому, что при принятии военных политических рекомендаций тени мечтаний армии могут стать реальностью. «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне»⁴, и их видение будущих войн формируется текущим конфликтом. Поэтому неудивительно, что большая часть военного дискурса вокруг изменения климата сосредоточена вокруг реальных боевых действий, несостоявшихся государств и политического насилия, которое может появляться в них. Потенциальным холодным войнам, ведущимся в пределах глобального Севера и крайнего Юга, уделяется меньше внимания. Сейчас я приму это допущение и вернусь к этой теме позже.

Реальные боевые действия и несостоявшиеся государства

Если взглянуть на конфликты сегодня, то уже сейчас очевидно наличие Экваториального Пояса Напряжённости⁵, который, как ожидается, значительно расширится. Его существование обусловлено целым рядом переменных факторов, не последними

---

² Там же, вывод 2.

³ Например: «Учитывая, что последствия изменения климата усугубляют существующее давление, будущие операции будут более частыми и более интенсивными, чем те, которые проводятся в настоящее время в Восточном Тиморе и на Соломоновых островах. [Главный маршал авиации Ангус] Хоустан заявил, что повышение уровня моря, вызванное изменением климата, усугубит социальные проблемы на островах, многие из которых бедны и слабо развиты, а потенциал устойчивого экономического роста низок во всех странах, кроме нескольких. По его словам, это означает, что островным государствам будет трудно адаптироваться к изменению климата. Изменение характера осадков, экстремальные погодные условия и повышение уровня моря будут угрожать сельскому хозяйству и рыболовству, от которых они зависят. Отсюда недолго до политической нестабильности и социальных беспорядков, — сказал Хоустан». — Australia military head warns of Pacific climate instability — France 24, 2010.

⁴ Цитата приписывается У. Черчиллю — прим. ред.

⁵ Экваториальный Пояс Напряжённости (от англ. Equatorial Tension Belt) — условная зона Земли с

из которых являются накопленное воздействие рухнувших цивилизаций на окружающую среду, наследие беспрепятственного западного колониализма, высокая численность населения, запасы полезных для капитализма «ресурсов» и наличие территорий, где агрокультура почти потеряла свою жизнеспособность⁶. Учитывая замечания американских генералов, приведённые выше, некоторые режимы в этих регионах падут, в то время как другие в разной степени «потерпят неудачу». Некоторые государства сожмутся до своих (возможно, перенесённых) столиц, оставив остальные предполагаемые территории в мозаике войны и мира. Другие будут охвачены гражданской войной, революцией и межгосударственными конфликтами. Несомненно, будет много ужаса, но появится и немало возможностей для построения свободной жизни.

Неудивительно, что среди военных экспертов существуют разногласия по поводу того, на что будут способны сегодняшние великие державы. Некоторые утверждают, что им: «...чаще будут грозить ситуации необходимости обеспечивать стабильность до того, как условия ухудшатся и ими воспользуются экстремисты». Великие державы «...могут быть также призваны предпринять усилия по обеспечению стабильности и восстановлению после начала конфликта, чтобы предотвратить дальнейшую катастрофу и навести порядок»⁷. Другие предсказывают заметное снижение функции мирового полицейского надзора и эффективное прекращение Нового Мирового Порядка, провозглашенногоСША, которые, «не имея средств для помощи местным властям в восстановлении порядка, „скорее всего, прибегнут к комбинации мер, которые в итоге приведут к карантину“»⁸

Анархисткам и анархистам в общественных движениях этих регионов, возможно, стоит серьезно подумать о том, какие практические меры можно предпринять для того, чтобы подготовиться к самоуправлению, гражданской войне, выживанию и, к сожалению, неизбежному появлению и усилению авторитарных сил и межэтнических конфликтов. «Мы должны обладать способностью защищаться, выживать и использовать кризисы в обществе, включая попытки капитализма уничтожить нас. Разобщённый и индустриальный характер сегодняшнего общества уже определил нестабильность завтрашнего»⁹.

В глубине кризисов, когда социальные требования «превышают возможности правительства справиться с ними», дни славы анархизма могут вернуться. «Если изменение климата приведёт к сокращению количества осадков и доступа к природному капиталу, который поддерживает средства к существованию, бедность станет более распространённой, что повлечёт за собой рост недовольства и появление отличных возможностей для вербовки в повстанческие движения»¹⁰. Кто знает, воз-

---

тропическим и пустынным климатом. Характеризуется обилием конфликтов, связанных с ресурсами (вода, лес, нефть и т. д.) — прим. ред.

⁶ Lee J. R. *Climate Change and Armed Conflict: Hot and Cold Wars* — London: Routledge, 2009, p. 7.

⁷ *National Security and the Threat of Climate Change* — Alexandria: CNA Corporation, 2007, p. 6.

⁸ Campbell K. M. et al. *The Age of Consequences: The Foreign Policy and National Security Implications of Global Climate Change* — Centre for Strategic and International Studies, 2007. Цитируется в: Dyer G. *Climate Wars* — Toronto: Random House, 2009, p. 19.

⁹ *Down with Empire, Up with Spring!* — Te Whanganui a Tara/Wellington: Rebel Press, 2006, p. 118.

¹⁰ Nordas R., Gleditsch N. P. Climate change and conflict // *Political Geography* (26), pp. 627-638 — 2007. Цитируется в Lee J. R. *Climate Change and Armed Conflict: Hot and Cold Wars* — London: Roudedge, 2009, p. 15.

можно, появится что-то столь же эффектное, как анархистский бронепоезд Марии Никифоровой¹¹. В своё время, от степей Украины до горных цепей Мексики и улиц Барселоны огромное число анархисток и анархистов, идентифицировавших себя в качестве таковых, участвовали в открытой войне.

К сожалению, в большинстве мест повстанческие движения с большей вероятностью государственные, нежели анархистские. Отчасти это объясняется большим количеством устоявшихся авторитарных политических группировок по сравнению с либертарными. Однако в экстремальных ситуациях люди обращаются к радикальным мерам. В некоторых местах это могут быть самоорганизация, децентрализация и взаимопомощь, но во многих не будет возможности для социального решения, лишь ложные обещания деспотов и пророков. Это не значит, что мы не можем конкурировать с ними, распространяя миллениаристские надежды на новый рассвет. Но если мы честны с собой, то, отбросив религию, снова подхватывать её ради пополнения рядов и радости забот было бы опошлением нашей этики.

Туда, где возникнут заметные и впечатляющие либертарные общественные силы, многие, вероятно, будут съезжаться из других частей света. Когда тучи сгустятся, кто-то из нас устремится к очагам вооружённого сопротивления — где бы они ни были. Это произойдёт не только из-за глубокой любви и чувства солидарности, но и из-за (давайте будем честны) привлекательности самого конфликта: ведь мы нечасто получаем предпосылки для открытой войны. Нигилистическое желание — усиливающееся во всём более сложном мире — просто выйти на улицу и «разнести всё к чёртовой матери» является если не творческим, то уж точно сильным побуждением. Это не значит, что оно есть у всех, но у многих. Здесь присутствует неудобная симметрия между двумя упомянутыми побудительными мотивами.

На бывшей территории несостоявшихся и павших государств межэтнические конфликты будут становиться всё более распространёнными, по крайней мере, до тех пор, пока население не будет сокращено до уровня, более подходящего для гораздо более горячего мира.

В несостоявшихся государствах уровень конфликтов настолько высок и устойчив, что даже базовые изменения, прогнозируемые МГЭИК, скорее всего, ухудшат условия жизни. Тенденции свидетельствуют скорее о социальных или племенных кризисах, чем о войнах между государствами. Климатические тенденции будут игнорировать границы, и склонные к конфликтам несостоявшиеся государства будут распространяться как болезнь¹².

---

¹¹ Мария Никифорова «была единственной женщиной-командиром крупной революционной силы в Украине — атаманшей. Вольная боевая дружина была оснащена двумя артиллерийскими орудиями и бронеплатформой. Вагоны были загружены броневиками, тачанками и лошадьми, а также войсками, что означало, что отряд ни в коем случае не ограничивался железнодорожными линиями. Поезда были украшены транспарантами „Освобождение рабочих — дело самих рабочих“, „Анархия жива“, „Власть рождает паразитов“ и „Анархия — мать порядка“... Со своими чёрными флагами и пушками эшелоны Маруси напоминали пиратские корабли, плывущие по украинской степи“. — Archibald M. Atamansha: *The Story of Maria Nikiforova, the Anarchist Joan of Arc* — Edmonton: Black Cat Press, 2007, pp. 21-22.

¹² Lee J. R. *Climate Change and Armed Conflict: Hot and Cold Wars* — London: Routledge, 2009, p. 93.

Миротворцы на кладбище живых

Размежевание по группам, организованным вокруг политических идеологий европейского происхождения (либертарных или авторитарных) будет гораздо менее распространённым, чем разделение людей по сторонам межэтнических конфликтов. Силы этих сторон, в конце концов, способны обеспечить реальное решение (хотя бы временное) насущных потребностей людей в тех областях, где основные средства для выживания превышают число жаждущих ртов. Разумеется, это делается путём отъёма ресурсов у «других». Кроме того, межэтнические конфликты могут вспыхивать, когда «дело безнадёжно», но эмоциональный стимул силён.

Утешительная вера в то, что люди добровольно присоединяются к конфликтам, руководствуясь лишь рациональными стратегическими соображениями, семейными нарративами или историческим бременем, улетучивается в свете высказанных желаний большого числа самих комбатантов. Показательным примером из Европы является втянутая в гражданскую войну община, о которой пишет Маттис ван де Порт в книге *Gypsies, wars and other instances of the wild* [«Цыгане, войны и другие случаи дикости»]. В ней он представляет голоса людей, которые «в праздничном настроении примерили на себя роль варваров».

«Как такое возможно в Европе в конце XX века?» — вот вопрос, который навязчиво звучал в моей голове... Война в бывшей Югославии заставила нас переварить тот факт, что люди оказались готовы сделать сознательный и активный выбор в пользу регресса, варварства, возвращения в дикость. Возьмите сербских бойцов, мечтающих о возвращении в Сербию из эпических поэм, «где не было ни электричества, ни компьютеров, когда сербы были счастливы и не было городов, рассадников всякого зла»¹³

Романтизм, выражаемый современными ополченцами через обстрелы городов, резню в деревнях и последующую собственную смерть, не должен нас ни удивлять, ни разочаровывать в романтике в целом. Однако это наводит на мысль — наряду с искренней радостью от разрушения, характерной для некоторых солдат на каждой войне, а также для многих анархистов и анархисток — что существует некая связь между общим стремлением к разрушению и отвращением к сложному человеческому обществу.

Рэндольф Борн был прав, когда сказал, что «война — это здоровье государства»¹⁴. Однако здесь действует и другая, упомянутая выше¹⁵ движущая сила. Особенно там, где «фронты» уже не состоят из государств. Война между амазонскими племенами, описанная французским анархистом-антропологом Пьером Кластром, несравнима с межэтническими конфликтами неанархических народов, но, тем не менее, нечто общее между ними имеется:

¹³ Van de Port M. *Gypsies, Wars and Other Instances of the Wild: Civilisation and its Discontents in a Serbian Town* — Amsterdam: Amsterdam University Press, 1998, pp. 15-17.

¹⁴ Bourne R. *War is the Health of the State* — 1918.

¹⁵ Имеются в виду этнические повстанческие группировки, многие из которых являются государственническими — прим. ред.

Какова функция первобытной войны? Обеспечить постоянство рассеивания, разделения, атомизации групп. Примитивная война — это работа центробежной логики, логики разделения, которая время от времени выражается в вооружённом конфликте. Война служит для поддержания политической независимости каждого сообщества... Что же представляет собой законная власть, которая охватывает все различия, чтобы подавить их, которая поддерживает себя только для того, чтобы упразднить логику множественности, чтобы заменить её противоположной логикой объединения? Как по-другому называется Единое, которое отказывается по сути от первобытного общества? Это государство¹⁶.

Когда военные медийные манипуляторы называют вторжение в страну «миротворчеством», это не просто высокомерие и двуличие. Этническое разнообразие и автономия часто возникают как из взаимопомощи в сообществе, так и из вражды между сообществами. Мне нравится думать (и наша история подтверждает это), что самоидентифицированные анархисты и анархистки никогда не причинят такой боли, как сербские националистические ополчения (пример я специально выбрал из-за его отвратительности), но мы должны признать, что наше желание «разнести всё к чёртовой матери» частично продиктовано тем же стремлением к расчленению цивилизации, которое можно найти во многих межэтнических конфликтах и в сознании комбатантов в целом. По мере ослабления центральной власти в некоторых областях открываются возможности для анархии и в светлом, и в отталкивающем значениях.

От (продовольственных) бунтов к восстанию

Грядущие климатические войны могут уничтожить многих анархисток и анархистов, но вряд ли уничтожат анархизм, который как политическое движение пережил значительное сокращение своих приверженцев во время прошлых локальных апокалипсисов¹⁷. Несмотря на все ужасы последних 200 лет, анархизм, по выражению *New York Times*, является «убеждением, которое не исчезнет»¹⁸. Это, конечно, радует, но мы всё-таки не идеологические машины. Важно, чтобы продолжали жить не только «идеалы», но и сами анархисты и анархистки, то есть вы, я, наши семьи и друзья, с которыми нам ещё предстоит встретиться. Для меня это важно! С учётом местных особенностей; у нас есть 20 лет (возможно, больше), чтобы подготовиться к этим разладам. Эта подготовка должна стать основополагающим элементом долгосрочной

¹⁶ Clastres P. *Archaeology of Violence* — New York: Semiotext(e), 1994, pp. 164-165.

¹⁷ Анархистов и анархисток уничтожают в периоды (контр)революционных потрясений, или же они становятся избранной добычей авторитариев во время относительного социального мира — анархисты действительно имеют тенденцию получать по шее. Наши ряды ещё больше поредели за счёт тех, кто покинул цивилизацию с помощью самоубийства и наркотиков.

¹⁸ Campbell K. M. et al. *The Age of Consequences: The Foreign Policy and National Security Implications of Global Climate Change* — Centre for Strategic and International Studies, 2007. Цитируется в: Dyer G. *Climate Wars* — Toronto: Random House, 2009, p. 19.

многосторонней стратегии, а не просто альтернативой другим задачам. Для кого-то это будет вопросом жизни и смерти.

Хотя будущие климатические войны будут продолжением нынешних условий, они, скорее всего, будут гораздо масштабнее и экстремальнее. В некоторых местах население (частью которого могут быть люди и наших взглядов) может превратить климатические войны в успешные либертарные восстания. В других местах борьба может вестись просто за выживание или даже за смерть с достоинством и смыслом. Те, кто находится в относительно стабильной социальной среде — политической и климатической — вероятно, столкнутся со всё более деспотичным надзорным государством и «массой», которая всё больше будет бояться «варварства за стенами».

То, что необходимо сделать на практике, будет зависеть в основном от того, где вы находитесь и кем являетесь. Хотя у нас могут быть общие чаяния, изменение климата подкрепляет основную истину о том, что у нас нет общего глобального будущего. Хотя везде врагом является отчуждение и приручение¹⁹, ситуации в Бейзингстоуке и Бангладеш отличаются в настоящем и будут отличаться в будущем.

Во время своей лекции в Королевском обществе Лавлок заявил:

Сейчас мы стоим перед суровым выбором между возвращением к естественной жизни в качестве небольшой группы охотников-собирателей или значительно сократившейся в размерах высокотехнологичной цивилизацией...²⁰

Вместо выбора, скорее всего, будут оба типа выживших (как и сейчас) — гражданин (высокотехнологичная индустриальная среда) и собиратель-охотник-анархист (низкотехнологичная среда). Между этими двумя крайностями будут лежать, погребённые или голодные, «значительно сократившиеся» (многие из них — в результате климатических войн), а также те, кто, возможно, будет вести более свободную (или не очень) жизнь на периферии жизнеспособного земледелия/скотоводства. Давайте посмотрим, какие возможности для свободы и дикости могут скрываться на этих разнящихся жизненных путях.

¹⁹ Фундаментальная «природа» всех цивилизаций основывается на отчуждении от дикой природы, углубляющемся по мере того, как мы становимся отчуждёнными друг от друга, от земли, от продукта нашего труда и даже от наших собственных желаний. Дикие животные (в том числе и люди) приручаются — одомашниваются — путём ограждения, отделения от естественной среды обитания и свободных представителей своего вида. Доминирование вбивается в мозг посредством насилия и нормирования ресурсов. Дикая природа приручается как снаружи, так и внутри. Рождение «одомашнивания» повлекло за собой начало производства, значительное увеличение разделения труда и завершение формирования основ социальной стратификации. Это стало эпохальной мутацией как в характере человеческого существования, так и в его развитии, омрачив последнее всё большим насилием и трудом». — Zerzan J. *Elements of Refusal* — C.A.L Press: Columbia, 2006, p. 77. Хотя важно попытаться понять происхождение отчуждения и приручения, было бы ошибкой рассматривать их в качестве событий, прошлого, скорее это процессы, которым можно сопротивляться и которым сопротивляются. См. также: Hodder I. *The Domestication of Europe* — Basil Blackwells: Oxford, 1990; Roc L. *Industrial Domestication: Industry as the Origins of Modern Domination*; Jensen D. et al. *Strangely Like war: The Global Assault on Forests* — Green Books: Dartington, 2003; Camatte J. *Against Domestication* — Leeds: Re-Pressed Distro, 2006); *Beasts of Burden: Capitalism, Animals, Communism* — Antagonism Press: London, 1999.

²⁰ Lovelock J. *Climate Change on the Living Earth* — London: The Royal Society, 2007.

4. Африканские пути к анархии

Анархические элементы в повседневной (крестьянской) жизни

Чтобы рассмотреть будущие возможности свободы в крестьянской жизни, давайте в качестве примера обратимся к континенту, который чаще всего списывают со счетов. Конечно, в наши дни «у Африки имеется проблема с имиджем»¹: война, голод, болезни и призывы к благотворительности. Со временем этоискажённое представление о многоликом континенте будет только усугубляться ухудшающимся изменением климата и вмешательствами капитализма катастроф². В предыдущих главах мы увидели, что изменение климата скорее всего вызовет гражданские войны и обострит локальные конфликты, главным образом, из-за нехватки продовольствия, воды и обрабатываемой почвы. Многие представляют себе эти будущие конфликты как обобщение того образа, который сложился у них о современной Африке. При этом они в основном ошибаются.

Большинство войн в Африке сегодня разжигаются скорее из-за наличия ресурсов, а не их нехватки³. Откаты в глобальной торговле должны в какой-то степени лишить эти пожары кислорода. Например, по мере того, как нефть будет заканчиваться, районы вроде дельты Нигера, находящиеся сегодня в осаде государственных/корпоративных нефтяных интересов, из полей боя скорее всего снова превратятся в захолустья. Мне кажется очевидным, что мы не увидим обращения всей Африки к анархизму западного происхождения, поэтому то, во что превратятся общества, будет в значительной степени определяться тем, чем они являются сейчас. И вот некоторые хорошие не-новости из Африки — во многих местах и на многих уровнях её культуры имеют значительные анархические характеристики, причём некоторые из них являются действующими анархиями. Я передаю слово Сэму Мба, нигерийскому анархо-синдикалисту:

В большей или меньшей степени... [многие] традиционные африканские общества отличались наглядной анархичностью, подтверждая исторический троизм, что правительства существовали не всегда. Последние

¹ Речь бесчестного министра внешней торговли (Нигерия) г-на Джи Ихема, отель Crown Plaza, Гаага, 27 апреля 2000 года.

² См.: Кляйн Н. *Доктрина шока: Расцвет капитализма катастроф* — Добрая книга, 2009.

³ Вопреки идеи о том, что уменьшение ресурсов может привести к увеличению конфликтов, многие исследования показали, что, наоборот, увеличение ресурсов приводит к увеличению конфликтов. Конфликт может быть вызван сочетанием жадности и недовольства, и часто жадность является двигателем, а недовольство — оправданием. «Это говорит о том, что ресурсное проклятие, подвергая власть имущих соблазнам большого богатства, является самым мощным фактором насилия и конфликтов» —

являются лишь недавним явлением и, следовательно, не являются неизбежными в человеческом обществе. Хотя некоторые анархические черты в традиционном африканском обществе существовали в основном на прошлых стадиях развития, некоторые из них сохраняются и остаются актуальными и по сей день. Это означает, что идеалы, лежащие в основе анархизма, возможно, не так уж новы в африканском контексте. Новым является понятие анархизма как идеологии общественного движения. Анархия как абстракция действительно может быть [в значительной степени] неизвестна африканцам, но как образ жизни она вполне себе распространена...

Проявления анархических элементов в африканских сообществах... были и в какой-то степени остаются повсеместными. К ним относятся частичное или полное отсутствие иерархических структур, государственных аппаратов и товариществ труда. Или в позитивном выражении: [некоторые общества] были (и остаются) по большей части самоуправляемыми, эгалитарными и республиканскими по своей природе⁴.

То, что в «мировом мнении» Африка рассматривается как «безнадёжный случай», отчасти объясняется тем, что её общества анархичны и не полностью вписаны в капиталистические отношения.

Почему анархические социальные отношения сохранились в Африке до такой степени? Джим Фист, пишущий для американского анархистского журнала *Fifth Estate*, даёт некоторые ответы:

В Африке к югу от Сахары, за исключением меньшинства стран с большим количеством белых поселенцев и ценными ресурсами (такими как алмазы или медь), капиталистические агрокультурные формы или правительство практически не проникали во внутренние районы. В колониальную эпоху... имперские державы преследовали лишь ограниченные цели. Не было желания вкладывать ресурсы в то, чтобы государство могло проецировать свою власть на каждый уголок новых колоний... И после обретения независимости, за исключением поселенческих государств... коренное население Африки оставалось затронутым рынком лишь в незначительной степени. Африканцы и африканки всё чаще торговали на рынке, но основой их обеспечения по-прежнему оставались усадьбы и семейные фермы, где преобладало натуральное хозяйство... Основные выводы таковы. Каким бы широким ни было распространение мирового капитализма, на большую часть Африки к югу от Сахары государственная или рыночная власть не оказала значительного влияния. Более того, хотя во... [многих частях планеты]... идёт борьба за развитие альтернативной экономики, в

Toulmin C. *Climate Change in Africa* — London: International African Institute and Zed Books, 1999, p. 118.

⁴ Mbah S., IG Igariwy. *African Anarchism: The History of a Movement* — Tucson: See Sharp Press, 1997, pp. 27-33.

обсуждаемых районах Африки продолжает существовать крепкое натуральное хозяйство, не заботящееся о прибыли и расширении капитала⁵.

Народы без правительства

Хотя анархические элементы широко распространены в Африке, существуют и целые анархические общества⁶. Некоторые из них существуют в окружении более инкорпорированного населения, а другие действительно удалены от внешней власти — благодаря удаче или активному ускользанию. Неблагоприятная для империи окружающая среда является важным фактором выживания некоторых из этих культур и их способности защищать свою автономию.

Некоторые из них остаются анархичными при формальном признании внешней власти. Это необязательно следует рассматривать как ассимиляцию. Правительствам не нравится оставлять безнаказанной открытую оппозицию, чтобы не поощрять других. Однако они не всегда способны полностью поглотить общества, существовавшие ещё до них, или особенно изворотливые общества беглых рабов. Для общины «государственная власть и чужая политическая культура... представляют собой такую разительную противоположность и такую мощь, что... как прямое сопротивление, так и пассивное приспособление вскоре оказываются невозможными. Наиболее приемлемым вариантом является некое сотрудничество, позволяющее продолжать жить почти так же, как прежде, с мыслью, что *мы были здесь до них и будем здесь после них*»⁷. Некоторые ситуации сводятся к чему-то вроде негласного договора «мы сделаем вид, что вы управляете нами, а вы сделаете вид, что верите в это». Сложный набор тактик «одурачивания государства» может включать осуществление его ключевых функций, ретрадиционализацию, регулярное перемещение и манипулирование балансом конкурирующих внешних сил.

Кто-то может возразить, что эти анархии — не те, которые «мы» могли бы создать, если бы «мы» сели и спланировали «идеальное» общество для них⁸ — но это всё равно анархии. Хотя они гораздо более эгалитарны, чем окружающие общества, в них обычно существует определённая половозрастная стратификация, разделение труда и иногда рабство животных. Я не считаю ни одну из этих вещей приемлемой, но следует помнить, что в той или иной степени это аспекты всех цивилизованных обществ. По крайней мере, в этих культурах нет классовой войны или государства! В

⁵ Стоит также отметить следующее: «Такие ограниченные связи были в интересах... [боссов], которые намеренно создали полурабочий класс. Томсон утверждает: „Владельцы шахт и управляющие фермами полагаются на то, что крестьяне [которые приезжают на временную работу] также производят для себя продукцию на своих мелких фермах (которыми в их отсутствие занимаются их семьи). Поскольку у них есть этот дополнительный источник средств к существованию, заработка плата может быть низкой“». — Feast J. The African Road to Anarchism? // *Fifth Estate* Vol. 43. No. 2 — 2008.

⁶ Хороший обзор некоторых действительно существующих, а не воображаемых анархий в Африке и других местах см.: Barclay H. *People Without Government: An Anthropology of Anarchy* — London: Kahn SrAveril, 1990.

⁷ Skalnik P. *Outwitting the State* — New Brunswick: Transaction Publishers, 1989, p. 13.

⁸ Вызывающее лично у меня отвращение и определённо авторитарное занятие, которое, похоже, всё ещё нравится некоторым анархистам/анархисткам...

этом смысле они являются анархиями, даже если они не соответствуют всем стремлениям «нашего» анархизма западного происхождения. Их не следует идеализировать (не больше, чем современный Чьяпас или Барселону 1936 года), и вы не обязаны их «поддерживать». Но это существующие анархии, активное социальное творчество миллионов людей, сопротивляющихся концентрации власти. Любой общий обзор возможностей свободы был бы бессмысленным в случае их игнорирования. Те из нас, кто освобождает себя от власти, могут найти в их примерах вдохновение и предостережения⁹.

Совместности¹⁰ возрождаются на фоне спада мировой торговли

Для населения Африки факт существования анархий и широкого распространения анархических тенденций за их пределами открывает возможности побега и выживания в случаях, когда власть рушится, отступает или уничтожается. Многие общества в Африке, основанные на совместностях — это запасные варианты, к которым прибегали после того, как сложные королевства приходили в упадок или разрушались вторгшимися империями (как западными, так и африканскими). Хотя колониальные элиты часто осуществляли контроль через местные традиционные органы власти, они также вступали с ними в противоборство. Доминирующие классы действуют в своих собственных интересах, а не в интересах абстрактной системы иерархической власти. Нападение на местную власть со стороны внешних элит в прошлом открывало возможности для анархии, и эта схема сохраняется. Ещё раз слово Джиму Фисту:

Вот ирония истории. За последние 15 лет в [некоторых частях] индустриально неразвитого мира государство отмирает, но не из-за замещения чем-то превосходящим, а из-за расширения глобального капитализма. Известия об упадке государств на периферии капитала не означают, что правительства полностью исчезли. Скорее они сообщают о том, что многие государства перестали быть тотализированными органами контроля, какими мы их наблюдаем в странах северного эшелона...

После обретения независимости большинство стран Африки к югу от Сахары стали однопартийными государствами, во главе которых стоят коррумпированные властные люди, правящие, сочетая военное принуждение с распределением благ среди верных последователей... Умный властный человек видит, что не только его приближённые (обслуживающие государство), но и региональные и племенные лидеры всех мастей должны

⁹ Хотя, конечно, не в ущерб изучению классовых отношений, баланса сил, борьбы и радостей там, где мы живём. Слишком много активисток и активистов знают тонкости борьбы за границей, но мало знают о социальной войне вокруг себя.

¹⁰ В русском языке так и не получило широкого распространения понятие для обозначения пространств и других ресурсов общего/общинного владения: в активистских кругах часто встречается термин совместности (см., например, книги «Городские совместности: книга рецептов» и «Urban commons»).

культивироваться путём финансирования инфраструктурных проектов (представляющих широкие возможности для подкупа) в их юрисдикциях... Но с политикой структурной перестройки, навязанной этим странам, такая форма правления [зачастую] переставала существовать, потому что средств на поддержание сетей патронажа больше не было... В стремлении укрепить правление элиты произошла повсеместная трансформация в многопартийные демократии. С 1988 по 1999 год количество государств в Африке к югу от Сахары, в которых проводятся многопартийные выборы, увеличилось с 9 до 45. Это циничным образом временно решает две проблемы государственного правления... Во-первых, восстанавливает патину легитимности системы, которая больше не может предоставлять своим гражданам ни социальные услуги, ни покровительство. Во-вторых, оживляет эту систему, распределяя её клиентов по конкурирующим партиям, так что каждая политическая группировка обслуживает меньшую клиентскую базу и, соответственно, выкачивает меньше средств¹¹... Программы структурной перестройки понижают доступ к образованию и медицинскому обслуживанию ради экономии, что свидетельствует о неспособности государства обеспечить минимальное благосостояние граждан. Это ещё одна его потеря. Большую часть работы по обеспечению благосостояния продолжают оказывать группы из пострадавшего общества, несмотря на участие международных гуманитарных организаций. Другими словами, как говорит Томсон, «снижение возможностей государства потребовало от гражданского общества повышения уровня самодостаточности». Некогда притесняемые женские группы, профсоюзы, фермерские ассоциации и другие низовые сети берут на себя большую ответственность в социальной и экономической жизни...

[Так что, возможно, здесь мы видим африканский путь к анархизму], «при котором денежная экономика и государство, находящиеся в состоянии частичного коллапса или ухода, уступают всё больше функций неденежным негосударственным деревенским сообществам, организованным на основе взаимопомощи»¹².

В некоторых регионах это уже происходит. Без открытого противостояния, в манере, не подходящей для освещения в медиа. В других эта ревитализация совместностей является одной из сил, заполняющих вакуум власти, оставленный, в свою очередь, вооружённым дроблением «нестоявшихся государств». Упомянутая структурная перестройка, конечно, зависит от времени. Существуют приливы и отливы проектов власти, как показывает экспансия Китая в Африку, но, тем не менее, наблюдаемый процесс указывает на то, что может произойти во многих местах,

---

Городские сообщества за пределами государства и рынка) — прим. пер.

¹¹ Хотя я соглас(на) с автором, я бы сказал(а), что «проблема клиента» является далеко не единственным фактором распространения многопартийных систем. Распад советского блока, социал-демократическая мобилизация в Африке и требования (как финансовые, так и идеологические) Запада — вот лишь некоторые остальные факторы. Будет интересно посмотреть, как повлияет на это расширение китайской власти в Африке.

¹² Feast J. The African Road to Anarchism? // *Fifth Estate* Vol. 43. No. 2 — 2008.

поскольку глобальная торговля сокращается в бедном ресурсами и изменённом климатом мире.

Переиграть государство

Наряду с теми, кого мы можем с озорной улыбкой назвать анархистами образа жизни¹³, в Африке растёт, хотя пока и небольшое, число групп, организующихся под знаменем анархизма. Они вряд ли изменят облик всего континента, но могут сыграть важную роль в зарождающихся движениях и борьбе. Повторю предыдущую цитату Сивид: «Любой биорегион может быть освобождён через последовательность событий и стратегий, основанных на уникальных для него условиях». Даже если мы признаём невозможность глобальной анархистской революции, нет причин утверждать, что невозможно региональное анархистское восстание где-нибудь в Африке (или в другом месте), и это становится более вероятным благодаря факторам, которые мы уже обсуждали: В возможно слишком оптимистичных выражениях Сэм Мба заявляет:

Процесс анархической трансформации в Африке может оказаться сравнительно простым, учитывая, что в Африке нет прочного капиталистического фундамента, хорошо развитых классовых формаций и производственных отношений, а также стабильной, укоренившейся государственной системы¹⁴.

Хотя удивительно много африканских грунтовых дорог ведут к анархии¹⁵, многое из того, что мы здесь затронули, в той или иной степени относится к большому количеству сельских районов по всей планете. Например, в своей замечательной книге «Искусство быть неподвластным»¹⁶ Джеймс Скотт приводит многочисленные примеры анархий в горных районах Юго-Восточной Азии. Даже за пределами анархий крестьянские общины, чья самодостаточность не была полностью низвергнута, всё ещё часто сохраняют высокий уровень автономии: земля — это свобода!¹⁷ К сожалению, во многих местах общинные традиции были искоренены, «совместности» (или «дикая природа») огорожены, а крестьяне насильно превращены в наёмных

---

¹³ Дешёвая шутка, основанная на нелепой дилемме Мюррея Букчина «социальный анархизм vs анархизм образа жизни».

¹⁴ Mbah S., IG Igariwy. *African Anarchism: The History of a Movement* — Tucson: See Sharp Press, 1997, p. 108.

¹⁵ «Усовершенствование создаёт прямые дороги, но кривые дороги без усовершенствования есть дороги гения». — Уильям Блейк, цитируется в книге Лоуренса Миллмана *Last Places: A Journey in the North* — London: Sphere Books, 1992.

¹⁶ Скотт Дж. *Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии* — Новое издательство, 2017.

¹⁷ Если вы сомневаетесь в этом — проведите приятный эксперимент и почувствуйте вкус свободы, питаясь пищей, не купленной на проданное время, а выращенной своими руками. Я подозреваю, что этот опыт убедит вас в том, что земля — это свобода, и заставит вас желать больше и того, и другого. Для тех, кто любит ссылки на книги, а также почву под ногтями, см.: *The Ecologist. Whose Common Future? Reclaiming the Commons* — London: Earthscan, 1993.

рабочих. Однако в других местах этого не произошло по целому ряду причин, не последней из которых является сопротивление. Государства не всегда добиваются своего.

Прилив западного управления отступит от большей части планеты, но далеко не от всей. От него останется клубящийся беспорядок социально неприкаянных людей: какие-то участки живой анархии, несколько ужасных конфликтов, несколько империй, несколько свобод и, конечно, невообразимые странности. По мере того, как государства будут отступать и «проваливаться» — из-за энтропии, глупости, революций, внутренних конфликтов, климатического стресса — люди будут продолжать копать, сеять, пасти и жить — большинство, конечно, в гораздо более сложных климатических условиях, и лишь немногие будут иметь гарантии мирной жизни. Во многих местах товарная земля будет отвоёвана в качестве общего достояния, совместностей, а новые сообщества будут образованы беженцами и беженками из рухнувших экономик. Анархические общества — старые и новые — должны будут защищать свою жизнь и свободу с помощью уклонения и оружия, путём побега и другим способом «переиграть государство».

Мы мельком увидели возможности, открываемые (и закрываемые) будущими климатическими войнами и оттоком государственного управления от сельских общин, но что насчёт свободы на смещающихся внешних границах цивилизации? И что насчёт свободы за пределами этих границ — среди дикости?

5. Цивилизация отступает, дикость остаётся

Навстречу путник мне из древней шёл земли
И молвил: средь песков — минувших дней руина —
Стоят две каменных ноги от исполина,
Лежит разбитый лик во прахе невдали.

Сурово сжатый рот, усмешка гордой власти,
Твердит, как глубоко ваятель понял страсти,
Что пережить могли солгавший им язык,
Служившую им длань и сердце — их родник.

А вокруг подножия слова видны в граните:
«Я — Озимандия, великий царь царей.
Взгляните на мои деяния и дрожите!»

Кругом нет ничего. Истлевший мавзолей
Пустыней окружён. Гуляет ветр свободный
И стелются пески, безбрежны и бесплодны.

Озимандия, Перси Биш Шелли, 1817 г.
(перевод Николая Минского)

Империи распространяют пустыни, в которых они не смогут выжить

Прочтите это на руинах Ура и Му-Уса, на опустыненных полях Вади-Файнана¹ и в долине Теуакан². Империи распространяют пустыни, в которых они не смогут выжить. Набеги, восстания и бегство часто знаменуют падение цивилизаций, но настоящую работу по их уничтожению всегда выполняли их собственные лидеры, рабочие и зэки³. Мы все работаем над уничтожением наших цивилизаций⁴.

¹ Barker G. A Tale of Two Deserts: Contrasting Desertification Histories on Rome's Desert Frontier // *World Archaeology*. Vol. 33. No. 3 - 2002, pp. 488-507.

² Geist H. *The Causes and Progression of Desertification* - Aldershot: Ashgate Publishing, 2005, pp. 4-7.

³ Зэки (от англ. zeks) — термин американского анархиста Фреди Перлмана из книги «Against His Story, Against Leviathan», означающий по сути всех узников цивилизации, добровольно или принудительно поддерживающих своей деятельностью ее функционирование и развитие — прим. ред.

⁴ Тем, кто сомневается в этом, не мешало бы почитать: Ponting C. *A Green History of the World: The Environment and the Collapse of Great Civilisations* — London: Penguin Books, 1991. Кстати, до того как стать академиком, Понting едва избежал тюрьмы (благодаря неожиданному оправданию присяжных)

Цивилизованный человек прошёл по лицу земли и оставил после себя пустыню⁵.

Глобальное нагревание вызовет расширение жарких пустынь. Масштабы неизвестны, но можно с уверенностью сказать, что это произойдёт. Взаимодействие почвы, климата и гражданской власти будет оставаться доминирующим фактором, определяющим как историю, так и открытие территорий для более свободной жизни. Сельскохозяйственные системы будут разрушаться по мере распространения засушливых областей, а значит цивилизациям снова придётся отступить с ранее завоёванных земель. В некоторых местах разрушение будет полным, в других — частичным.

На моём родном языке «пустыни» — это земли, непригодные для жизни, заброшенные, покинутые: но кем? Не койотами и не кактусовыми крапивниками. Не муравьями-жнецами, не гремучими змеями. Не намибскими квикстепами, не сурикатами, не акациями, не тарами, не песчаными куропатками, не красными кенгуру. Пустыни и безводные среды в целом часто отличаются биологическим разнообразием, хотя по своей природе жизнь здесь более скучная, чем в других биомах. Несмотря на то, что некоторые пустынные районы безжизнены, в большинстве из них сообщества животных, птиц, насекомых, бактерий и растений бегают, летают, ползают, распространяются и растут в среде, не упорядоченной и не одомашненной цивилизацией. Дикость есть в нас и вокруг нас. Борьба за её сдерживание и контроль — это постоянный труд цивилизации. Даже когда эта битва проиграна и поля опустынены, дикость остаётся.

Тем временем среди пыли под облюбованном стервятниками небом ждёт пустыня: месы, холмы-останцы, каньон, грязь, впадина, откос, зубец, лабиринт, сухое озеро, дюна и Бесплодная гора⁶.

Свобода кочевников и крах сельского хозяйства

Я вспоминаю, как сижу в красном песке под жарким солнцем. Ветер слаб, тишина абсолютна... или оставалась бы абсолютной, если бы не человеческие голоса. Здесь есть люди, ведь не все пустыни непригодны для жизни. Но экономическая выгода для государств в таких местах едва ли возможна. Разреженность жизни благоприятствует кочевничеству: пастухам, фуражирам, путешественникам или торговцам.

Никто не сможет прожить эту жизнь, не изменившись. Они будут нести на себе, пусть и слабый, но отпечаток пустыни, клеймо, которым отмечен кочевник⁷.

за слив правды о «деле Бельграно» (потоплении британцами военного корабля ВМС Аргентины во время конфликта на Фолклендских островах), когда он был высокопоставленным государственным служащим Министерства обороны.

⁵ Carter V. G., Dale T. *Topsoil and Civilization* — Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1974.

⁶ Abbey Ed. *Desert Solitaire: A Season in the Wilderness* — New York: Ballantine Books, 1971, pp. 303-305.

⁷ Theiseger W. *Arabian Sands* - London: Penguin, 1959. Я предпринял(а) дерзкий, хотя, на мой взгляд, достойный шаг, нейтрализовав гендерную принадлежность этой цитаты.

Хотя концентрация власти может возникнуть в любом обществе с определённым уровнем одомашнивания, в целом, чем более народ кочующий, тем более независимым он, скорее всего, будет. Правительства знают об этом, о чём свидетельствуют широко распространённые попытки решить их проблемы с пустынными кочевниками. Кочевники часто умеют бороться и/или ускользать: будь то упрямое выживаниеaborигенов в Австралии⁸, бескомпромиссное сопротивление апачей под предводительством Викторио или недавнее восстание туарегов в Сахаре.

Элен Клодо-Хавад в обсуждении конфликта туарегов с современными государствами говорит следующее: «Государственные границы по определению имеютфиксированную, неподвижную и неосязаемую линию, и они специально сделаны так, чтобы их нельзя было преступить. Предполагается, что границы разделяют взаимно противоположные сущности»⁹. Смешиваясь с практическим неверием в границы, стойкая независимость кочевников становится угрозой для самой идеологической основы государств.

Глобальное нагревание будет стимулировать преобразования в человеческом землепользовании. Как отмечалось в предыдущей главе, в некоторых местах крестьянская самодостаточность, вероятно, заменит ориентированную на экспорт монокультуру, в то время как в других увядающие сельскохозяйственные культуры могут быть вытеснены животноводством. В расширяющихся засушливых зонах успешно адаптируются те, кто освоит практики перегонно-пастбищного существования¹⁰. В других районах кочевые скотоводы и земледельцы могут вернуться к охоте и собирательству.

На протяжении большей части существования нашего вида все мы занимались собирательством, и дикая природа была нашим домом. Общества охотников-собирателей являются самыми эгалитарными на земле¹¹. Те из них, что дожили до наших дней, сохранились в районах, часто непригодных для сельского хозяйства и удалённых от централизованной власти. Например, народ спинифекс в пустыне Великая Виктория смог продолжить свою традиционную жизнь, несмотря на

⁸ См., например: Mattingley C. ed. *Survival In Our Own Land: Aboriginal experiences in 'South Australia' since 1936* — Sydney: Hodder & Stoughton, 1988.

⁹ Хорошее изложение положения туарегов см.: Claudot H. Hawad, A Nomadic Fight Against Immobility: the Tuareg in the Modern State // Chatty, Dawn ed. *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa: Entering the 21st century* — Leiden: Brill Academic Publishers, 2006.

¹⁰ «Учитывая вероятное повышение температуры и изменение количества осадков, многие фермеры столкнутся с ещё более сложными условиями для выращивания. Животноводство может оказаться проще растениеводства, особенно по мере того, как пастухи будут переходить от крупного рогатого скота, который менее устойчив к жаре, к козам, овцам и верблюдам, которые лучше переносят более сухие и жаркие условия». (р. 12.) «В целом животноводческий сектор, вероятно, будет более устойчивым, чем корпоративная агрокультура, поскольку смешанные стада, которые содержат мелкие фермеры, лучше справляются с непостоянными осадками. В рамках оттонного животноводства животные перемещаются в зависимости от времени года, что также лучше их содержания на крупных коммерческих мясных и молочных фермах. В тех районах, где, вероятно, будет жарче и суще, состав стад изменится с крупного рогатого скота на большее количество мелкого скота или верблюдов. Если окажется, что можно будет содержать яловых волов, это повлияет на способность обрабатывать землю». (р. 60) — Toulmin C. *Climate Change in Africa* — London: International African Institute and Zed Books, 2009.

¹¹ Lee R. B., Daly R., eds. *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers* — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

появление «Австралии»; поскольку их родные земли настолько бесплодны, что не подходят даже для скотоводства¹². Охотникам-собирателям народа !кунг тоже удалось жить хорошо и свободно в очень суровой среде — пустыне Калахари¹³.

Собирательство — адаптивная стратегия, к которой обращаются земледельцы, когда сталкиваются с экстремальным недостатком продовольствия или внешним насилием. Для кого-то это может быть времененным решением, для кого-то — постоянным. По мере роста опустынивания в некоторых местах может распространиться дезертирство из цивилизации в сторону чего-то, напоминающего нашу первоначальную анархистскую дикую жизнь. Новые группы собирателей могут развиться после краха жизнеспособности сельского хозяйства и свертывания богатых энергетическими ресурсами государств. Учитывая нынешнее состояние многих скотоводов и собирателей в засушливых зонах, более вероятно, что в большинстве случаев мы получим гибрид — увеличение автономных кочевых популяций, опирающихся как на животноводство, так и на собирательство.

Рябок и креозотовый куст

На более общем уровне многих из тех, кто испытывает тягу к дикости и потребность в свободе от власти, тянет к границам жарких пустынь и полузасушливых регионов.

Выйду без цели вешней бродить порой.
Манят вдаль твои дороги, Пустыня.
Брошу дом, распрошусь с постылой горой,
Земли все пред тобою убоги, Пустыня.

*Сеитназар Сеиди,
туркменский поэт XIX века*

Даже для тех, кто находится в стенах пред-полагаемых глобальных держав, такие возможности существуют и будут существовать во многих регионах. В районах Южной Европы, уже испытывающих дефицит воды, опустевшие фермы и деревни были вновь заселены анархистами и анархистками, а также хиппи, членами сект и другими желающими убежать от прямого надзора власти и покинуть тюрьму наёмного труда. Аналогичные ситуации «выбывания» присутствуют в иссушеннем сердце Австралии и западных пустынях Северной Америки. Здесь, что важно, аборигенные общины

---

¹² Хотя в глазах британских военных этот факт превратил эти земли в идеальное место для испытаний ядерного оружия.

¹³ Ниса, женщина из племени !кунг: «Я помню другой случай. Я гуляла со своими друзьями в буше. Наши семьи переезжали из одного лагеря в другой, и мы с друзьями шли впереди взрослых, верхом друг на друге, представляя, что мы ослики. В этот момент моя подруга Беса увидела дикую обезьяну, лежащую мертвой на земле; потом мы увидели ещё одну, потом - ещё. Все они были недавно убиты львами. Мы побежали обратно по своим следам, крича: „Мы видели, ли трёх мёртвых диких обезьян, убитых львами!“ Взрослые сказали „Хо, хо, наши дети... наши замечательные дети... наши замечательные, замечательные дети!“». — Shostak M. *Nisa: The Life and Words of a !Kung Woman* — London:

сохраняются или заново восстанавливаются. Давняя стратегия выживания коренных народов «мы были здесь раньше и будем после» может принести плоды в пустыне. Как показывают многочисленные примеры современной борьбы, анархисты и коренные народы могут образовывать крепкие союзы.

В пустынях обитают одни из самых древних сообществ. В Мохаве находится клonalная колония креозотового куста, возраст которой оценивается в 11700 лет. А недавние генетические исследования показали, что бушмены Калахари, вероятно, являются самой древней непрерывной популяцией людей на Земле¹⁴. Эти сообщества — как растительное, так и человеческое — являются вдохновляющими примерами жизнестойкости. Однако, пережив тысячетия в жарких пустынях, они могут не пережить всё ещё распространяющуюся цивилизацию. Древнее кольцо креозотового кустарника растёт низко у земли на «предназначенной для рекреационного использования вездеходами» территории Бюро управления земельными ресурсами США¹⁵. Правительство Ботсваны же насилино переселило многих бушменов Калахари из их родных мест в убогие лагеря, по-видимому, чтобы обеспечить себе возможность добычи алмазов¹⁶. Для свободных народов и дикой природы суровость нашей культурной пустыни является наибольшей угрозой.

В целом, по мере того как планета накаляется, нам не стоит забывать о кочевой свободе пастухов и собирателей, об убежищах аборигенов и отступников, о расширяющейся среде обитания пустынной флоры и фауны. Будущее расширение аридных зон несёт в себе как позитивные возможности, так и тоску по ранее кипящим жизнью экосистемам¹⁷. И всё же пустыня может чудесно расцвести. Ранее мы уже обсудили возможности, открывающиеся в результате распространения жарких пустынь. Но не стоит забывать, что множество других возможностей, наоборот, исчезнет. Даже некоторые относительно анархичные культуры на границах пустыни или за её пределами станут нежизнеспособными. Виды будут вымирать. Хотя в расширяющихся пустынных землях найдутся выжившие, многие решат бежать от жары. Некоторые из этих миграций — в определённой степени уже происходящие — будут внутригосударственными, но многие станут международными.

В жарком засушливом мире выжившие собираются для путешествия в арктические центры цивилизации; я вижу их в пустыне, когда наступает рассвет и солнце бросает свой пронзительный взгляд через горизонт на лагерь. Прохладный свежий ночной воздух держится некоторое время, а затем, как дым, рассеивается, когда жара берёт верх...¹⁸

Это слова из конца книги Лавлока *Revenge of Gaia*. С расширением жарких пустынь цивилизация и большая часть человечества будет спасаться бегством и/или умирать. Что в это время ждёт нас в холодных пустынях, новых «арктических центрах цивилизации»?

Earthscan, 1990, p. 101.

¹⁴ Conner S. World's Most Ancient Race traced in DNA Study // *The Independent* — London, 2009.

¹⁵ Sussman R. *The World's Oldest Living Things* — TED, 2010.

¹⁶ См. Survival International.

¹⁷ И да, это касается и людей.

¹⁸ Lovelock J. *The Revenge of Gaia* — London: Penguin Books, 2006, p. 159.

6. Возвращение Terror-nullius⁽¹⁾

Мхами вызолочен весь,
Повсеместно, без препяд —
Быстрый бег оленьих стад,
Молчаливой дали весть.

«Падение Рима», У. Х. Оден¹
(перевод Андрея Гастева).

Цивилизация расширяется по мере оттаивания тундр

Поскольку мы развивались в Африке, холодные пустыни всегда были довольно враждебны человеческим усилиям. Поэтому, несмотря на всё большее влияние цивилизации, они оставались в основном неодомашненными. Так не будет продолжаться дальше. Сообщения климатологов, коренных народов, моряков, сезонных рабочих и экологов подтверждают, что последствия глобального изменения климата усиливаются на Крайнем Севере. Вот, например, Стен Педерсон собирает урожай капусты в Гренландии², а это было немыслимо ещё несколько десятилетий назад. В поисках нефти, газа и прочих богатств исследовательские суда движутся по арктическим волнам, освободившимся ото льда³. На большей части Крайнего Севера (за исключением тех районов, которые пострадали от наследия сталинских ГУЛАГов и новых городов) вторжение цивилизации ещё рассеянное или временное, но оно усиливается, и многие считают, что мы стоим на пороге новой холодной лихорадки. Зарытые сокровища становятся доступными, а ранее замороженные территории — более благоприятными для заселения и земледелия. Цивилизация будет расширяться по мере оттаивания холодных пустынь.

Вот маленький грязный секрет: многие северные правительства активно ожидают последствий изменения климата на занимаемых ими землях (в настоящее время часто лишь символически). Победителями будут те, кто окажется на богатом водой оттаивающем Крайнем Севере, а проигравшими станут многие люди в жарких регионах с её дефицитом. Климату нет дела до справедливости. «Некоторые... регионы

¹ <https://poezia.ru/works/164675> — прим. пер.

² Folger T. Viking Weather: The Changing Face of Greenland // *National Geographic* Vol. 217. No. 6 — 2010, p. 49.

³ Melic J., Bartlett J., Bartlett D. Melting Ice Opens Up Potential for Arctic Exploitation // *BBC World Service* — 2010.

(1) Комбинация латинского выражения «ничья земля» и слова «террор», подчёркивающая жестокую эксплуататорскую политику

мира... могут получить выгоду от глобального потепления в ближайшие 20-30 лет, например, более благоприятные сельскохозяйственные условия в некоторых частях России и Канады»⁴. «Северная четверть широт нашей планеты претерпит огромные изменения в течение этого столетия, и это сделает их местом повышенной человеческой активности, более высокой стратегической ценности и большей экономической значимости, чем сегодня»⁵

Эта трансформация будет подпитываться климатическими последствиями сжигания ископаемого топлива и открытием новых запасов. «По данным Геологической службы США, в этом регионе может находиться 90 миллиардов баррелей нефти (что при нынешних ценах на нефть стоит 7 триллионов долларов) и 30 процентов неиспользованных запасов газа на планете»⁶

Ранее мы рассматривали климатические конфликты и сосредотачивались на горячих войнах, но холодные войны за контроль над вновь доступными углеводородными, минеральными и земельными «ресурсами» также возможны, хотя они будут иметь принципиально иной характер. «„Холодные“ зоны — это, как правило, экономически развитые страны, а „горячие“ — развивающиеся... Конфликт между развитыми странами может привести к концентрированной гибели людей, в то время как конфликт в развивающихся странах будет более диффузным». «Если горячая война характеризуется неисправностью государственных функций и внутренними распрями, то холодная война сопровождается расширением государственного контроля и внешнего конфликта»⁷.

Налицо факт возникновения новой холодной войны — снова в основном между восточным и западным центрами власти, хотя на этот раз прочно связанной с Крайним Севером⁸ Пока что вероятность полномасштабной войны в новом Полярном поясе напряжённости гораздо меньше, чем в горячих районах планеты — не в последнюю очередь потому, что многие из стран, о которых идёт речь, являются ядерными державами. Скандалов, напоминающих британско-исландские «тресковые войны», в сочетании с дипломатическими заявлениями вроде недавнего водружения российского флага на дне Ледовитого океана⁹ несомненно, станет больше. Осознание отсутствия полезных ресурсов, достойных потасовки — это единственное, что точно предотвратит конфликт в регионе. Оно, к сожалению, маловероятно: открытие самого моря создаёт новые возможности для торговли и передвижения, даже если под ним мало что найдётся.

В этой истории есть забытый континент. «Антарктиду ждут огромные изменения в результате терраформирования, которые создадут возможности для экономической эксплуатации. Учитывая множество претензий на суверенитет в регионе, есть

⁴ Toulmin C. *Climate Change in Africa* — London: International African Institute and Zed Books, 1999, pp. 15-16.

⁵ Smith L. C. *The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future* — New York: Penguin, 2010, p. 6.

⁶ Global Warming Poses Threats and Opportunities to Arctic Region // *Manila Bulletin* — 2009.

⁷ Lee J. R. *Climate Change and Armed Conflict: Hot and Cold Wars* — London: Routledge, 2009, p. 17, 167.

⁸ Например, в «Стратегии национальной безопасности России», принятой весной 2009 года, говорится о возможности применения вооружённых сил в конфликте за запасы углеводородов. Bancroft-Hinchey T. *Climate Change, the Arctic and Russias National Security* // PRAVDA.Ru, 2010.

⁹ Владимир Путин публично заявил, что, по его мнению, России необходимо срочно обеспечить

вероятность, что результатом станет конфликт»¹⁰. В Антарктиде много льда, и значительные споры вряд ли возникнут до середины века, если не намного, намного позже. Но это не значит, что государства уже не закладывают фундамент. Жестокая ирония заключается в том, что большая часть научных разработок, которые позволили осознать изменение климата и получить представление о климате прошлого, была сделана благодаря безупречным усилиям учёных, работающих в государственных учреждениях — например, Британской антарктической службе, чьё присутствие в Антарктиде в значительной степени финансируется для того, чтобы подчеркнуть имперские претензии на континент, истинное завоевание и одомашнивание которого может произойти только в результате масштабного изменения климата. Тем временем южные моря — особенно вокруг спорных Фолклендских островов — всё чаще становятся объектом нефтеразведки.

Экоцид и геноцид на «пустых» землях

Когда британское государство объявило Австралию *terra nullius*, оно определило эту землю как пустую. Народы и дикая природа становились невидимыми. Если их вообще воспринимали, то лишь как препятствия на пути прогресса. На Крайнем Севере же, как и в колониях в целом, большая часть земли уже заселена — людьми и другими животными. В тундре есть чудеса, которые цивилизация должна свести на нет ради опустошения и оккупации. В своём прекрасном исследовании Арктики натуралист Барри Лопес описывает любимые им земли:

Арктика в целом имеет классические черты пустынного ландшафта: свободные, сбалансированные, вытянутые и спокойные... Однако кажущееся однообразие земли разбавляют перемещения погодных систем и активность животных, особенно птиц и карибу. И поскольку большая часть территории обнажена, а проходящий сквозь беспыльный воздух солнечный свет обрисовывает её края с такой необычной резкостью, животные словно замедляются. Их присутствие проявляется очень ярко.

Как и другие ландшафты, которые поначалу кажутся бесплодными, арктическая тundra может внезапно раскрыться подобно венчику цветка, если стремиться к близости с ней. Например, среди однообразных коричневых пятен тундровой кислицы можно заметить яркие красные, оранжевые и зелёные пятна.

Паук-волк бросается на блестящего жука. Клочок шерсти мускусного быка лежит без движения в лавандовых цветах камнеломки... Богатство биологических деталей тундры развеивает ощущение пустоты, но её сходство со сценой наводит на мысль о грядущих событиях. Во время летней прогулки омытый ветром воздух оказывается безмерно чистым. То и дело вы натыкаетесь на отдельные лаконичные свидетельства жизни — следы

свои «стратегические, экономические, научные и оборонные интересы» в Арктике. Russia Plants Flag Under N Pole // BBC News — 2007.

¹⁰ Lee J. R. *Climate Change and Armed Conflict: Hot and Cold Wars* — London: Routledge, 2009, p. 102.

животных, непереваренные останки тундрянки в совином гнезде, заросли ивы короткоплодной с листьями, почти полностью обгрызенными зайцами-беляками. Вам обеспечены компаньоны в лице следующих за вами птиц (они знают, что вы животное и рано или поздно найдёте что-нибудь съестное). Перед вами разлетаются песочники, крича «туйтуек»: именно так эскимосы называют этих птиц. Неуклюже спускаясь по осыпному склону из промёрзшего известняка, вы издаёте звон бьющегося стекла — и в отдалении тундровый гризли поднимается на задние лапы, чтобы изучить вас. Его тарелкообразные передние лапы смертельно неподвижны... [Но уже сейчас, даже на необитаемых землях], невозможно не заметить свидетельств грядущего потрясения и не почувствовать их влияния. Депрессия, которую оно порождает, может довести человека до отчаяния, ведь многое в нём кажется бесцеремонным принуждением в отношении земли и людей, грубым вторжением...¹¹

Нынешний масштаб промышленного вторжения является лишь предвестником грядущего экоцида, который начнётся по мере потепления в высоких широтах, когда Крайний Север станет покрываться всё большим количеством городов, дорог, установок, полей и заводов. Этот процесс будет сопровождаться попытками геноцида. Скотоводы, такие как саамы¹² Лапландии и коренные народы Сибири, скорее всего, столкнутся с тем, что их родные земли будут всё больше фрагментироваться и загрязняться, а общины, живущие на богатых ресурсами землях, столкнутся с искоренением — либо простым лишением собственности, либо ассимиляцией в индустриальную культуру¹³: Несомненно, весь этот процесс будет частично взят под управление коренного населения в местах вроде Гренландии, где оно сможет расчитывать на некоторую материальную выгоду от обнажения оттаивающих земель. Однако в большинстве мест, где аборигенные общины являются меньшинством, будут наблюдаться знакомые модели репрессий и сопротивления.

Это столкновение старых холодных миров и новых, согретых «белым жаром технологической революции» — не только будущее, но и прошлое, и оно никогда не заканчивалось. Конечно, истории о разрушениях и лишении собственности многочисленны, но есть и примеры сопротивления. Например, несмотря на скучные ресурсы, некоторые сибирские племена яростно сопротивляются расширению газо-

¹¹ Lopez B. *Arctic-Dreams: Imagination and Desire in a Northern Landscape* — New York: The Harvill Press, 1999, p. xxiii-xxvii.

¹² Для саамов, которые по своей природе являются трансграничными, разобщённое существование национальных государств уже является проблемой. Это может оказаться фатальным в их попытках адаптироваться к изменению климата, даже без учёта цивилизационной экспансии. См.: Reinert E. et al. *Adapting to climate change in Sami reindeer herding: the nation-state as problem and solution* // W. Neil Adger et al, *Adapting to Climate Change: Thresholds, Values, Governance* — Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. 417-431. Хорошую справочную информацию также см.: Beach H. *The Saami of Lapland* — London: Minority Rights Group, 1988.

¹³ Когда коренной народ перестаёт существовать и становится частью более широкой культуры — это вопрос, который я оставлю на рассмотрение самим коренным народам. О том, что такая ассимиляция глубоко болезненна, можно судить как по ошеломляюще высокому уровню самоубийств среди многих новопоселенческих общин, так и по уровню самоповреждений и самоубийств в целом, поскольку дети по всему миру превращаются в совершенолетние шестерёнки и микропроцессоры.

вой и нефтяной инфраструктуры на своих традиционных землях. В ходе одной акции сотня нивхов, эвенков и уйльта на три дня перекрыли дороги своими оленями в знак протеста против новых нефте- и газопроводов¹⁴. Противостоящие правительству и корпорациям воинственные общества с сильной этикой земли и растущим боевым духом особенно характерны для Канады.

Хотя были и будут победы в борьбе за то, чтобы остановить распространение империи и её инфраструктуры на север, даже самые решительные народы не смогут препятствовать изменению климата. Коренные народы сообщают, что уже сейчас это сказывается на их жизнях. Инуитка Вайолет Форд говорит: «Мы больше не можем предсказывать погоду, поэтому нам очень трудно планировать охоту. Это вызывает сильный стресс и страх в наших общинах»¹⁵. Подобные сообщения поступают и из «российской» Арктики, где таяние льда и снега вызывает культурные изменения и ставит под угрозу образ жизни ненецких оленеводов на полуострове Ямал¹⁶.

Как-то раз в яркий день на расшатываемом штормом мысе мы, окружённые лесом, волнами, скопами и касатками, гуляли с другом. Вдали от дорог и деревень место казалось девственно чистым, но среди деревьев виднелись гниющие останки школы. Ржавеющие сельскохозяйственные орудия засоряли подлесок, а поля стали охотничими угодьями пумы. Удалённость от рынков, нелогичность политики и не пригодная для колонизации земля привели к эвакуации поселенцев с этого побережья. Это напомнило мне, что, несмотря на желания тех, кто планирует миры, поселение иногда терпит неудачу, и дикость побеждает. Так будет и впредь¹⁷.

Свобода и рабство на новых рубежах

По мере того, как холодные пустыни будут отступать, появятся возможности для тех, кто захочет колонизировать/вторгнуться/сопротивляться/ работать. Кто заселит эти новые земли? Физические ландшафты и социальные условия борьбы определяют то, что нам кажется возможным, и, следовательно, то, как мы действуем. В Северной Америке XIX и начала XX века индивидуалистический анархизм (особенно под влиянием Генри Дэвида Торо) был напрямую обусловлен идеей и фактом существования фронтов¹⁸, что, в свою очередь, создавало реальную возможность для развития некоторого уровня автономии и самодостаточности — правда, на украденной земле! В то же время в переполненной Европе «внешнего» было меньше, и поэтому, несмот-

¹⁴ Siberian Peoples Protest Against Oil and Gas Pipelines // *Survival International*, 2005.

¹⁵ York G. Indigenous People Describe Real Perils of Global Warming // *The Globe and Mail*, 2007.

¹⁶ Harding L. Climate Change in Russia's Arctic Tundra // *Guardian* — 2010.

¹⁷ Для цивилизации великое таяние Крайнего Севера, вероятно, создаст как препятствия, так и новые пути. Лоуренс Смит утверждает, что во многих местах из-за сокращения зимних дорог и разрушения грунта в результате оттаивания вечной мерзлоты будет «уменьшаться доступ по суше, но увеличиваться доступ по морю. Для многих отдалённых внутренних территорий, возможно, откроются удивительные перспективы: уменьшение присутствия человека и возвращение их в более дикое состояние». — Smith L. C. *The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future* — New York: Penguin, 2010, p. 170.

¹⁸ Фронт — некоторого рода пограничье, дикие земли, только осваиваемые цивилизацией — прим. ред.

ря на сильные течения с экологической и антицивилизационной перспективой, многие анархисты-индивидуалисты обращались к грабежу банков, повстанчеству, политическим убийствам и искусству. Можно ожидать, что открытие новых земель в Европе и Северной Америке значительно повлияет как на тех, кто хочет покинуть цивилизацию, так и на тех, кто желает её расширить. На расширяющихся границах появится множество возможностей для свободной жизни; хотя отступники и диссиденты могут и сами заложить основу для более широкой «дженетрификации» дикой природы.

Было бы прекрасно думать, что расцветут тысячи анархистских бревенчатых хижин, но шире распространяются рабочие лагеря и фермерские угодья, напоминающие нечто среднее между современными трудовыми лагерями Дубая и новыми китайскими сельскохозяйственными и лесозаготовительными колониями в Сибири. В ОАЭ рабочие-мигранты живут в ужасающих условиях, их ежедневно доставляют на автобусах в Дубай и обратно для строительства нового супергорода. У них нет гражданских прав, нет права на пребывание после истечения срочного контракта, семьи существуют редко (почти нет права на брак или совместное проживание), нет официальных профсоюзов. Напуганные «индийской демографической бомбой замедленного действия» правители Дубая создали сложную систему иммиграционных квот, в рамках которой мигранток и мигрантов привозят из разных стран, чтобы сохранять социальную разобщённость в рабочей среде. Тем временем каждое лето 600 000 китайских рабочих пересекают границу в рамках своеобразной сезонной миграции, чтобы работать на новых полях в Сибири¹⁹.

Так что на новых рубежах будет присутствовать и рабство, и свобода. Из-за обещаний твёрдой валюты и отсутствия перспектив в охваченных нагреванием странах многие выберут такие жизни. Читатели и читательницы с анархо-синдикалистскими наклонностями могут заметить поразительное сходство такой ситуации с той, в которой протекала борьба Индустриальных рабочих мира в лагерях лесорубов и шахтёров. IWW была единственной рабочей организацией, которая добилась успеха в объединении люмпен-пролетариата разных национальностей в Америке начала XX века. В условиях культурного разделения и отсутствия легальных профсоюзов и других органов социал-демократии на Новом Севере может возникнуть воинствующий неформальный синдикализм, возможно, даже под влиянием анархизма.

Параллели между старыми и новыми фронтами хорошо изложены климатологом Лоуренсом Смитом:

Можно представить, что Новый Север будет похож на Америку 1803 года, сразу после покупки Луизианы у Франции. Там тоже были крупные города, подпитываемые иностранной иммиграцией, и огромный негостеприимный фронт, удалённый от основных городских центров. Её пустыни были суровыми, опасными и экологически хрупкими, как арктическая тундра. Она также обладала богатыми запасами металлов и углеводоро-

---

¹⁹ Parag Khanna Maps the Future of Countries — TED, 2009.

дов. Тот фронтир тоже был не пустым, но занятым аборигенами, жившими там уже на протяжении тысячелетий²⁰.

Хотя масштабы цивилизационной экспансии на «Новый Север» пока неизвестны (как и многое в футурологии, связанное с изменением климата), наличие самой тенденции кажется очевидным. В некоторых местах ей можно успешно противостоять. В других местах поселенчество с его высокомерием просто потерпит крах. А в каких-то местах сама экспансия откроет возможности для тех, кто будет жить на новых просторах или в старых, но более тёплых мирах.

---

²⁰ Smith L. C. The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization’s Northern Future — New York: Penguin, 2010, p. 258.

7. Конвергенция⁽²⁾ и новое городское большинство

Продолжительность жизни и ожидания от «современной жизни»

В 2008 году человечество преодолело важную веху: в городах стало жить больше представителей и представительниц нашего вида, чем за их пределами. Я даже не буду пытаться предположить, куда именно — кроме экологической денудации¹ — ведёт рост городов. Это могут быть сверкающие стеклянные купола из научной фантастики, гнилостные воды современного Макоко² или погруженные в джунгли заброшенные проспекты городов майя. По всей вероятности, все три варианта (а может и больше) будут иметь место. Есть подозрение, что никто не знает, в какой ситуации мы находимся сегодня, не говоря уже о том, куда всё движется. Майк Дэвис говорит:

Очень крупные города (имеющие глобальный, а не только региональный экологический след) таким образом являются наиболее ярким конечным продуктом культурной эволюции человека в голоцене. Можно было бы предположить, что они являются предметом наиболее значимого и всеобъемлющего научного исследования. Но это не так. Мы знаем больше об экологии тропических лесов, чем об экологии городов³.

Скорость изменений ошеломляет. Для примера возьмём города, в которых проживает более 10 миллионов человек. Если в 1900 году их не было, то к середине 1970-х годов насчитывалось три города-гиганта, а с 2007 года их число выросло до девятнадцати. Ожидается, что к 2025 году их число возрастёт до двадцати семи. С трёх до двадцати семи за пятьдесят лет. В целом, с начала 1990-х годов города

¹ Появившаяся тенденция рассматривать города как спасение природы — это чушь в стиле каргокульта, подкреплённая методами подсчёта углерода, которые игнорируют взаимозависимый характер индустриализма. Хорошим недавним примером такого ошибочного мышления является Barley S. Escape to the City // *New Scientist* — 2010, pp. 32-34. Отмечу, что редакторы поместили её на обложку в качестве главной статьи с заголовком «Городская утопия», что говорит само за себя!

² Лагос в Нигерии насчитывает около 20 миллионов человек и является одним из самых быстрорастущих мегаполисов мира. Некогда небольшая рыбацкая деревня Макоко превратилась в трущобы, в которых проживает около 100 000 человек, в основном в домах на сваях на берегу лагуны Лагоса. Как и во многих других трущобах, район в основном управляет местными бандами, а не государственными.

³ Davis M. *Dead Cities and Other Tales* — New York: The New Press, 2002, p. 363.

⁽²⁾ процесс сближения, схождения, стирание различий, здесь: относительно устройства различных

(стремительно) «развивающегося мира» увеличивались на три миллиона человек в неделю⁴. Это примерно равносильно тому, что *каждый день* появляется новый город размером с Бристоль, Братиславу или Окленд⁵. От сельского хозяйства людей тянет и толкает к свободе и рабству мегаполисов, так что, судя по всему, городское большинство будет расширяться и дальше.

Хотя пропасть между самыми богатыми и самыми бедными в мире продолжает увеличиваться, статистика ООН, тем не менее, указывает на поразительные изменения для большей части населения мира. Эти изменения в образе жизни часто никак не меняют парадигму активистов и активисток «развитого» мира. Как отметил Ханс Релинг, планета часто воспринимается как разделённая на:

...нас и «них», причём «мы» — это Западный мир, а «они» — это Третий мир. «И что вы имеете в виду под Западным миром?» — спросил я. «Ну, это долгая жизнь и маленькая семья, а Третий мир — это короткая жизнь и большая семья»⁶.

Такая упрощённая картина всегда скрывала классовые, культурные и региональные различия, но в ней была доля правды. Теперь это не так. Изменения в продолжительности жизни и размере семьи во всём мире являются одними из самых очевидных. Наряду с ними происходят огромные изменения в общем состоянии здоровья (как хорошие, так и плохие)⁷, программировании детей и растущей степени коммодификации социальных отношений. Однако на планете, где от дорожно-транспортных происшествий теперь погибает столько же людей, сколько от малярии, старая картина ещё имеет место⁸.

В растущих городах реальные социальные революции вроде увеличения продолжительности жизни могут сочетаться с транслируемыми через СМИ мифами о (не)американской мечте, что порождает нереалистичные ожидания от «современной жизни». Такие ожидания поощряют попытки ассимиляции и подчинения власти, даже когда неизбежные столкновения классовых интересов и неспособность «системы» обеспечить обещанные блага вызывают гнев. Но всё же многие люди будут жить дальше, и это позволит им испытать возможности любви, несмотря на неизбежность социальных потрясений и растущее классовое неравенство.

---

⁴ *United Nations Human Settlements Programme. State of the World's Cities 2008/2009* — London: Earthscan, 2008. Цитируется в Smith L. C. *The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future* — New York: Penguin, 2010, p. 32.

⁵ Данные о численности населения взяты из переписей населения штатов. Бристоль: 433.100 (Великобритания, 2001). Братислава: 429.000 (Словакия, 2006). Окленд: 446.901 (США, 2010).

⁶ Rosling H. *The best stats you've ever seen — TED, 2006.

⁷ См.: McMurray C., Smith R. *Diseases of Globalization: Socioeconomic Transitions and Health* — London: Earthscan, 2001.

⁸ 1,20 млн. и 1,27 млн. соответственно в 2002 году. Halliday T., Davey B *Water and Health in an Overcrowded World* — Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 39.

обществ и, в частности, их экономических систем

Расходящиеся миры

Основываясь на том, куда эти тенденции привели Запад⁹, многие рассматривают подобные преобразования в качестве волшебного средства, ведущего вид к конвергенции. Но они заблуждаются — и даже без учёта реальных ограничений, установленных в настоящее время изменением климата, нехваткой ресурсов и т. д. По некоторым оценкам, даже если принять эти тенденции как данность, в середине века сельское население всё равно будет приближаться к трём миллиардам¹⁰. Многие из этих фермеров, а также жителей городов, вероятно, будут жить в условиях стагнации экономики, подобно странам «нижнего миллиарда» сегодня. Кроме того, многие из этих наименее конвергирующих групп населения, вероятно, будут находиться в странах, которые обычно называют «несостоявшимися государствами». Эти страны вряд ли будут «расти», не в последнюю очередь благодаря дополнительным барьерам, создаваемым подъёмом (или, точнее, возвращением) мировых держав — Китая и Индии¹¹. Как отмечалось ранее¹², наличие этих «больших островов хаоса»¹³ несёт в себе как положительные, так и отрицательные возможности — по крайней мере, с моей анархистской точки зрения. Поэтому представляется вероятным, что вместо глобальной конвергенции мы увидим дальнейшее появление радикально расходящихся миров.

Кроме того, внезапные изменения тенденций, например, в области здравоохранения, могут застать нас врасплох. Достаточно взглянуть на непредсказуемую эпидемию СПИДа в Африке или на резко возросший уровень смертности мужчин в России в 1990-х годах. Среди инженеров-технологов и специалистов в медицинских областях широко распространены небезосновательные опасения, что современные мегаполисы и системы производства продуктов питания становятся идеальными инкубаторами для пандемий с беспрецедентно жестокими последствиями.

Можно сказать (хотя это не совсем верно), что многие жители давно индустриализированных стран по-прежнему придерживаются представления о едином гораздо менее индустриализированном (чем на самом деле) Третьем мире, в то время как многие жители развивающихся экономик глобального Юга считают свои будущие гораздо более радужными и предопределёнными, чем следует. Те группы населения, которые (с точки зрения стандартной экономической перспективы) находятся на

⁹ Как будто «мы на Западе» уже «завершили данный процесс»...

¹⁰ Smith L. C. *The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future* — New York: Penguin, 2010, p. 35.

¹¹ «...нижнему миллиарду придётся долго ждать, пока развитие в Азии не создаст разрыв в зарплатной плате с нижним миллиардом, подобный тому огромному разрыву, который существовал между Азией и богатым миром примерно в 1980 году. Это не означает, что развитие нижнего миллиарда невозможно, но это делает его гораздо более трудным. Те же автоматические процессы, которые определяли развитие Азии, будут препятствовать развитию нижнего миллиарда». — Collier P. *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It* — Oxford: Oxford University Press, 2008, p. 86. Независимо от того, считать ли вышеописанный процесс «автоматическим», как описывает его Коллиер, или рассматривать его как выражение классовых интересов (или и то, и другое), общий тон его заключения убедителен.

¹² См. Главы 3 и 4, «Бури в пустыне» и «Африканские пути к анархии».

¹³ Пол Коллиер [бывший сотрудник Всемирного банка]: *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It* — Oxford: Oxford University Press, 2008, p. 3.

дне, в среднесрочном будущем будут выглядеть примерно так же, как и сейчас, но, вероятно, будут жить в менее благоприятных условиях. Лучшее, что можно сказать: тенденции неравномерной конвергенции во многих развивающихся странах будут пока продолжаться, хотя и не повсеместно. Более того, не существует определённых пунктов назначения, а дороги могут быть очень ухабистыми, не в последнюю очередь из-за соперничества между державами.

Упомянутые мною тенденции объединяют большую часть человечества, но в то же время порождают безграничное разделение. Говоря словами никогда не унывающего Национального разведывательного управления США, наряду с созданием конвергенции, «...сегодняшние тенденции, похоже, ведут к потенциально более фрагментированному и конфликтному миру»¹⁴.

Выживание в трущобах

Несмотря на то, что различные места различны по своей природе, трущобы — почти константа в развивающейся метрополии. В них уже проживает не менее миллиарда человек, и ожидается, что в течение двух десятилетий эта цифра возрастёт до двух миллиардов, а к середине века — до трёх. Это означает, что, вероятно, каждый третий человек¹⁵ на Земле будет жить в неформализованных городских условиях: в лачугах, палатках, гофрированном железе, тесноте и мусоре. Уже сейчас во многих странах жители трущоб составляют большинство городского населения. 99,4% в Эфиопии и Чаде, 98,5% в Афганистане и 92% в Непале. Бомбей является мировой столицей трущоб с 10-12 миллионами сквоттеров и обитателей временных построек, за ним следуют Мехико и Дакка с 9-10 миллионами каждый, затем Лагос, Каир, Киншаса-Браззавиль, Сан-Паулу, Шанхай и Дели с 6-8 миллионами¹⁶.

В первую ночь в сквоттерском квартале в стране третьего мира я чувствовал(а) себя на удивление как дома. Я думаю, что все, кто жил на сквотах (особенно тех, что устраивались для захвата и защиты мест) на глобальном севере, чувствовали бы себя так же. Неисправная электрика, атмосфера товарищества, грязь, собаки повсюду. Если ярко-жёлтые арки в форме буквы «М» указывают на присутствие корпоративной глобализации, то убежища, построенные из выцветших синих пластиковых брезентов и паллетов, свидетельствуют о распространении сквоттерского мира. Если ты просыпаешься от того, что по тебе бегают курицы — скорее всего ты в стране третьего мира. Но со мной такое случалось и дома, в Южном Лондоне... Семья, которая меня приняла, была прекрасной, а в лачугах вокруг было столько энергии, творчества и жизнестойкости, что у меня действительно возникло чувство, будто я нахожусь во Временной Автономной Зоне.

Многое в этом сообществе возвращало мне веру в человечество. Но не стоит идеализировать трущобы. Черты автономии, неформальности, самопомощи и даже

¹⁴ *Global Trends 2025: A Transformed World* — Washington: US National Intelligence Council, 2008, p. 99. Цитируется в Smith L. C. *The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future* — New York: Penguin, 2010, p. 43.

¹⁵ Neuwirth R. *Shadow Cities: A Billion Squatters, a New Urban World* — London: Routledge, 2004.

¹⁶ Статистические данные Организации Объединённых Наций цитируются в: Davis M. *Planet of*

классовой борьбы, конечно, в них присутствуют, но кроме этого там имеются и все предсказуемые внутриклассовые разногласия, а также углубление классового угнетения. Например, даже сквоттерские трущобы сами по себе не отрицают наличие домовладельцев. Часто сдача в аренду начинается даже на самом низком уровне: старожилами — новоприбывшим. Как отмечает Майк Дэвис (в своей удивительной и откровенно ужасающей книге *Planet of Slums* [«Планета трущоб»]), «это основной способ, с помощью которого городская беднота может монетизировать свой капитал (формальный или неформальный), но нередко это проявляется через эксплуататорские отношения с ещё более бедными слоями населения»¹⁷. Другие, от гангстеров до крупных застройщиков, политиков, хунты и среднего класса, также участвуют в этом процессе. В трущобах Найроби, например, многие из тех, кто задерживает арендную плату даже на день, сталкиваются со страхом выселения или конфискации скучного имущества хозяевами и их приспешниками. Таких домовладельцев кенийцы называют просто «вабензи» — «те, у кого достаточно денег, чтобы купить „Мерседес-Бенц“»¹⁸.

Вот где в основном живёт растущее городское большинство. Что они делают, где работают и куда направляются? Ответы, очевидно, очень разнообразны, и я не стану притворяться, что знаю их. Скажу лишь, что многие жители трущоб могут рассматриваться и восприниматься как люди в стадии перехода. Перехода из деревни в город. Из беженцев в рабочих. Из бесправных в собственников и собственниц. Из жителей трущоб в жителей каких-то других мест.

Эта история стара как капитализм. Крестьяне/сельскохозяйственные рабочие лишаются земли и оказываются в городских трущобах. На Западе одни ужасы сменились другими, в конечном счёте произведя промышленного рабочего¹⁹ — но лишь спустя почти век революций: во Франции в 1848 году родилась первая, в Испании в 1938 году умерла последняя. В этих восстаниях в основном участвовали в чём-то похожие на сегодняшние переходные классы, которые в процессе пролетаризации жили «не в промышленном и не в деревенском обществе, а в напряжённом, почти электризующемся силовом поле обоих»¹⁵¹. Хотя эта грандиозная история эволюции классов в раннем капитализме правдива (или правдоподобна), истории, разыгрывающиеся сегодня, не имеют сценария, и не следует полагать, что у них будет такой же «конец».

В то время как многие жители и жительницы трущоб либо уже работают в мире наёмного рабства, либо в конечном итоге будут работать, многие другие выживают в так называемой «неформальной» экономике — секторе, который в некоторых городах намного больше, чем формальная экономика. Здесь мы имеем потенциально взрывоопасное появление огромных по численности классов, которые *никуда не идут и никуда не денутся* и, похоже, будут избыточными для потребностей капитализма. «Пролетариат без фабрик: без мастерских, без работы, без начальства, в неразбе-

---

Slums — London: Verso, 2007, p. 23.

¹⁷ Davis M. *Planet of Slums* — London: Verso, 2007, p. 42.

¹⁸ Neuwirth R. *Shadow Cities: A Billion Squatters, a New Urban World* — London: Routledge, 2004.

¹⁹ Roc L. *Industrial Domestication: Industry as the Origins of Modern Domination* — 2009.

рихе случайных работ, влачащий жалкое существование, похожее на хождение по углям»²⁰.

Ввиду отсутствия канализации, водоснабжения и дренажа, нехватка воды и распространение болезней являются одними из самых серьёзных проблем, с которыми в настоящее время сталкиваются многие жители трущоб. Даже без масштабного изменения климата число крупных катастроф в городских районах быстро растёт, по большей части из-за штормов и наводнений²¹. Без ливневых стоков многие сквоттерские поселения могут быть смыты, поскольку они часто располагаются в районах, наиболее подверженных риску наводнений. Восстановительная сила таких сообществ, конечно, невероятна, но большие наводнения скорее всего усилият социальный кризис и нестабильность.

Старые боги и новые небеса

Моим наименее приятным опытом в упоминаемом ранее сквоттерском квартале было посещение воскресной церковной службы. Обычно мне удавалось её избегать, но в тот раз не получилось. Церковь была самым большим зданием района, и построена она была тоже в основном из утильсырья. Было очень обидно видеть, как многие из тех, кто проводил со мной время, выплёскивают религиозную иррациональность, исполняют бессмысленные ритуалы и подчиняются авторитету проповедников, бога и писания. Церковь получила несколько кассет с гимнами от пятидесятников из США — в итоге мне пришлось сидеть и слушать, как сотни самовольных поселенцев распевали американские гимны с псевдоамериканским акцентом. Английский не был их родным языком. В этой стране ни в одном столичном книжном магазине (все они принадлежали церквям) не продавались книги, хоть как-то связанные с эволюцией, не говоря уже об анархизме. Тем из нас, кто живёт в обществах с высоким процентом атеизма, легко недооценить уровень религиозности, сочетающейся с индустриализмом на глобальном юге. Там они часто усиливают друг друга, по крайней мере, среди бедных слоёв населения.

Конечно, большая часть радикальной политики — это тоже своего рода религия, но в трущобах в частности и среди обездоленных в целом старые боги становятся всё более значимыми. И хотя секты могут различаться по степени поощрения недеяния или воинственности, всех их объединяет неспособность восприятия реальности, что вряд ли поможет угнетённым сориентироваться в действительно запутанные времена. Подробная критика религии приведена в других работах²², поэтому я не буду останавливаться на этой теме. И если на Западе наиболее организованными внутриклассовыми «конкурентами» анархистов являются политические группировки, то во

²⁰ Chamoiseau P., цитируется в Davis M. *Planet of Slums* — London: Verso, 2007, p. 174.

²¹ Toulmin C. *Climate Change in Africa* — London: International African Institute and Zed Books, 2009, pp: 70-118.

²² «Идея Бога подразумевает отречение от человеческого разума и справедливости, она является самым решительным отрицанием человеческой свободы и неизбежно заканчивается порабощением человечества, как в теории, так и на практике... если бы Бог действительно существовал, его необходимо было бы упразднить». — Бакунин М. А. *Бог и государство* — Петроград: Голос труда, 1918. См. также: Докинз Р. *Бог как иллюзия* — М.: Колибри, 2010.

многих странах третьего мира анархизм сталкивается с набирающей популярность теократией. Это происходит, конечно, в тех местах, где анархистки и анархисты вообще существуют. Таких мест всё ещё не так много, хотя и становится больше. Напротив, религиозные авторитарии, похоже, повсюду набирают новообращённых, и, рост социальных потрясений, как правило, повторяет такой вербовке²³. В Главе 4 мы рассмотрели расширение сферы негосударственного социального обеспечения, происходящее на фоне неспособности правительства выполнять свои прежние обязательства, отчасти из-за структурной перестройки и тому подобного. Тогда я указал(а) как на очевидные страдания, создаваемые этим процессом, так и на открывающиеся для либертарных общественных сил возможности. К сожалению, в трущобах от Киншасы до Газы именно религиозные авторитарии чаще всего используют эту возможность для построения двоевластия (или многовластия) через предоставление медицинской помощи и общего ухода, и часто это сопровождается параллельным наращиванием военного потенциала. Ужасное наследство левацких неудач и успехов оставило лишь поле для роста популярности миллениаристских теократических лидеров среди трущоб и «больших островов хаоса».

Если большая часть бедных ютится в адских условиях и уповаёт на второе пришествие или загробную жизнь, то элита и средний класс всё чаще живут на охраняемых небесах по образцу огороженных предместий США. Здесь, утверждает Майк Дэвис, они строят (или, точнее, для них строят) «внеземные миры» в стиле «Бегущего по лезвию», вдали от беспорядочных и опасных миров обездоленных. В то время как некоторые такие «внеземные миры» настолько «внеземные», что бедняки действительно находятся очень далеко, большинство из них располагаются в пределах досягаемости. Подобно Южной Африке времён апартеида (или сегодняшней ЮАР, если уж на то пошло), эти небеса всё ещё нуждаются в работниках: уборщиках, садовниках, водителях фур и охранниках, многие из которых живут в аду по соседству. Так что здесь, несмотря на все камеры видеонаблюдения, не так безопасно, как кажется. Об этом нам говорят отравленные олигархи Гаити²⁴.

В таких раздвоенных мирах и таких раздвоенных городах восстания и повсеместные конфликты неизбежны. Военные стратеги десятилетиями предсказывали восстания и партизанскую войну в разрастающихся городах, и в определённой степе-

---

²³ Было бы упрощением обвинять во всём этом индустрIALIZМ, но можно увидеть чёткую взаимосвязь, существующую, например, между распространением «зелёной революции» и ростом фундаменталистских коммуналистских движений в Индии (о чём говорит Вандана Шива).

Если угодно, война в Конго из-за колтана и последующее распространение харизматических туземных/пятидесятнических культов, стремящихся решить свои проблемы путём изгнания десятков тысяч «детей-колдунов», является ещё более жутким признаком брака модерного и магического.

²⁴ У раба Франсуа Макандаля, корчившегося в агонии из-за потеряной на сахарном заводе руки, было миллениаристское видение славных свободных чёрных гаитянских городов. «Сразу же после своего увечья Макандаль принял роль пророка и обрёл значительное число последователей и последовательниц в Северном Лимбе. К 1740 году Макандаль бежал к маронам и, используя их тайные сети, создал многотысячную армию по всему Гаити, проникая в каждый дом и на каждую плантацию. Повсюду он распространял яд из западно-африканских традиционных практических знаний, адаптированный к местным условиям. Зависимые от своих слуг, представители плантаторского сословия были беспомощны: в один день погибал их скот, в другой — домашние животные, и, наконец, они сами и их семьи. Было убито 6000 человек, прежде чем Макандаль закончил». — Connor J. *Children of Guinea: Voodoo, The 1793 Haitian Revolution and After* — London: Green Anarchist Books, 2003, p. 11.

ни мы уже их наблюдаем. Таковы, например, сражения в Мадинат-эс-Садре/Городе Революции²⁵ и многие подобные. Сочетание беспрецедентного неравенства доходов; лишений, перенаселённости и распространения преступных группировок и милленистских групп — это убийственная смесь. Как говорится в докладе аналитического центра армии США:

Отличительными чертами крупнейших или так называемых «мировых городов»... являются выраженная экономическая и социальная поляризация и интенсивная пространственная сегрегация. Мы также обнаруживаем то, что, вероятно, является следствием этих условий: большое количество антигосударственных акторов. Анархисты, преступники, лишенные собственности граждане, иностранные посредники, циничные оппортунисты, сумасшедшие, революционеры, лидеры рабочих, представители этнических групп... и другие могут создавать ситуативные альянсы. Они также могут совершать акты насилия и распространять идеи, провоцирующие остальных... Анализ, который фокусируется на одной нити общей ткани насилия и изолирует этническое соперничество, мафии или революционные группы, может недооценить разрушительную силу, которую эти явления приобретают, когда они накладываются друг на друга. Беда не придёт в виде одиночных солдат; она придёт батальонами²⁶.

Поэтому государственные войска (и милитаризованные полицейские силы) воюют и готовятся к конфликтам в новых, ещё не нанесённых на карту городских джунглях.

Конечно, если бы города были чем-то негативным для правительства, они бы нетратили тысячи лет на их строительство. Есть причины, по которым государствам часто нравится концентрировать своих подданных. Самая известная попытка современной милитаризованной урбанизации была предпринята армией США во Вьетнаме. И пусть поражение США не скрывает логику их попытки «осушить море» и тем самым оставить вьетконговцев незащищёнными²⁷. Существует множество примеров того, как трущобы сдерживают повстанческие движения. Как говорит Чарльз Оньянго-Оббо:

²⁵ Мадинат-эс-Садр (также называемый «Эт-Таура» или «Город Революции») — пригород на северо-востоке Багдада, где проживает около двух миллионов мусульман-шиитов. Район является оплотом радикального исламского проповедника Муктады ас-Садра. Муктада ас-Садр и его боевики осуществляют здесь реальную власть. — прим. ред.

²⁶ Джейфри Демарест (Офис иностранных военных исследований армии США, Форт Ливенворт): *Geopolitics and Urban Armed Conflict in Latin America, in, Small Wars and Insurgencies*, Vol. 6, No. 1 — London: Routledge, 1995. Эта статья немного устарела (факсы как сетевая угроза!), но ее определенно стоит прочитать, не в последнюю очередь ради хорошей иллюстрации кругового движения мысли о возможностях восстания. Я прочитал её, поскольку Майк Дэвис (который является революционным социалистом) ссылается на это исследование в своей книге 2006 года *Planet of Slums*, но заметно, что большая часть её тезисов взята из более ранней книги Дэвиса (которую он цитирует) *City of Quartz...*

²⁷ Во время войны во Вьетнаме армия США распылила на территории Южного Вьетнама свыше 100 тыс. тонн дефолиантов, уничтожив 2 млн гектаров тропических лесов и 43% площади сельскохозяйственных угодий. — прим. пер.

В случае Кении трущобы, несмотря на все их проблемы, на самом деле являются стабилизирующей силой. Давление, созданное колониалистами в результате массового отчуждения земли в Кении (которое продолжалось и после обретения независимости), было частично снижено трущобами Найроби... Без них, возможно, случилось бы второе восстание May-May²⁸

Бродячие растения в городских экосистемах

В городах, несмотря на то, что они являются инструментами одомашнивания, существуют возможности одичания (как и почти везде). Восприятие городов исключительно как пространства власти являются всеобщим заблуждением, даже если жестокие факты его подкрепляют. Нет полностью оцивилизованных мест. Для начала, как сказал цитируемый выше теоретик армии США, «...городская среда предлагает индивидуальную анонимность — фактор, который может быть очень выгоден для анархиста»²⁹. Последние два десятилетия отметились появлением «третьей волны» анархистов и анархисток во многих «мировых городах»: Маниле, Джакарте, Мехико, Лагосе, Сеуле, Буэнос-Айресе; Стамбуле, Цели и многих других. Особенно поразителен этот рост в Латинской Америке. Здесь мы, похоже, возвращаемся к цветению разнообразных транснациональных анархизмов, которые были характерны для нас столетие назад³⁰. Не стоит удивляться, что это происходит в рамках глобализации и роста городов. Ведь семена анархизма как *социального движения* в основном разносятся по планете на хвосте капитализма и часто, подобно сорным травам, лучше всего растут там, где почвенный покров нарушен. Ричард Мейби подметил, что цивилизация делит жизнь на:

...два концептуально различных лагеря: организмы, содержащиеся, управляемые и разводимые на благо человека, и организмы «дикие», продолжающие жить на своей собственной территории на более или менее собственных условиях. Сорняки появляются, когда это аккуратное разделение рушится. Дикие проникают в наши цивилизованные владения, а одомашненные сбегают и устраивают беспорядки³¹.

Ранее мы рассмотрели некоторые существующие (пусть и в осаде) анархии, которые продолжают жить «на собственных территориях на более или менее собственных условиях». Несмотря на то, что в городах большинство из нас с рождения «содержатся, управляются и разводятся» для блага других, у нас всё ещё есть возможности для побега. В дорожном покрытии есть трещины, и наше развитие способно их расширить. У нас, конечно, вряд ли получится раскрошить бетон полностью, но пространства для совместного роста точно станут больше.

²⁸ Onyango-Obbo C. Kibera. It's rich city folks who need slums most // *Daily Nation* — 2009.

²⁹ Demarest G. Geopolitics and Urban Armed Conflict in Latin America // *Small Wars and Insurgencies*, Vol. 6. No. 1 — London: Routledge Spring, 1995.

³⁰ Adams J. *Non-Western Anarchisms: Rethinking the Global Context* — Johannesburg: Zabalaza Books, 2003.

³¹ Mabey R. *Weeds: How Vagabond Plants Gatecrashed Civilisation and Changed the Way We Think About Nature* — London: Profile Books, 2010, p. 21.

В некотором смысле бродячие растения находятся «по ту сторону»; они живут в оппозиции к городу, но одновременно являются частью общей городской экосистемы. Они тесно связаны с последней, и рассматривать их изолированно было бы глупо. То же самое можно сказать и о тех из нас, кто имеет устремления к одичанию. Как городские анархистки и анархисты, мы сознательно «другие», но в то же время мы неразрывно связаны с более общими человеческими и нечеловеческими экосистемами. По всему городскому миру мы взращиваем свои собственные контруктуры. Мы одновременно активны в более широкой социальной и экологической борьбе, внутри и рядом с бастующими рабочими, коренными народами, женскими организациями, мигрантами и мигрантками, общинами трущоб и остальными «другими». Однако стоит только взглянуть на недавние репрессии, которым подверглось анархистское движение в Чили и других странах, чтобы вспомнить, что быть «травой в расщелинах» опасно: гербицид всегда на подходе. Практическая международная солидарность иногда помогает, но стоит помнить, что приживаемость растений в первую очередь зависит от того, насколько жизнеспособны они сами и насколько подходящей является окружающая среда. Если, как опасаются многие теоретики элит, быстро растущие, в основном нераспланированные города глобального юга являются плодородной почвой для роста анархии, то век городов-гигантов будет действительно интересным. Какие восстания ожидают нас? Какие идеологии будут состряпаны? Как люди будут себя чувствовать и воспринимать после этой массовой утраты связи с землей? Сохранятся ли все эти города к концу века или их цветение будет преходящим?

«*Да здравствуют сорные травы и дикость!*»³². Мы вкратце рассмотрели расширяющиеся городские монокультуры, но что делать с их противоположностью — осаждёнными пространствами биоразнообразия и дикости? Как изменение климата, конфликты, расширение и сокращение цивилизаций повлияют на них? Что мы, сорняки, сможем сделать для защиты дикой природы?

---

³² Manley Hopkins G. Inversnaid // *Poems and Prose* — London: Penguin Classic, 2008, p. 50.

8. Сохранение природы в условиях перемен

Апокалипсисы сейчас

Пока существует классовое общество, война с дикой природой будет продолжаться — ведь одно вытекает из другого. Идеальный ответ на вопрос, поставленный в конце предыдущей главы: «Что мы, сорняки, сможем сделать для защиты дикой природы?», был бы следующим: до такой степени заново озеленить то место, где мы находимся (а заодно и самих себя), чтобы ложные разделения цивилизации остались погребены под густыми зарослями: Я говорю «идеальный», потому что по всем уже изложенным причинам в большинстве мест мы вряд ли достигнем экологической трансценденции.

Второе пришествие — это миф, а вот разворачивающаяся реальность всё больше и больше похожа на апокалипсисы. Многие по понятным причинам опасаются, что в будущем тропические леса могут исчезнуть из-за засухи, вызванной изменением климата¹. Однако уже сегодня большая их часть вырубается и сжигается ради освобождения места для сельского хозяйства, которое по-прежнему является основным фактором обезлесения в тропиках. Земледелие уже заместило дикую природу примерно на 40% земной поверхности², и на этих 40% для животных, насекомых, народов и растений апокалипсис уже наступил. Добавьте сюда комплексный насильственный захват и продолжающееся разграбление диких земель ради трупов животных, стволов деревьев, воды, минералов и всего остального, что можно превратить в «природный ресурс». Промышленная цивилизация фактически пытается осуществить последовательный и повсеместный захват системы Земли, наносящий последней огромный ущерб. В рамках этого процесса антропогенное изменение климата, вероятно, станет усиливающим фактором.

Разрушение среды обитания включает её о фрагментацию, что представляет особую проблему в условиях изменения климата. А проблема распространения чужеродных и инвазивных видов, которым так благоприятствуют неестественные нарушения, только усиливается, когда к ней

---

¹ Как и многое в области изменения климата, нарративы о том, какое влияние может оказать глобальное потепление на тропические леса в будущем, варьируются от позитивных до апокалиптических. Хороший обзор см.: Lewis S. L. Tropical forests and the changing earth system // *Philosophical Transaction of the Royal Society B* — 2006, 195-210.

² Peterson G. Ecological limits of adaptation to climate change// W. Neil Adger et al. *Adapting to Climate Change: Thresholds, Values, Governance* — Cambridge: Cambridge University Press, 2009, p. 31.

добавляется изменение климата... Влияние изменения климата в этом сильно фрагментированном мире может быть огромным³.

Но насколько огромным? Никто толком не знает, хотя многие пытаются это выяснить⁴. Хотя в деталях существует много неопределённости, большинство биологов, занимающихся охраной природы, вероятно, согласятся с тем, что если «не будут приняты быстрые меры, шестое великое вымирание на Земле будет обеспечено всё более фрагментированной средой обитания в сочетании с биологической динамикой, вызванной изменением климата»⁵. Некоторые идут дальше. Как отмечает Стивен М. Мейер в книге *The End of the Wild* [«Конец дикой природы»], темпы вымирания — задолго до того, как начнутся значительные изменения климата — уже составляют порядка 3000 видов в год и быстро увеличиваются. Ситуация действительно ужасающая.

В течение следующих 100 лет (или около того) половина видов Земли, представляющих четверть генетического фонда планеты, функционально, если не полностью, исчезнет... Ничто — ни национальные или международные законы, ни глобальные биорезервы, ни местные схемы устойчивого развития, ни даже фантазии о «диких землях» — не может изменить нынешний курс. Широкий путь биологической эволюции уже определён на ближайшие несколько миллионов лет. И в этом смысле кризис вымирания — гонка за сохранение состава, структуры и организации биоразнообразия в том виде, в котором оно существует сегодня — закончился, и мы проиграли⁶.

Не знаю, как у вас, но у меня был шок, когда я впервые прочитал(а) последнее предложение. Его стоит прочесть ещё раз: «Кризис вымирания — гонка за сохранение состава, структуры и организации биоразнообразия в том виде, в котором оно существует сегодня, — закончился, и мы проиграли». Общая позиция Мейера заключается в том, что в антропосфере неодомашненные виды фактически делятся либо на сорные, либо на реликтовые, причём многие из реликтовых быстро становятся, в лучшем случае, призраками.

Сорные виды «процветают в постоянно нарушающей среде, где доминирует человек», в то время как реликтовые виды живут «на периферии, а их количество и

---

³ Lovejoy T. E. *Conservation with a Changing Climate // Climate Change and Biodiversity* — New Haven: Yale University Press: 2006, pp. 325–326.

⁴ В частности, мы можем рассмотреть тропические леса — эти великие резервуары разнообразия. «Согласно прогнозам до 2050 года, вымирание всех видов тропических дождевых лесов (т. е. видов, обречённых на вымирание) составит 10% только на основе потери среды обитания, но гораздо большее вымирание — 24% при прогнозируемых сценариях изменения климата средней полосы». — *Biodiversity in a changing world // Ghazoul J., Sheil D. eds. Tropical Rain Forest Ecology, Diversity, and Conservation* — Oxford: Oxford University Press, 2010, p. 356. Худшие сценарии выбросов увеличивают эту ужасающую цифру до 37% в одной из моделей. — *Smith L. C. The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future* — New York: Penguin, 2010, p. 138.

⁵ *Greenhouse Gas Levels and Biodiversity // T. E. Lovejoy, L. Hannah, eds. Climate Change and Biodiversity* — New Haven: Yale University Press: 2006, p. 395.

⁶ Meyer S. M. *The End of the Wild* — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 2006, p. 4.

распространённость постоянно уменьшаются... Реликтовые виды не процветают в средах, где преобладает человек — тех, что сегодня покрывают почти всю планету». Мейер утверждает: «Чтобы выжить за пределами зоопарков, реликты будут нуждаться в нашем постоянном и непосредственном управлении». Те реликты, которые не получат внимание к сохранению, и даже многие из тех, которые получат, если не вымрут сразу, то войдут в число видов-призраков. Эти виды — «организмы, которые не выживут на планете с миллиардами людей в силу своих возможностей и нашего выбора. Они являются призраками, потому что, хотя сегодня они кажутся многочисленными и на самом деле могут существовать десятилетиями, их исчезновение, за исключением нескольких особей в зоопарках или лабораторных образцов ДНК, предопределено»⁷.

Многие растения и животные, которые сегодня нам кажутся здоровыми и многочисленными, на самом деле являются реликтами или призраками. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что исчезновение видов не является простым линейным процессом. Между началом сокращения численности и наблюдаемым крахом популяционной структуры могут пройти многие десятилетия, особенно если речь идёт об умеренных и долгоживущих формах жизни. Специалисты и специалистки по природоохранной биологии используют термин «долг вымирания» для описания этого разрыва между видимостью и реальностью. За последнее столетие мы накопили огромный долг за вымирание, который будет выплачен в следующем столетии. Количество растений и животных будет сокращаться по спирали по мере того, как он будет выплачиваться⁸.

«Сохранение природы — вот наше правительство!»

Так какие же стратегии придумывают специалисты и специалистки по охране природы для защиты биоразнообразия, дикой природы и экосистемных услуг⁹ в условиях изменения климата? Основным предлагаемым ответом по-прежнему являются заповедники¹⁰, но с усилением защиты окружающей их матрицы и управлением по

⁷ Ibid., p. 9-14.

⁸ Ibid., p. 16.

⁹ Экосистемные услуги — блага, которые люди бесплатно получают из окружающей среды и правильно функционирующих экосистем (агроэкосистемы, лесные экосистемы, пастбищные экосистемы, водные экосистемы), являются неотъемлемой частью обеспечения чистой питьевой водой, разложение отходов и естественного опыления сельскохозяйственных культур и других растений - прим. ред.

¹⁰ «Охраняемые территории являются наиболее важным и наиболее эффективным компонентом современных стратегий сохранения природы... Есть веские основания полагать, что они и впредь будут занимать центральное место в стратегиях сохранения, разработанных с учётом изменения климата... Площадь охраняемых территорий увеличивается, в то время как места обитания, оставшиеся нетронутыми, сокращаются, так что к тому времени, когда последствия изменения климата станут ярко выраженным, охраняемые территории могут представлять собой большую часть оставшихся природных территорий планеты. Охраняемые территории представляют наименее нарушенную естественную среду обитания и, следовательно, дают наибольшую надежду на естественную реакцию (например, изменение ареала) в ответ на изменение климата. Следовательно, как и сегодня, охраняемые территории будут играть доминирующую роль в сохранении биоразнообразия в будущем». — Hannah L., Salm R. Protected Areas Management in a Changing Climate / T. E. Lovejoy, La Hannah, eds, *Climate Change and Biodiversity* — New Haven: Yale University Press: 2006, p. 363.

типу более активного вмешательства. Конечно, обозначение среды обитания знаком «парк» не приводит к её автоматическому сохранению: во всём более переполненном мире это почти что форма рекламы. По словам Мейера, «биорезерваты стали излюбленным местом охоты для браконьеров и торговцев мясом диких зверей: в конце концов, именно там находятся животные»¹¹. Конечно, в основном люди убивают животных, но это не значит, что дикие звери не способны нанести ответный удар. Ведь это настоящий межвидовой конфликт. Так, например, «в Мумбаи жители трущоб проникли так далеко в Национальный парк Санджай Ганди, что некоторых из них регулярно поедают леопарды (десять только в июне 2004 года): разъярённая кошка даже напала на городской автобус»¹².

Попытки преодолеть внутреннее разделение «цивилизованный человек-дикая природа» с помощью проектов в стиле «природоохрана-как-развитие», схем получения дохода от экологического туризма сообществом и т. п. имели некоторый успех, но не очень большой. Часто они просто монетизировали существующие отношения с землёй, порождали недовольство и насаждали местным жителям ещё один слой бюрократии при незначительных природоохранных выгодах¹³. Более успешным, как ни ужасно это признавать, было широкомасштабное огораживание — в том числе иногда выселение¹⁴ — людей на таких территориях, а также постоянный контроль за населением со стороны парковых рейнджеров. Но если и вовсе отбросить этику, стоит отметить, что без значительных вливаний ресурсов, усиления милитаризации и расширения территории эта «йеллоустоунская модель» становится всё более неэффективной. Тем не менее выполнение какого-либо из этих условий не кажется вероятным на большей части планеты.

Две большие идеи охраны природы — заповедники и проекты в русле «природоохрана-как-развитие» — являются эффективными формами управления людьми. Эти концепции предполагают статичность экологии, которой угрожает постоянно изменяющееся человеческое общество. На Земле с изменённым климатом, где экосистемы сами находятся в изменчивом состоянии (они всегда были такими, но изменились не так быстро), очевидный ответ с точки зрения мейнстрима природоохраны заключается в объединении управления человеческими системами в ландшафтной матрице вокруг заповедников и управления экосистемами *внутри* заповедников. В целом «стратегии управления, вероятно, должны быть более инновационными и предполагать большую степень вмешательства»¹⁵.

Мы уже знаем, как это будет выглядеть — достаточно взглянуть на показательный с этой точки зрения характер большинства британских природоохранных мер.

---

¹¹ Meyer S. M. *The End of the Wild* — Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 2006, p. 49.

¹² Davis M. *Planet of Slums* — London: Verso, 2007; p. 136.

¹³ Проницательную антропологическую критику проекта «консервация-как-развитие» см.: West P. *Conservation is Our Government Now: The Politics of Ecology in Papua New Guinea* — Durham: Duke University Press, 2006.

¹⁴ Хороший (хотя и антропоцентричный) взгляд на участие государства в природоохранных организациях и возникающие столкновения с коренным населением, особенно при создании национальных парков, см.: Colchester M. *Salvaging Nature: Indigenous Peoples, Protected Areas and Biodiversity Conservation* — Geneva: United Nations Research Institute for Social Development with World Rainforest Movement, 1994.

¹⁵ Hannah L., Salm R. *Protected Areas Management in a Changing Climate* // T. E. Lovejoy, L. Hannah, eds. *Climate Change and Biodiversity* — New Haven: Yale University Press: 2006, p. 370.

Биорегион, в котором я живу, в контексте Европы с умеренным климатом является биологически разнобразным, но он находится под жёстким управлением, отчасти со стороны природоохраны. Учитывая фрагментацию существующей среды обитания, прекращение такого управления, вероятно, будет катастрофическим¹⁶ По сути, в моём биорегионе это нелепый выбор между дикой (т. е. предоставленной самой себе) землёй и биоразнообразием. С точки зрения радикальной экологии (не говоря уже об островной биогеографии) решением было бы отказаться от человеческого управления средой обитания на достаточно большой территории, чтобы экосистемы могли эффективно функционировать. Сейчас же кажется более вероятным, что большая часть дикой природы мира будет всё сильнее походить на мой биорегион, чем мой биорегион — на дикую природу мира.

Вероятно, у тех специалистов и специалисток по природоохране, у которых хватит терпения на бесконечные вмешательства, будет много работы, но это не то сохранение природы, которую признал бы, например, Альдо Леопольд. Даже если такое масштабное расширение управления человечеством и охраняемыми территориями со стороны специалистов по природоохране осуществляется (в чём я сомневаюсь) и если не произойдёт значительного замедления изменения климата (подозреваю, что этого не произойдёт в ближайшее время), биоразнообразие будет повреждено «настолько, что в конечном итоге им станет невозможно управлять»¹⁷.

Несколько лет назад один старый друг и товарищ сказал мне с явной грустью в глазах, что Земля будет нуждаться в активном управлении в течение следующих 1000 лет. В каком-то смысле он, наверное, прав; хитрость правительства всегда заключалась в том, что оно создаёт проблемы, которые только оно может решить. Я сомневаюсь в эффективности этого пути, но не стану осуждать тех, кто, движимый биоцентристической страстью, встанет на него. Однако для тех, кто не желает отступать от своей центральной этики свободы/воли/анархии, другие варианты всё ещё есть, хотя со временем их становится всё меньше и меньше.

Контроль повреждений

Действия, действия любого рода. Пусть наши действия определяют тонкости нашей философии... На этой планете, на Земле появилось общество воинов, женщин и мужчин, которые вонзают свои копья в землю, занимая позиции... Наше дело — контроль повреждений.

Дэйв Формен¹⁸

---

¹⁶ Это не значит, что всё это имеет смысл. Большая часть консервационной деятельности в Великобритании — это просто следствие предыдущих режимов управления или перекос в сторону конкретных фаворитов (например, лесных цветов), а не ориентация на целостный системный подход. Старую, но, к сожалению, всё ещё актуальную критику см.: Hamblen C., Speight M. R. *Biodiversity Conservation in Britain: Science Replacing Tradition* // *British Wildlife*, 6 (3), pp. 137-148.

¹⁷ Global Greenhouse Gas Levels and the Future of Biodiversity // T. E. Lovejoy, L. Hannah, eds. *Climate Change and Biodiversity* — New Haven: Yale University Press: 2006, p. 390.

¹⁸ Дэйв Формен, рассказывая о фильме *Earth First: The Politics of Radical Environmentalism* Криса Манеса, 1987год.

Есть места и народы, которые цивилизация ещё не завоевала. По таким местам можно провести границу и там же вступить в противостояние. Экологическое сопротивление рассредоточено по всей планете: оно вдохновляет и часто оказывается эффективным.

У разных людей разные системы расстановки приоритетов для выбора той или иной сферы борьбы: кажд(ая) сам(а) решает, куда и где вонзать своё копьё. Чаще всего опираются на вопросы: «Куда я могу добраться, где моя любовь?». Если для вас очевидно, как и где защищать дикую природу, кто виновен в разрушении среды, какие территории необходимо занять, кого/что стоит уничтожить и готово ли местное сообщество к борьбе, тогда остаётся только действовать.

Однако у многих диких экосистем (и нецивилизованных народов, которые являются их частью) мало союзников и союзниц (если они вообще есть), и многие потенциальные эковоины живут в местах, где мало дикой природы для защиты или мало шансов на победу. Учитывая масштаб атаки на земную систему/ Гею/ Мать-Землю, некоторые системы расстановки приоритетов требуют усиления внимания к определённым областям¹⁹. Кроме того, жажда приключений, необходимость побега, желание найти страждущие сообщества или поучаствовать в конфликте часто толкают людей на поиски других земель. Чтобы помочь таким людям определиться, давайте обозначим некоторые преимущества, которые проясняются, если признать, что ситуация настолько плоха, насколько она, вероятно, есть. Учитывая, что мы находимся в довольно паршивой ситуации, нам было бы полезно превратить недостатки в преимущества.

Преимущество: нас мало, а проблем очень много

Первый недостаток, который можно превратить в преимущество, — это тот простой факт, что не так много людей готово взять на себя обязательства по защите дикой природы, немногие из них являются либертариами, и ещё меньше тех, кто способен уехать далеко от дома или потратить время и ресурсы на солидарные действия или сбор средств. Когда это сочетается с масштабом глобальной проблемы, а также количеством и разнообразием сражений, появляется очевидное преимущество.

Проблем гораздо больше, чем желающих решать их на основе наших принципов, поэтому нам стоит сосредоточиться на тех столкновениях, которые в наибольшей

¹⁹ Как уже неоднократно утверждалось, существует необходимость усиления экологической защиты как в «горячих точках биоразнообразия» (34 региона с высоким биологическим разнообразием под непосредственной угрозой), так и в последних больших тропических диких районах (Амазония, Новая Гвинея, Конго) и на море. Масштабы нынешнего кризиса и вероятность будущих масштабных изменений климата могут придать дополнительный вес аргументам, призывающим к «долгой войне» за последние большие дикие территории, но, вероятно, ещё не пришло время полностью отказаться от «горячих точек». Кроме того, вполне возможно, что если система Земли переходит в горячее состояние, то даже стратегия «долгой войны» окажется невостребованной.

Актуальный обзор «горячих точек»: www.biodiversityhotspots.org. Критику см.: Kereiva P., Marvier M. Conserving Biodiversity Coldspots // *American Scientist*, Volume 91 — 2003, pp. 344-351.

В конечном счёте, подсчёт цифр может дать только один результат; независимо от относительной глобальной «важности» экосистемы, именно наше желание стать её частью и защищать её толкает нас на действия, будь то тропический лес на другой стороне планеты или озеленение пустыря ниже по дороге.

степени отражают нашу этику. Мы можем разобраться сначала с теми противостояниями, которые не вызывают у нас серьёзных противоречий, оставив большинство сложных ситуаций, коих немало в сфере охраны природы, на потом. Скорее всего, правда, мы не разберёмся даже с такими проблемами.

Преимущество: Цивилизации присущ, как геноцид, так и экоцид

Некоторые коренные народы, руководствуясь глубоко укоренившейся этикой земли, самостоятельно защищают от «развития»²⁰ биоразнообразие природных сообществ, частью которых они являются. Другие же вынуждены этим заниматься, поскольку государства часто рассматривают их как препятствие на пути прогресса или просто хотят уничтожить их среду обитания, чтобы заполучить людей, иные «природные ресурсы» и территорию. Здесь и проявляется прочная связь геноцида с экоцидом. Именно эта составляющая сущности цивилизации не оставляет коренным народам другого выбора, кроме как отчаянно сражаться за собственную землю и существование в целом. Отсюда вытекает высокая эффективность такого сопротивления в деле защиты экосистем — оно бескомпромиссно в отличие от борьбы, организованной исключительно силами защитников и защитниц природы, воспитанных внутри цивилизации. Именно поэтому солидарность с сопротивлением коренных народов так необходима.

Преимущество: Бюджеты на охрану природы в большинстве стран мира ничтожно малы

Нет ничего удивительного в том, что за 25 лет покупательная способность зарплаты дипломированного лесничего в лесной службе Уганды упала на 99,6%²¹. Такие ситуации позволяют правильно адресованным небольшим денежным суммам извне оказывать значительное влияние. *Sea Shepherd* удалось добиться влияния и усилить охрану природы на Галапагосских островах, предоставив средства, оборудование и техническую поддержку Службе охраны, которая ранее страдала как от непреднамеренного пренебрежения, так и от целенаправленного недофинансирования, что ограничивало её возможности противостоять поддерживаемому политиками мафиозному промышленному рыболовству²².

Во многих значимых заповедниках планеты рейнджеры плохо вооружены и несут значительные потери при незначительной внешней поддержке. Например, за 10 лет при защите мест обитания горных горилл погибло 158 конголезских рейнджеров. В таких случаях даже небольшие суммы денег — не в последнюю очередь для поддержки семей погибших — оказывают реальное влияние на устойчивость проектов и сообществ²³.

---

²⁰ В оригинале используется слово «development», отсылающее в большей степени к понятиям «прогресс» и «глобализация» в современном виде — прим. ред.

²¹ Requiem or revival // Ghazoul J., Sheil D., eds. *Tropical Rain Forest Ecology, Diversity, and Conservation* — Oxford: Oxford University Press, 2010, p. 400.

²² Sea Shepherd Conservation Society — Консервационное общество «Морской пастух».

²³ The Thin Green Line Foundation — фонд «Тонкая зелёная линия» (В Великобритании:

Преимущество: Многие люди — расисты

Многие за пределами «Запада» считают, что все выходцы оттуда (особенно белокожие) обладают политической/экономической силой, которой они не имеют. Эта иллюзия (как это ни прискорбно с антиимпериалистической точки зрения) может быть очень полезной. Например, значительным фактором, повлиявшем на освобождение борца за сохранение лесов Рауля Сапатоса, стало посещение его в тюрьме горсткой экоанархистов с Британских островов во время поездки солидарности на Филиппины и небольшое «международное давление» со стороны подобных кругов²⁴ На ум приходят многочисленные аналогичные примеры успешной солидарности в экологически важных районах.

Народы, нашедшие убежище в диких районах и желающие их защитить, могут использовать и конструировать мифы об этнической принадлежности иaborигенности²⁵, чтобы закрепить за собой права на землю, мобилизовать романтическую поддержку извне и создать образ самозащиты, будь то «мирные мудрецы» или «жестокие дикари», в зависимости от цели.

Преимущество: Негосударственные силы также вызывают разрушение окружающей среды

Большая часть разрушений и нападений осуществляется силами, которые, хотя и не являются либертарными, тем не менее враждебны конкретному государству, контролирующему территорию *на бумаге*. Защитники и защитницы природы с единообразно управляемого Запада часто предполагают, что правительства контролируют «свою» территорию, и бывают поражены, если последние не могут или не хотят действовать. Вместо того, чтобы укреплять государство (как это часто делают защитники и защитники природы) в некоторых подобных ситуациях, желающие поддержать локальные сообщества в воинственной защите местной экологии могли бы сделать это напрямую, «законно» и относительно открыто. Но неудачная попытка создания «зелёной армии» Брюсом Хейзом (сооснователем «Earth First!») показала, что такая стратегия таит в себе немало подводных камней.

Тем не менее возможности остаются. Так, например, ещё более прямолинейная *Sea Shepherd* успешно рекламирует себя как организацию, обеспечивающую охрану природы в международных — то есть в основном неуправляемых — водах, что позволяет ей осуществлять экозащиту, которая в других местах (и с менее умной работой над имиджем) была бы расценена как саботаж, воровство, преследование и препятствование.

<https://thingreenline.org.uk/>

²⁴ Отличный, информативный и освежающе честный обзор поездки солидарности, о которой идёт речь, а также обзор экологической/коренной борьбы на Филиппинах см.: *From Mactan to the Mining Act: Everyday stories of devastation and resistance among the indigenous people of the Philippines* — Leeds: Repressed Distro, 2003.

²⁵ Это не означает, что не существуетaborигенных групп, а лишь указывает на вероятность того, что многие из тех, кого так называют или кто претендует на такой «статус», на самом деле являются

Преимущество: Глобализация распространяется

В рамках глобализации всё большее количество городских социальных анархистов и анархисток появляется на землях, на которые претендуют такие государства, как Индонезия, Чили, Филиппины и Россия. Многие из них имеют все возможности для участия в экологическом сопротивлении и солидарности с коренными народами. К тому же они направляют жителей других стран на поддержку такой борьбы.

Преимущество: Отдельные области могут оказаться неспособными сохранить биоразнообразие

Общепризнано, что «при изменении климата даже самая хорошо продуманная система охраняемых территорий не сможет сохранить биологическое разнообразие, если она будет состоять в основном из изолированных единиц»²⁶. Выше Мейер утверждает, что фантазии о дикой природе вряд ли смогут остановить биологический коллапс. Скорее всего так и есть, но вера в возможность сохранения природы может способствовать крупномасштабному ревайлдингу²⁷, несколько напоминающему восстановление диких зон, за которые десятилетиями боролись радикальные экологи. Малые проекты экологического восстановления²⁸, похоже, также развиваются.

Преимущество: Ситуация тяжёлая

Ситуация вряд ли уже значительно ухудшится, а действия могут реально помочь её изменить.

Очевидно, что тактику контроля повреждений можно критиковать за лечение симптомов, а не первопричины. Диагноз болезни ясен, но было бы заблуждением полагать, что есть (или, что хуже, было) лекарство. Каким бы ни был прогноз, распространению болезни, безусловно, стоит противостоять, и изменение климата только подчёркивает это. Замедление разрушения дикой природы (то, что Лавлок называет «исчезающим лицом Геи»²⁹) может позволить земной системе лучше справиться с продолжающимся антропогенным выбросом углекислого газа, значительный процент которого, стоит помнить, в настоящее время образуется в результате вырубки

общинами маронов, которые бежали в отдалённые районы, чтобы избежать приобщения к цивилизации. См.: Скотт Дж. *Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии* — Новое издательство, 2017.

²⁶ Lovejoy T. E. *Conservation with a Changing Climate* // T. E. Lovejoy, L. Hannah, eds. *Climate Change and Biodiversity* — New Haven: Yale University Press: 2006, p. 326.

²⁷ Хорошее введение в идеи консервационного ревайлдинга: Foreman D. *Rewilding North America: A Vision for Conservation in the 21st Century* — Washington: Island Press, 2004. Ревайлдинг — это уже немного громкое слово, которое не только обрамляет природоохранные проекты нового стиля, но и используется для прикрытия проектов с менее «законными претензиями». В любом случае, легкодоступный, хотя и пропагандистский обзор текущих проектов по всему миру можно найти в книге Caroline Fraser. *Rewilding the World: Dispatches from the Conservation Revolution* — New York: Henry Holt, 2010.

²⁸ Некоторые мысли об экологическом восстановлении с точки зрения британских радикальных экологов см.: *Take a Sad Song and Make it Better?: Ecological Restoration in the UIC // Do or Die*. No. 8 — 1998, pp. 159-173.

²⁹ Lovelock J. *The Vanishing Face of Gaia: A Final Warning* — London: Penguin, 2009.

лесов. Это не означает, что защита среды обитания способна «остановить изменение климата». Нравится нам это или нет, но изменение климата, вероятно, сейчас является контекстом, в котором ведутся экологические противостояния, а не субъектом, против которого может быть направлена борьба.

За природой последнее слово

В Восточной Европе удивительная дикая природа кишит лосями и волками. Над лесами и пастбищами Чернобыльникового леса³⁰ летают филины, а бобры строят плотины на реках и болотах. В этом месте, ставшем по сути одним из крупнейших заповедников Европы, ползучие растения взбираются на здания, рыси бегают по заброшенным полям, а сосны уже давно пробили асфальт. Добро пожаловать в Чернобыльскую зону отчуждения! После ядерной катастрофы 1986 года из этой зоны было эвакуировано более 120 000 человек, большинство из которых так и не вернулось. В самом сердце зоны, в городе Припять, где ранее проживало 50 000 человек, сейчас пустынно (есть только небольшое количество сквоттеров и сквоттеров), но это отнюдь не город-призрак. «Припять начала возвращаться в природу сразу после того, как люди её покинули: некому было подстригать, подрезать и пропалывать»³¹

Невероятная способность природы возрождаться и процветать после катастроф очевидна как на примере предыдущих массовых вымираний, так и на примере её умения исцелять многие земли, пострадавшие от цивилизации. Её истинная сила редко рассматривается в рамках герметичного, антропоцентричного мышления тех, кто извлекает выгоду из настоящего или пытается планировать будущее. Функционированию земной системы свойственна как разрушительность, так и щедрость, и она — не сознательный бог, заинтересованный в сохранении нас или своего нынешнего устройства: это мы можем наблюдать сейчас, когда Земля переходит в новое, гораздо более горячее состояние. С нами или без нас, «жестокая классовая война всё равно закончится победой дикой природы»³². В каком-то смысле в этом есть утешение, но мы не должны надеяться на такую «победу», подобно христианским фундаменталистам со своим «вознесением», потому что те виды, которые были вытеснены в небытие, не восстанут из мёртвых, как и мы. Тем не менее, за природой последнее слово.

---

³⁰ Так можно перевести имя, данное журналисткой Мэри Майсио в своей книге 2005 года одичавшей и расцветающей после устранения влияния человека Зоне отчуждения («Чернобыльниковый» — от «чернобыльник», «чернобыль» или «полынь обыкновенная», лат. *Artemisia vulgaris*) — прим. пер.

³¹ Masic M. *Wormwood Forest: A Natural History of Chernobyl* — Washington: Joseph Henry Press, 2005, p. 6. В настоящее время (2010 г.) некоторые элементы в Украине настаивают на повторном окультуривании большей части заброшенных земель для сельскохозяйственного производства.

³² *Down with Empire, Up with Spring!* — Te Whanganui a Tara/Wellington: Rebel Press, 2006, p. 159.

9. Анархисты за стенами

Социальная война в умеренном климате

Джеймс Лавлок говорит, что «предсказанная климатическая катастрофа... несёт угрозу именно цивилизации»¹. Мой оптимизм, к сожалению, не столь велик — цивилизация в той или иной форме сохранится, причём во многих регионах. Неслучайно первая цивилизация, получившая глобальное распространение, возникла в умеренном климате Европы. Возведённые империи многих других цивилизаций просто разрушали свою среду обитания и в результате терпели крах. Но океанический умеренный климат простил западноевропейской цивилизации множество ошибок, что позволило ей выйти за пределы своего региона и захватить большую часть Земли. Как и другие цивилизации, она оставляет после себя пустыни. Однако, будучи глобальной по охвату, но среднеширотной по происхождению, она множит пустыни в основном в далёких от своего центра местах. Так что некоторые из ключевых стран, исторически ответственных за глобальное потепление, будут затронуты им в наименьшей степени. По крайней мере, напрямую.

Согласно большинству моделей, в то время как крупные капиталистические страны, охватывающие несколько климатических зон (Австралия, США, Россия), могут столкнуться со значительными прямыми разрушениями² жителей умеренных зон — особенно океанических и горных — может ждать жаркий, но относительно спокойный климат, периодически прерываемый экстремальными событиями³. Прогноз относительно социальной войны⁴ во многом походит на климатический: жарко, но относительно спокойно, местами — экстремальные события. «Относительно»

¹ Lovelock J. *The Revenge of Gaia* — London: Penguin, 2006, p. 10. Некоторые сомневаются, действительно ли он так считает, полагая, что он преувеличивает ради эффекта или чтобы побудить к действию. Я спросил его об этом лично, и он ответил, что искренне считает, что это, вероятно, так и есть.

² Например, некоторые модели предсказывают, что «условия засухи, приведшие к кратковременному состоянию Пыльного котла [Пыльный котёл — серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 годами (в отдельных регионах до 1940 года). Вызвана сочетанием антропогенных (экстенсивное ведение сельского хозяйства, деградация почв) и природных (засухи) факторов — прим. ред.], могут стать новым климатом [американского юго-запада]» — Smith L. C. *The World in 2050: Four Forces Shaping Civilization's Northern Future* — New York: Penguin, 2010, p. 108.

³ «Климатическая война может убить почти всех нас и оставить немногих выживших жить в каменном веке. Но в нескольких местах в мире, включая Великобританию, у нас есть шанс выжить и даже жить хорошо». — Lovelock J. *The Vanishing Face of Gaia: A Final Warning* — London: Penguin, 2009, p. 22. Интересный взгляд на будущее Британских островов см.: Kohn M. *Turned Out Nice: How the British Isles will Change as the World Heats Up* — London: Faber & Faber, 2010.

⁴ «Социальная война: нарратив „классовой борьбы“ вышел за рамки классов и включает в себя сложности и множественность... конфликтов в рамках всех иерархических социальных отношений». — Sionnach L. *Earth First Means Social War: Becoming an Anti-Capitalist Ecological Social Force* // *Earth First! Journal*. Lughnasadh 2008, Vol. 28, No. 5.

здесь означает относительно ситуаций в других местах на быстро нагревающейся и раздираемой противоречиями планете, а НЕ относительно социальных и климатических ситуаций сегодня. Средиземноморские земли, вероятно, станут намного более жаркими (в обоих смыслах). Это может способствовать росту числа анархистов и анархисток в распространяющейся версии того, что Европол назвал «средиземноморским треугольником анархического насилия»⁵. В целом, в странах с умеренным климатом, не имеющих выхода к морю и расположенных в центрах континентов, лето, скорее всего, станет значительно жарче. Некоторые, например, Лавлок, даже предсказывают функциональный коллапс существующих там форм сельского хозяйства.

В фильме «Дитя человеческое» страны по всему миру охвачены голодом, мятежами, гражданскими войнами, эпидемиями и «природными» катастрофами. Пока большая часть планеты там находится в состоянии коллапса, Британия «не сдаёт позиции», сохраняя типичную авторитарную систему, в которой большинство людей продолжают выполнять свои классовые роли и ежедневно ездить на работу. Тем временем беженцы-полиглоты в огромном количестве находятся в заключении в приморском городе-гетто. Такая картина может стать образом будущего не только Британских островов, но и многих других стран с умеренным климатом, особенно государств, имеющих океанические границы (которые как смягчают климатические экстремумы, так и облегчают пограничный контроль), таких как Новая Зеландия, Тасмания и др. Хотя конформизм, как я подозреваю, останется нормой, всё более авторитарные условия и экономический эффект глобальных потрясений будут время от времени вызывать эффектные вспышки классового гнева и более широкое формирование диссидентских культур — пусть даже «маргинальных». Горд Хилл из племени *кваквака'вак* верно уловил суть:

Слияние войны, экономического упадка и экологического кризиса приведёт к усилению общего социального конфликта в империалистических странах в ближайшие годы. Именно этот растущий конфликт изменит нынешние социальные условия, породив немалые возможности для организованного сопротивления. Правители хорошо знают об этом, и именно по этой причине государственные репрессии сейчас являются основным средством социального контроля (то есть значительное расширение полицейских и военных сил, новые законы о терроризме и т. д.)... Сейчас мы находимся в периоде, который можно охарактеризовать как «затишье перед бурей»⁶.

Как и Горд Хилл, главный британский учёный предупредил (с государственной точки зрения) о фатальном стечении крайне неблагоприятных обстоятельств в 2030 году из-за потенциальной нехватки воды, продовольствия и энергии, что может привести к «серёзной дестабилизации, росту беспорядков и большим проблемам с международной миграцией, поскольку люди будут уезжать, чтобы избежать

⁵ *Europol. Terrorist Activity in the European Union: Situations and Trends Report* — Europol: The Hague, 2003.

⁶ *Zig-Zag. Colonization and Decolonization: A Manual for Indigenous Liberation in the 21st Century* —

нехватки продовольствия и воды⁷. Хотя эта буря может первоначально разразиться в других местах, государства (и их пленные), в значительной степени зависящие от международной торговли, также пострадают.

Такая картина социального конфликта не должна создавать ложное впечатление, что грядущие «смуты» приведут к некой либертарной социальной трансценденции. Подозрение, что в будущем количество смут будет расти (и что некоторые из них устроим «мы») не предполагает никакой общей «победы». Стоит помнить о том, что социальные кризисы неизбежны в обществах, основанных на классовой войне. В будущем они будут лишь усугубляться из-за возникающих условий. Кроме того, не стоит игнорировать успокаивающее воздействие представлений о том, что в остальных местах может быть «ещё хуже». В главе 3 «Бури в пустыне» мы рассмотрели, как страны вроде Америки, Британских островов и т. д. могут «прибегнуть к комбинации мер, которые в итоге приведут к карантину», и было бы наивно думать, что это будет политикой только государств; на самом деле, стоит ожидать, что более активные призывы к усилению границ будут исходить от всех классов⁸. В то же время у Лавлока на удивление можно обнаружить оптимистичный взгляд:

Скандинавия и океанические части Северной Европы, такие как Британские острова, вероятно, будут избавлены от худших последствий жары и засухи, которые принесёт глобальное потепление. Это налагает на нас особую ответственность за то, чтобы... дать убежище невообразимо большому потоку климатических беженцев⁹.

Легальная иммиграция сегодня является классово (и в некоторой степени расово) избирательной. Такое положение, вероятно, будет только усиливаться. Общая борьба вряд ли изменит ситуацию, хотя, если сосредоточиться на отдельных людях, то, несомненно, можно будет добиться больших успехов.

Хотя живущие «за стенами» могут оставаться защищёнными от некоторых более явных и масштабных конфликтов (и возможностей), вероятно, характерных для этого века, социальная война идёт повсюду. Отсутствие открытой гражданской войны говорит лишь о глубине нашего одомашнивания — ведь в большинстве мест охрана порядка носит спорадический характер. Социальные порядки присутствуют почти везде. От скуки, боли и унизительности наёмного труда и до исключения из земельных сообществ — всё это признаки того, что мы живём на оккупированной территории. Если мы пренебрегаем логикой частной собственности и берём еду или кров, когда это необходимо, мы рискуем столкнуться с охранниками, судебными приставами, полицией и тюрьмами. Хотя классовые жертвы в этом спектакле по-

---

Victoria: Warrior Publications, 2006, p. 28.

⁷ Beddington J., цитируется в *World faces 'Perfect storm' of problems by 2030, chief scientist to warn // The Guardian* — 2009.

⁸ Иммиграционный контроль в Великобритании был фактически «победой», впервые введённой после огромной мобилизации левых против еврейских мигрантов. Анархисты, единственные, кто вообще не признавали границ, что примечательно, практически целиком составляли ту часть левых, которая агитировала против этого. См.: Cohen S. *That's Funny, You Don't Look Anti-Semitic: Anti-racist Analysis of Left Anti-Semitism* — London: Beyond the Pale Press, 1984.

⁹ Lovelock J. *Climate Change on the Living Earth* — The Royal Society, 2007.

чи отсутствуют, их становится всё больше: в моей стране самые богатые живут в среднем на 10 лет дольше, чем самые бедные¹⁰, а низкое положение в иерархии — один из главных предвестников смертельных сердечных заболеваний (благодаря социальному стрессу)¹¹. Как ни странно, люди чаще убивают себя сами, чем погибают в войнах или в результате межличностного насилия¹²: в Великобритании, например, самоубийство остаётся главной причиной смерти как среди мужчин, так и среди женщин в возрасте 15-34 лет¹³. Ассимиляция проходит болезненно, а травмы, членовредительство, жестокое обращение и зависимость распространены повсеместно, Как сказал Рауль Ванейгем, для многих «самый большой государственный секрет — это убогость повседневной жизни»¹⁴.

Наши жизни могут быть более свободными и более дикими, и, как анархисты и анархистки, мы прикладываем все усилия, чтобы сделать их такими: и не в по-слереволюционном раю, а сейчас. Тем не менее, несмотря на то, что мы анархисты, многие из нас живут в относительно умеренном социальном климате, вдали от открытых масштабных конфликтов, происходящих за пределами стен. В этом есть свои преимущества и недостатки.

Государства надзора и культуры безопасности

Взгляд Крепости обращён как наружу, так и внутрь. Всё новые и новые технологии контроля внедряются под предлогом страха перед варварами — будь то террористы или мигранты. Почти как в научно-фантастических антиутопиях, беспилотники скрытого наблюдения уже летают в британском небе. Они якобы были введены для контроля морских границ, но в итоге это оказалось военной хитростью¹⁵. Во многих странах камеры, некоторые из которых теперь оснащены микрофонами, распространены до такой степени, что становятся практически незаметными — не

¹⁰ Poor in UK dying 10 years earlier than the rich, despite years of government action // *Guardian* — 2010.

¹¹ Wilkinson R. *Mind the Gap: Hierarchies, Health and Human Evolution* — London: Weidenfeld & Nicholson, 2000.

¹² Phillips J. *Trauma, Repair and Recovery* — Oxford: Oxford University Press, 2008, p. 5.

¹³ Эта статистика предполагает упорядочивание данных, которое разделяет раковые заболевания и несчастные случаи. См.: Griffiths C. et al. *Leading causes of death in England and Wales — How should we group causes?* — London: National Office of Statistics, 2005, p. 11.

¹⁴ Ванейгем Р. *Революция повседневной жизни* — Гилея, 2005.

¹⁵ «Полиция Великобритании планирует использовать беспилотные дроны-шпионы, неоднократно применяющиеся в Афганистане; для „рутинного“ мониторинга асоциальных участников дорожного движения, протестующих, сельскохозяйственных воров и тех, кто выбрасывает старые крупногабаритные вещи вне свалок... Ранее полиция Кента заявляла, что беспилотники будут использоваться над Английским каналом для мониторинга судоходства и обнаружения иммигрантов, пересекающих границу из Франции. Однако, судя по документам, морской фокус был, по крайней мере частично, стратегией из области связей с общественностью по минимизации беспокойства относительно гражданских свобод. В протоколе одного из самых ранних совещаний, состоявшегося в июле 2007 года, говорится: „Существует потенциал преподнесения общественности факта использования беспилотников на море как чего-то хорошего, а не чего-то в духе большого брата“». — *CCTV in the Sky: police plan to use military-style spy drones* // *Guardian* — 2010. Совсем недавно Ассоциация старших должностных лиц полиции подтвердила, что три подразделения уже используют дроны, а национальная схема объявлена на тендер: *Unmanned drones may be used in police surveillance* // *Guardian* — 2010.

потому, что они скрыты, а потому, что стали нормой. Всепроникающие технологии контроля, многие из которых даже оплачиваются *нами самими* и принимаются добровольно (мобильные телефоны, компьютеры, банковские карты и дорожные камеры с распознаванием номерных знаков), составляют карты социальных сетей, меняют привязанности и формируют маршруты для физических перемещений.

Новые коммуникационные технологии — это новые способы заставить нас говорить.

Когда эти новые технологии сочетаются со старой доброй человеческой разведкой, осуществляющей с помощью информаторов и лазутчиков, действующих в сообществах сопротивления, государства и корпорации могут получить такой уровень контроля, который был недостижим ещё несколько десятилетий назад. Удастся ли объединить технологии контроля и создать настоящее разведывательное государство, которое будет способно не просто собирать данные, а видеть человека насквозь? Это нам ещё предстоит узнать, но сегодня оптика уже сфокусирована на культурах сопротивления. К сожалению, зачастую мы сами способствуем такой фокусировке.

Наш тиранический враг теперь черпает свою силу не в способности заткнуть рот людям, а в умении заставить их говорить. Перенос центра тяжести с овладения самим миром на захват мирового способа раскрытия информации требует внесения некоторых изменений в наши тактики¹⁶.

«Тишина и за её пределами», Тиккун 1

Быстрым ответом может быть (наряду с отказом от любого диалога с властью и спектаклем) отказ от использования новых почти универсальных коммуникационных технологий. Хотя игнорирование таких технологий может иметь некоторые преимущества для жизни, оно выделяет человека из толпы. Согласно среднесрочному прогнозу военного ведомства Великобритании: «К концу периода [к 2036 году], вероятно, большинству населения планеты будет трудно „отключиться от внешнего мира“. ИКТ [информационно-коммуникационные технологии], скорее всего, настолько распространятся, что люди будут постоянно подключены к сети или двустороннему потоку данных с присущими им проблемами для гражданских свобод: отключение от сети может начать считаться подозрительным»¹⁷. Мы быстро движемся к такому будущему. Когда в 2008 году французская антитеррористическая полиция вторглась в земельную общину в Тарнаке, одним из публичных обоснований подозрения в создании террористической ячейки было то, что мало у кого из живущих там были мобильные телефоны!¹⁸

Условный договор гласит, что первый шаг для тех, кто, спланировав будущее, теперь хочет воплотить его в жизнь, — это заявить о себе, сделать свой голос услышанным, говорить правду власти. Но не стоит забывать, что «слушающий, а не гово-

¹⁶ Silence and Beyond // *Tiqqun 1* — Paris: Tiqqun, 1999.

¹⁷ *Development, Concepts and Doctrine Centre, Global Strategic Trends Programme 2007-2036* — London: Ministry of Defence, 2006. «Исходный документ для разработки оборонной политики Великобритании», цитируется в Dyer G. *Climate Wars* — Toronto: Random House, 2009, р. 5.

¹⁸ *Rural idyll or terrorist hub?* // *Guardian* — 2009.

рящий, навязывает условия»¹⁹. Большая часть активистских низкоуровневых споров, а также само существование отдельных социальных пространств активно обозначают людей и места для потенциального полицейского контроля. Это не значит, что сопротивление бесполезно (если иметь в виду значимые, достижимые цели, а тактику не превращать в цель), или что мы должны отказаться от создания сообществ, в которых можно жить и любить. Скорее, мы должны понимать, что многие «подрывные» действия — и социальные отношения — служат потребностям власти не меньше, чем потребностям свободы. Баланс преимуществ всегда должен приниматься во внимание. Мы должны всегда задавать себе вопрос: «В какой степени планируемое действие или метод социальных отношений может привести к утечке данных о личностях, потенциально участвующих в сопротивлении?» В условиях усиления моцки государств надзора и приближения бурь возрастает наша ответственность друг перед другом, особенно перед теми, кто пока не проявляет активности. Однако, несмотря на всё сказанное выше, если мы не верим в глобальное революционное будущее, мы должны продолжать жить в настоящем. Книжные полки переполнены историями борьбы прошлого и фантазиями о послереволюционном будущем, в то время как об анархистской жизни при капитализме, а не после него, написано на удивление мало²⁰. Но ведь большинство анархистов и анархисток из регионов с умеренным климатом всё ещё живут при капитализме, и это вряд ли изменится в ближайшее время.

Государство — это не то, что может быть уничтожено революцией, это со-
стояние, определённые отношения между людьми, способ человеческого
поведения. Мы разрушаем его, заключая другие отношения, ведя себя
по-другому.

Густав Ландауэр²¹

Во многих местах мы «ведём себя по-другому», распространяя любовь и коопера-
цию, а также сопротивляясь тем, кто мог бы быть нашими хозяевами, и/или ускользая
от них. Одной из сильных сторон анархистских течений всегда было желание и по-
пытка жить этично в текущий момент. Не нужно верить (хотя многие это делают),
что контркультуры являются прототипами будущих обществ/культур, чтобы увидеть
их ценность. В конце концов, хотя в большинстве умеренных мест анархистские
сообщества не являются «новыми мирами для будущего», они всё ещё остаются
«казармами и убежищами для сегодняшнего дня»²², и в этом нет ничего нового, даже
если может показаться иначе.

В классический период анархизм приводился в движение в основном крестьян-
скими восстаниями (вспомните Сапату и Махно) и по сути богемными, в основном

---

¹⁹ Silence and Beyond // *Tiqqun* 1 — Paris: Tiqqun, 1999.

²⁰ См.: Avrich P. *Anarchist Voices* — Oakland: AK Press, 2005; *The Call* — London: Short Fuse Press, 2010; Ward C. *Anarchy in Action* — London: Freedom Press, 1988; Growing Counter Cultures // *Down with Empire, Up with Spring!* — Te Whanganui a Tara/Wellington: Rebel Press, 2006, pp. 61-79; Crimethinc. *Dropping out: A Revolutionary Vindication of Refusal, Marginality, and Subculture* — London: Active Distribution, 2010.

²¹ Landauer G. *Revolution and other Writings* — Oakland: PM Press, 2010.

²² *Down with Empire, Up with Spring!* — Te Whanganui a Tara/Wellington: Rebel Press, 2006, p. 77.

городскими, анархистскими «контрсообществами» (если использовать термин Мюррея Букчина для обозначения миров, создаваемых испанскими анархистами вплоть до фашистской контрреволюции)²³. Основой анархистских контрсообществ всегда были активные меньшинства: Испания до 1936 года, еврейские анархисты в Северной Америке, иллегалисты во Франции, итальянские анархо-синдикалисты в Аргентине. Меньшинства могли увеличиваться в моменты восстаний, но они всегда оставались меньшинствами. То же самое можно сказать и обо всех последующих либертарных сообществах. В обозримом будущем либертарии в регионах с умеренным климатом будут оставаться меньшинством; даже когда снаружи стен появятся возможности для широкомасштабной анархии. Мы можем сделать многое, но мы не можем изменить тот факт, что большинство граждан к нам не присоединится добровольно и активно. Оставаясь внутри стен, мы продолжим свою борьбу, которая, однако, может стать ещё более опасной для всех участвующих.

Я живу в районе с большим анархистским сообществом. Я не выбирал(а) общество, в котором протекает моя жизнь, но эти люди делают её прекраснее, с ними я могу продолжать участвовать в сопротивлении. Такая кластеризация, к сожалению, прямо создана для привлечения нежелательного внимания. Мы не должны питать иллюзий относительно нашей способности быть одновременно открытыми для мира и закрытыми для государства, но меры «культуры безопасности» могут минимизировать ущерб. Конечно, наша безопасность в конечном итоге зависит от общества в целом, а не только от практик сообщества. Некоторую защиту даёт страх государства, что усиление репрессий может привести к росту сопротивления и в целом разрушить чары иллюзорного общественного спокойствия. Иначе большинство из нас уже было бы в застенках. Контркультуре для выживания нужна встроенная безопасность, но наша главная безопасность зависит от общей культуры.

Выбор вмешательств/кампаний/противостояний/мест для жизни должен зависеть (где это возможно) от потенциала социального заражения: от наличия факторов, которые связывают нас, наши желания, этику и потребности с желаниями, этикой и потребностями окружающего общества. Поступая так, мы защищаем себя. Выбор противостояний на основе наличия единомышленниц и единомышленников на местах, а также увязка вырашиваемых нами анархий с существующими экологиями, социальными отношениями и достижениями предыдущей борьбы усиливает как собственную безопасность, так и транслируемость анархистских идей. Как сказал Колин Вард:

Многие годы попыток быть пропагандистом анархизма убедили меня в том, что мы приобщаем наших сограждан к анархистским идеям именно через использование общего опыта неформальных, преходящих, самоорганизующихся сетей отношений, которые на деле делают человеческое общество возможным, а не через отвержение существующего общества в целом в пользу некоего будущего общества, где какой-то другой вид человечества будет жить в совершенной гармонии²⁴.

²³ Bookchin M. *The Spanish Anarchists: The Heroic Years 1868-1936* — Edinburgh: AK Press, 1988.

²⁴ Ward C. *Anarchy in Action* — London: Freedom Press, 1992, p. 5.

Поиск других союзников и союзниц, а также более широких соразмерных социальных отношений позволяет нам больше учиться и помогать друг другу. Это не значит, что нам стоит разбавлять свои ряды. Мы — анархисты и анархистки. Наши сильные стороны проистекают из наших желаний и активных решений жить в большей свободе и дикости. Это важно как для сообществ, так и для отдельных личностей. Ложное единство с авторитарными социальными силами только ослабляет нас. В меру наших невеликих сил либертарные сообщества сопротивления собирают ресурсы и развиваются связи взаимопомощи в городах, заново заселяют и защищают землю, пытаются взрастить боевой дух. Мы способны достичь гораздо большего, и начало уже положено.

Не стоит забывать, что наши сообщества являются частью социума, отсюда вытекает одна из их особенностей: либертарные практики могут просачиваться в окружающую культуру, часто в искажённом виде, но не всегда полностью очищенные от этики и целебности. Как бы ни была ужасна нынешняя ситуация, сопротивление и непредвиденные последствия отдельных вспышек борьбы не позволили ей стать ещё хуже. Но так же, как мы не можем «спасти мир», мы не способны «отвоевать будущее». Тем не менее, мы будем его частью.

Мы не «семя будущего общества в оболочке старого», а один из многих элементов, из которых формируется будущее.

Больше сопротивляйтесь, меньше подчиняйтесь

Когда сопротивление и дезертирство существенно угрожают власть имущим, репрессии/ контрреволюции неизбежны. Одним из ответов на вопрос о том, как сделать контркультуры менее опасными для тех, кто *находится внутри*, мог бы быть следующим: избавить их от антагонистического образа и сделать так, чтобы они казались безобидными для власти. Тактики уклонения и непротивления основываются на живом опыте анархий как вне цивилизации, так и внутри неё. Но если оставить в стороне этические вопросы²⁵, то текущая реальность такова, что хотя и можно пытаться игнорировать государство, оно не будет игнорировать вас, если вы находитесь на контролируемой им территории. Сообщества, которые базируются на земле и способны хотя бы частично обеспечивать себя сами, всё равно столкнутся с вмешательством, в то время как у тех, кто погружён в капитализм, часто не остается иного выбора, кроме как тратить время на всё более удручающую работу за всё более недостойную зарплату без возможности оказывать сопротивление.

Другой ответ на вышепоставленный вопрос — это сопротивление в сочетании с сохранением незаметности. Сопротивление необходимо всегда (предпочтительно в выигрышных кампаниях), но на несколько более приглушенном уровне, пока не наступит масштабный социальный кризис. Что примечательно, этого подхода придерживаются многие из нас уже сейчас (сознательно или нет).

Учитывая наше текущее положение, многое из того, что мы уже делаем, имеет смысл, даже если мотивы этих действий по-прежнему пропитаны миллениарист-

---

²⁵ Churchill W. *Pacifism as Pathology* — Winnipeg: Arbeiter Ring, 1998, pp. 70-74.

скими настроениями (как описано в Главе 1). Но, по иронии, от таких действий нередко начинают отказываться, когда (правильно) понимают, что они не приведут к преобразованию мира. Как контркультуры/коммуны/сообщества сопротивления не могут быть зародышами будущего массового анархистского общества, так и прямое действие не способно привести к уничтожению капитализма. Но оно защищает некоторые экосистемы, находящиеся под угрозой, помогает многим из нас и останавливает дальнейшую эрозию нашей свободы. Забастовки и синдикализм не всегда расчищают путь к будущему анархо-коммунизму, но они способны помочь выжить здесь и сейчас, выиграв время для лучшей жизни. Беспорядки, возможно, не приведут к революции, но они помогут многим избавиться от иллюзий спектакля. «Оружие слабых»²⁶ — это то, что есть у многих уже сейчас, а не то, о чём стоит мечтать. Но я бы ни на секунду не стал(а) притворяться, что мы значительно замедляем этот смертоносный марш цивилизаций.

За последние 30 лет наиболее плодородная почва для сопротивления находилась в связанном в сеть пространстве между «подпольем» и «надпольем». Как отмечалось ранее при обсуждении усиления наблюдения, эта почва может исчезнуть из-под наших ног, независимо от аргументов о ее полезности. В культурах сопротивления, в которых нередко наблюдается перекос в сторону молодёжи, со временем легко забыть, как стремительно сужаются возможности. Не так много десятилетий назад у полиции не было экипировки для разгона демонстраций, и им приходилось использовать металлические крышки мусорных баков в качестве импровизированных круглых щитов во время городских восстаний. Не так давно до изобретения датчиков движения борцы за освобождение животных могли свободно проникать в лаборатории, не будучи замеченными. Благотворительные организации могли открыто проводить сбор средств на медицинскую поддержку вооружённых освободительных движений за рубежом (например, для Народной организации Юго-Западной Африки²⁷) через Национальный студенческий союз! Это не призыв к ностальгии по 1980-м — судя по другим рассказам, во многих отношениях сейчас всё гораздо лучше. Тем не менее некоторые возможности уже исчезли, и за ними последуют многие другие.

В какой-то степени многие из тех действий, реализация которых будет становиться всё более трудновыполнимой (это в особенности касается зрелищных действий), можно отсеять без особых потерь. Часто их единственная цель — дать людям почувствовать, что они «занимаются политикой»²⁸. Но некоторые победы и успешные кампании позволили добиться реальных успехов, защитить реальные места и людей, зачастую с помощью тактики, жизнеспособность которой снижается. Каково

²⁶ Термин Джеймса Скотта, в другом контексте. Scott J. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance* — New Haven: Yale University Press, 1987.

²⁷ Народная Организация Юго-Западной Африки или СВАПО (от англ. *South-West Africa's Peoples Organization, SWAPO*) — левая организация населения юго-западной Африки, в основном состоявшая из представителей племени овамбо — прим. ред.

²⁸ В противоположность этому анархистское действие, по выражению французского анархиста Пьера Шардона, — «терпеливое, скрытое, упорное, вовлекающее отдельных людей, разъедающее институты, как червь съедает плод изнутри, как термиты уничтожают величественные деревья — такое действие не поддаётся театральным эффектам тех, кто хочет привлечь к себе внимание». — Цитируется в: Berry D. *A History of the French Anarchist Movement: 1917-1945* — Oakland: AK Press, 2009, p. 42.

же тогда будущее сопротивления, по мнению тех, кто находится с «другой стороны баррикад»?

Для начала нам следует уяснить, что мы отнюдь не считаемся единственной или даже главной сопротивляющейся социальной силой. Несчастья, бедность, социальная стратификация, иррациональность и стремление к борьбе встречаются повсеместно, и многие среди элит понимают, что потенциал хаоса зачастую едва скрыт. Как отмечалось ранее при обсуждении роста мегагородов, теоретики государства не ошибаются, когда рассматривают экономическую преступность в отрыве от более широкой классовой войны. Что касается сугубо «политического», то многие активисты и активистки, похоже, были весьма недовольны, когда 11-ое сентября и рост исламского терроризма подорвали «движение движений», которое десять лет назад считалось единственным в Сиэтле. Рост (пусть и ограниченный) негосударственных авторитарных акторов, будь то подражатели Аль-Каиды или ультраправые «солдаты расы», показывает, что за стенами существует множество потенциальных повстанческих сообществ, многие из которых являются нашими врагами в той же степени, что и государства.

Полковник Томас Х. Хэммс (*Корпус морской пехоты США*) в своей влиятельной книге *The Sling and the Stone* [«Праща и камень»] популяризовал идею войны четвёртого и пятого поколений. Некоторые военные теории уже давно предполагают деление различных форм современных конфликтов на поколения. В наиболее распространённой схеме война первого поколения (1GW) характеризуется возникновением конфликта с участием огромных армий, явным примером которого стали наполеоновские войны, 2GW — индустриализованные конфликты в стиле Первой мировой войны, а 3GW — блицкриг Второй мировой. 4GW была разработана Мао в теории и на практике и включает, среди прочего, войны в Китае, Вьетнаме, Сомали, Газе, Ираке (после успешного 3GW-блицкрига), а также так называемую «войну с террором». Это сильно упрощённая версия схемы, но, надеюсь, вы уловили общую идею.

Большую часть книги Хэммс посвящает объяснению 4GW, указывая, что это форма войны, которую США и другие страны ведут и будут вести в течение некоторого времени, и что — по крайней мере, в XX веке — это единственный вид войны, который они проиграли, по крайней мере на международном уровне. Однако западные государства довольно успешно предотвращают «террористические акты» четвёртого поколения в пределах своих границ. Это происходит по целому ряду причин, не последней из которых является их растущая способность к эффективному наблюдению за сетями сообществ. Но далее Хэммс утверждает, что «войне четвёртого поколения уже более семидесяти лет, и она достигает зрелости». «Хотя мы только начинаем ясно понимать это, история показывает, что пятое поколение войн уже развивается». Полковник обращает внимание на то, что 5GW может осуществляться «людьми или небольшими группами с исключительными возможностями», которые не встроены в более широкие сети и поэтому гораздо менее заметны. Последняя особенность является явным отличием 5GW от 4GW. Большая часть ELF и ALF позиционируют себя подобным образом, хотя это редко соответствует действительности, о чём свидетельствуют успешные репрессии против сетей движения за освобождение животных в 80-х и «Зелёной угрозы» в 90-х. В некоторой степени 5GW также

проявляется через рост числа «одиноких волков» в оппозиционном спектре. Стоит отметить, что «исключительные возможности» в понимании Хэммса предполагают не только избыток ницшеанской веры в себя, но и успешное использование высоких технологий²⁹.

Ранее мы рассмотрели размышления военных о повстанцах в новых мегагородах большей части мира. Желающие сохранить безропотный мир помнят Лос-анджелесский бунт³⁰ и быстро милитаризуются в ожидании его возвращения. Масштабы апокалиптического мышления среди элит (и неспособность угнетённых классов соответствовать им) стали наиболее очевидны после урагана «Катрина». Однако даже если подобные восстания не происходят ежедневно, всё ещё остаются возможности для участия в более широкой социальной и экологической борьбе. Мы можем демонстрировать работоспособность самоуправления, помогать воспитывать боевой дух и поддерживать инфраструктуру. Успех часто приходит тогда, когда восстания, казалось бы, возникают из ниоткуда, но на самом деле им помогают воля и опыт, накопленные в устоявшихся сообществах сопротивления. Однако политики часто пытаются отсрочить моменты появления восстаний, импульсы последних делятся недолго, а государство способно быстро на них среагировать. Такие восстания не станут основой для полного либертарного преобразования мира, но с их помощью периодически становится возможно добиваться реальных классовых успехов, защищать сообщества и экологию, делать жизни людей более безопасными, показывать людям их собственные способности и избавляться от иллюзий спектакля³¹. Очевидно, что эти победы могут нам дорого обходиться. Не стоит забывать о репрессиях и терять бдительность, выпустив пар. Мы также не должны питать иллюзий относительно того, что авторитарные социальные силы — по обе стороны баррикад — не попытаются воспользоваться такими моментами для своих собственных целей.

Тогда кажется (по крайней мере для некоторых наших противников), что основными *наступательными формами*, которые сопротивление примет в более освобожденных и несвободных будущих мирах с умеренным климатом, будут малые автономные группы (и отдельные люди) с исключительными возможностями, а также

²⁹ Кстати, теория/практика 4GW очень развита и, хотя включает в себя партизанскую и сетевую войну, имеет более широкое значение как в теории, так и на практике. Только ради этого книгу стоит прочитать. Hammes T. X. *The Sling & The Stone: On War in the 21st Century* — St. Paul: Zenith Press, 2004. Цитаты, стр. xiv и стр. 290 соответственно. Уморительно, как ALF иногда воспринимается в качестве ширмы для китайской военной атаки на американскую «животноводческую промышленность» под фальшивым флагом 4GW. р. 259.

³⁰ Лос-анджелесский бунт — массовые беспорядки, происходившие в Лос-Анджелесе с 29 апреля по 4 мая 1992 года, повлёкшие гибель 63 человек и причинение ущерба на сумму в 1 миллиард долларов. Бунт стал ответом на очередной случай полицейского насилия на расовой почве и выраженное экономическое неравенство в регионе — прим. ред.

³¹ «Чтобы быть феминисткой, нужно сначала стать ею... Феминистки не осознают вещи иначе, чем другие люди; они осознают сами вещи. иными. Феминистское сознание, можно сказать, превращает „факт“ в „противоречие“». — Сандра Ли Бартки [Sandra Lee Bartky], цитируется по: Adams C. J. *The Sexual Politics of Meat: A Feminist-Vegetarian Critical Theory* — New York: Continuum, 1991, р. 184. Многие выражают анархистские взгляды в письменном виде, но редко кто, по крайней мере, по моему опыту, решает стать анархистом/анархисткой после прочтения тех или иных работ. Самой мощной «пропагандой» является «дело» — живой опыт, участие в сопротивлении, встреча с любовью и живой этикой анархистских сообществ.

неконтролируемые эпизоды массового социального противодействия. В настоящее время существует и промежуточный вариант (в основном занятый активизмом и преступностью); который, вероятно, скоро исчезнет. Как уже было отмечено, подрывные действия служат как делу свободы, так и потребностям власти, поэтому терпимость последней может сохраняться дольше, чем необходимо, если это будет препятствовать возникновению новых форм действий. Также должно быть очевидно, что упомянутые до сих пор стратегии сопротивления — существующие или ещё не появившиеся — являются лишь методами противостояния, а не инструментами для достижения трансценденции или решения всех проблем. Однако такой факт не помешает этим стратегиям быть заявленными в качестве таковых. В наших кругах некоторые коммунисты и коммунистки, несомненно, будут рассматривать социальную борьбу и всплески беспорядков как ведущие к трансценденции, а некоторые примитивисты и примитивистки воспримут 5GW как способ поразить цивилизацию в самое сердце.

Из дальних земель тоже слышен зов, и те, кто находится внутри стен, ещё способны откликнуться на него — по крайней мере, в данный момент. Часто опасно направляться туда, где назревают бури сражений, где возможны анархии, а природа нуждается в защите — но некоторые всегда «предпочитают свободу и опасность, нежели мир и рабство»³². Даже те, кто не предпочитает, могут чувствовать себя обязанными сражаться: либо подрывая устойчивость государств надзора, либо примыкая к борьбе диких территорий и народов, которые становятся всё более редким явлением в зонах умеренного климата. Кто бы что ни говорил, цивилизации всё ещё имеют много внешних проявлений, и, как уже утверждалось в предыдущих главах, глобальное нагревание скорее всего усилит некоторые из них.

Любовь, здоровье и восстание

Я считаю, что ситуация безнадёжна, что человечество достигло точки экологического перелома... но если на минуту предположить, что общество ещё способно удержаться от смиренного падения «в сумрак вечной тьмы»³³, то это возможно только путём незаметного проникновения в этот социальный организм и его последующего заражения микроскопическими частицами болезни под названием Здоровье.

*Кеннет Рексрот, анархист и поэт, июль 1969 года*³⁴.

По крайней мере отчасти мы решили быть анархистами и анархистками, потому что считаем, что так будет лучше с точки зрения этики и социального/личного здоровья. Ведь лучше не быть начальниками и слугами в наших личных и социальных

³² Польский аристократ, цитируется по Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре* — М., 1969.

³³ Странка из стихотворения валлийского поэта Дилана Томаса «Не уходи смиренно, в сумрак вечной тьмы» (англ.: Dylan Thomas. *Do not go gentle into that good night*). Версия перевода с таким названием используется в к/ф «Интерстеллар» — прим. ред.

³⁴ Rexroth K. Radical Movements on the Defensive // *San Francisco Magazine* — 1969. Bureau of Public Secrets — Rexroth Archive.

отношениях. Лучше превращать боль, которую мы чувствуем, в сопротивление, чем обращать её друг на друга, на наши тела и собственные социальные классы. Экологически здоровее (если использовать деградировавший термин) защищать свободы дикой природы, чем позволить всей земле стать территорией цивилизации.

Если бы Рекрот был жив сегодня, он не удивился бы, что теперь, вероятно, слишком поздно пытаться сойти с пути, следующего в «сумрак вечной тьмы». И всё же тем из нас, кто решил быть анархистами в одних из самых одомашненных мест на земле, по-прежнему необходимо найти друг друга — как для того, чтобы сохранять эффективность, так и для того, чтобы быть социально вовлечёнными. Мы должны оставаться незаметными для власти и в то же время быть достаточно социально активными, чтобы заражать других нашими идеями.

Слишком часто активизм некоторых людей напоминает маниакальную фазу биполярного расстройства. За ней неизбежно следует депрессивная фаза, которая, лишив людей чувства всемогущества, только укрепляет иллюзии бессилия. Чтобы стать сильнее и здоровее, а также поощрять и поддерживать в этом других, разумно ставить перед собой осуществимые краткосрочные цели, а не принимать перспективу «всё или ничего». Это касается как того, чего мы желаем добиться своим сопротивлением, так и того, что мы хотим активно создавать, чему мы хотим научиться или просто кем мы хотим стать. Таким образом, наши сознательные действия могут взять на себя функцию коллективной терапии, делая нашу жизнь ощутимо лучше и одновременно позволяя достичь более широких социальных и экологических успехов. Есть множество способов достичь такой цели.

Мы — анархо-синдикалисты в цеху, зелёные анархисты в лесу, социальные анархистки в сообществах, индивидуалисты, когда нас застают в одиночестве, анархо-коммунистки, когда есть чем поделиться, инсуррекционисты, когда наносим удар³⁵.

Анархизм с множеством прилагательных, ставящий цели и их достигающий, может иметь прекрасное настоящее и шанс на светлое будущее, даже если он вообще не вписывается в рамки современного мира. Мы так много можем сделать, столького достичь, столько всего защитить и столь многими стать. Даже здесь, где цивилизация скорее всего ещё имеет будущее.

---

³⁵ CrimethInc. Say you want an Insurrection: Putting the «Social» in Social War // *Rolling Thunder*, No. 8 — 2009.

10. Пустыня

И если мы звери — то не вьючные звери

В этой книге мне хотелось обрисовать настоящие и вероятные будущие, одновременно призывая к отказу от старых иллюзий и игнорированию заведомо проигрышных сражений в пользу чего-то достижимого. Я надеюсь, что призыв оставить дело классовой борьбы/борьбы против цивилизации (индивидуальной и коллективной) был воспринят правильно. Однако я уже слышу обвинения из моего собственного лагеря: обвинения в дезертирстве из дела Революции, в предательстве борьбы за Другой Мир. Такие обвинения справедливы. Но я бы возразил(а), что подобные милленаристские и прогрессистские мифы лежат в основе экспансии власти. Мы можем быть более анархичными.

Этот текст во многом посвящён «общей картине», но это не должно умалять истинную ценность практического и локального, наших эмоциональных связей и повседневных проектов. Нельзя позволять будущему отбирать у нас сегодняшний день, даже если сегодняшний день лишает будущее некоторых возможностей. Ни одно будущее не стоит того, чтобы жить или бороться за него, если его ростки не поддерживаются в настоящем.

Ничто из того, что было изложено в этом тексте, не является каким-то невероятным откровением. В моём анархистском сообществе некоторые из этих идей часто воспринимаются в качестве здравого смысла. Думаю, что и в других сообществах дело обстоит похожим образом. Однако этого не скажешь о наших позициях, выражаемых открыто: и на бумаге, и в том, как мы зачастую говорим друг с другом. Как будто мы чувствуем, что присутствие у нас этих идей идёт вразрез с нашим анархизмом. Однако, как уже говорилось ранее, я считаю, что отказ от прогрессивных и революционных догматов веры может сделать нас более сильными, свободными и психически здоровыми.

Разочарование в «глобальной революции» и в нашей способности «спасти Землю» не должно влиять на нашу анархистскую сущность или ту любовь к природе, которую мы испытываем как анархисты и анархистки. Существует множество возможностей для свободы и дикости. Каковы же эти возможности и как мы можем их реализовать? Какие цели, какие планы, какие жизни, какие приключения возможны, когда иллюзии отброшены и мы идём в мир, не искалеченные разочарованием, но свободные от него, разьюченные?

Если я переправлюсь через реку, переправишься ли ты?

Или утонешь в этой пустыне, в этой пустой чаше, из которой мы пили.

Если мы звери — то не вьючные звери.

В одиночку несись или с множеством прочих,

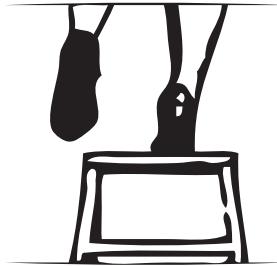
Но двигайся как можно быстрее.

Blackbird Raum, *Valkyrie Horsewhip Reel*¹.

---

¹ Blackbird Raum. *Valkyrie Horsewhip Reel*, Swidden LP — Santa Cruz: Black Powder Records.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Аноним
Пустыня
2011

Перепечатка по изданию: **Аноним. Пустыня** / Перевод с англ. иван кочедыжников.
— Издательство кооператива Компост, 2024.

«Мир не будет спасён» — одно из кредо «Пустыни». Экологический кризис усугубляется, будущее становится всё более непредсказуемым, а освободительные идеи, включая анархизм, продолжают тонуть под тяжестью просвещенческого наследия. Джон Зерзан прозвал Пустыню «документом о капитуляции», многие другие же оценили её за «непоколебимую трезвость». Например, Александр де Акоста отозвался о ней так: «Это не оптимизм и не пессимизм в обычном смысле; это другой способ понять анархию». Глобальная революция вряд ли произойдёт, но это ещё не значит, что все пути к свободе закрыты. «Невообразимые странности» грядущего породят не только новые проблемы, но и новые возможности для всех, кто жаждет свободы. За что бороться и что делать, если «гармоничное сообщество свободных личностей» не становится ближе, а цивилизация не намерена отступать даже под угрозой исчезновения многих из её центров? Оригинал на английском.

Книга выпущена под лицензией Creative Commons (CC BY-SA) — «Attribution — ShareAlike» (С указанием авторства — Сохранение условий)

ru.anarchistlibraries.net